

Элемент крови

ZOTOB®
СЫЩИКИ
ПРЕИСПОДНЕЙ

ВПЕРВЫЕ
ДВА БЕСТСЕЛЛЕРА
В ОДНОМ ТОМЕ

Минус ангел

Георгий Александрович Зотов

Същики преисподней (сборник)

Серия «Калашников»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283416

Зотов, Г.А. Същики преисподней : [романы]: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-088865-8

Аннотация

«Элемент крови» и «Минус ангел» – детективы особой категории. Сперва загадочные убийства (Гитлера, Мэрилин Монро, Брюса Ли) происходят в Аду, а в следующей книге начинают погибать ангелы – уже в Раю. Но как можно убить тех, кто и так уже мёртв? Дьявол поручает расследование следователю царской полиции Калашникову и его помощнику Малинину – служащим Управления наказаниями Преисподней. В этих романах вы найдёте всё – динамичный сюжет, чёрный юмор и даже телефонные разговоры Бога с Сатаной. Обе книги стали бестселлерами не только в России, но и в Европе, переведены на болгарский, сербский и другие языки: общий тираж превысил 70 000 экземпляров. Ведутся переговоры о создании сериала на российском телевидении.

ГАРАНТИРУЕМ – ТАКОГО ВЫ НЕ ЧИТАЛИ НИКОГДА!

Содержание

Элемент крови	6
Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	69
Глава 14	74
Глава 15	78
Глава 16	81
Глава 17	87
Глава 18	91
Глава 19	96
Глава 20	102

Глава 21	105
Глава 22	112
Глава 23	118
Глава 24	123
Глава 25	129
Глава 26	136
Глава 27	142
Глава 28	153
Глава 29	159
Глава 30	168
Глава 31	173
Глава 32	179
Глава 33	186
Глава 34	191
Глава 35	201
Часть вторая	207
Глава 1	207
Глава 2	213
Глава 3	225
Глава 4	232
Глава 5	239
Конец ознакомительного фрагмента.	242

Зотов

Сыщики преисподней

(сборник)

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Зотов Г.А.

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Элемент крови

Часть первая Ангел смерти

В раю лучшие климат, но в аду интересней компания.

Бывший президент Польши Войцех Ярузельский

Пролог

...Боже ты мой, ну и жара. Не успел начать копать – и через минуту уже мокрый, словно мышь. Плотная материя прилипает к телу, словно вторая кожа, пропитываясь влагой насквозь, воздух горячий, плотный, как масло, – ножом можно резать. Жаль, что ни одного помощника с ним уже нет, а на оплату услуг рабочих – ни копейки. Ничего не поделаешь – придется рыть одному.

Он привычно поплевал на стертые ладони – лопата вновь врезалась в сухую почву. В душном пространстве невесомым облаком повисла мелкая пыль. **Искатель** уже дважды полоскал себе рот теплой водой из жбана, но земля продолжала противно хрустеть на зубах.

Он углубился почти по грудь, но, похоже, копать еще оставалось прилично. **Искатель** изрыл эту местность вдоль и поперек, земля походила на дуршлаг – вся в дырках. Неужели и это *донесение* окажется ложным – как и все предыдущие? Хотелось бы верить, что нет, источники в губернаторской библиотеке можно считать вполне надежными. Архивариусы *оттуда* если уж взяли деньги, то и информацию выдадут подробную, а не как в прошлый раз. Подумать только, в каком мире мы живем... Для того чтобы дать взятку «верным людям», пришлось позолотить ручку чиновникам нижнего уровня – чтобы просто подвели к нужному человеку. А сколько золота стоила сама карта *захоронения*, лучше вообще не вспоминать. Матери дом понадобилось продать.

Копать явно придется до вечера – не успели прежние кровавые мозоли на руках зарубцеваться, как сегодня появятся новые. Он замотал головой, тщетно пытаясь сбросить грязь с волос.

Уровень земли достиг его горла, пыль осыпалась вниз с неровных краев ямы. Еще немного, и он выбьется из сил, плюнет на все и устало побредет назад – в домик к Мустафе, как уже было много раз. Он почти потерял надежду, когда лезвие лопаты пружинисто ударило обо что-то твердое. Враз ослабнув, **искатель** упал на колени, лихорадочно разглаживая почву руками. Между пальцев сочилась сукровица от лопнувших мозолей. Задохнувшись, он не удержался от крика. Проклятье! Дерево. Обычный сгнивший кусок дере-

ва, почерневший от времени, рассыпавшийся в труху. Сколько подобных ложных находок он раскопал здесь... И страшно подумать, сколько еще раскопает.

Злоба заливала глаза. Вскочив на ноги, **искатель** свирепо шарахнул по древесной гнилушке лопатой, вложив в этот удар все сожаление о зря потраченных на взятку деньгах. Неожиданно его ноги заскользили – не удержавшись на поверхности, он провалился во внезапно образовавшуюся под сандалиями пустоту почти по пояс. Лопата выпала из его рук, мягко упав в проем. Боже мой...

Неужели это и есть тот самый **тайник**?! Он не верил своим глазам. Заплесневелый кусок дерева? О нет. Похоже, что это остатки двери в маленький грот... Специально выдолбленный кем-то туннель. Сгорбившись в три погибели, **искатель**, задыхаясь, начал судорожно протискиваться в узкий, похожий на медвежью нору проем. Вот оно. Неужели он на **месте**, которое так долго и безуспешно искал? Да. Более чем очевидно – **ЭТО** здесь...

Воздуха под землей почти не было. С трудом двигаясь на четвереньках в полумраке, **искатель** полз по узкому коридору, всхлипывая от предвкушения. И уже через несколько минут наткнулся в темноте на что-то теплое и шероховатое. Огонек в его лампе едва колыхался – он почти ничего не видел, пытаясь выяснить сущность найденного предмета на ощупь. Кажется, перед ним ящик. Да, большой ящик из такого же полусгнившего дерева, как и дверь грота, – он

практически развалился, внутри что-то тускло просвечивает. Кашляя от пыли, забившейся в легкие, **искатель**, обдирая руки, разломал деревянные прутья, покорно крошившиеся в натруженных пальцах. Он поднял трепещущий в стекле язычок пламени и прищурился. Что это такое? Сундук или саркофаг из бронзы – весь позеленевший от времени. Интересно, почему от него идет такой странный запах?

... Не давая себе отчета, зачем именно он это делает, **искатель** осторожно протер рукавом лицо, отчеканенное в профиль на крышке саркофага. В волосах человека в античном хитоне роились бронзовые змеи, глаза не имели зрачков и казались слепыми. Снова приблизив к головкам змей угасающий огонек, **искатель** едва не уронил лампу – лицо на окислившейся печати, закрывающей массивный замок, было ему отлично знакомо.

Через сорок минут, разбив вдребезги замок и отбросив в сторону погнувшуюся лопату, он отчетливо осознал – на этот раз ему снова не повезло. Сволочи-архивариусы подвели. **Искатель** опять не обнаружил того, что так долго искал в иссохшей земле.

Но теперь его это не волновало. Он нашел кое-что гораздо лучше...

Глава 1

Объект номер один (2 часа 58 минут)

Неизвестно, слышали ли соседи страшный, рвущий сердце крик отчаяния и ужаса. В любом случае, привыкнув к тому, что вопли слышатся из-за стены каждую ночь, никто из них не покинул своей постели. Иначе ситуация, которая произошла в комнате одного из жильцов чуть позже, возможно, развивалась бы совсем по-другому.

– А-а-а! Помогите! Мама! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!

...Он проснулся в холодном поту, рывком сбросив с себя промокшую простыню. Опять... Ну сколько же можно? В пульсирующей голове фейерверками взрывались кошмарные образы. Резко пахнувшая, пенящаяся темная кровь... Затянутые белесой пленкой глаза... Мертвые руки, торчащие из-под земли... Он резко сел на кровати, мучительно обхватил лицо трясущимися руками, с трудом протирая слипшиеся веки.

Подумать только, один и тот же сон, вот уже шестьдесят лет... Когда бы он ни уснул, пусть даже забылся минутной дремотой на заднем сиденье автобуса, возвращаясь с ненавистой работы, снова и снова вопли, перекошенные лица, тела, бьющиеся в конвульсиях. Разумеется, он не признал се-

бя виновным на Главном Суде, и знающие люди поймут, почему: он был прав. Он действовал в интересах страны, круглые сутки стараясь обеспечить счастье всех ее граждан... И, в конце концов, приговор в любом случае невозможно назвать справедливым. Что он, один такой во всем мире, что ли?

А если вспомнить тех, что поступали в *Учреждение* после него... Да он сущий ангел по сравнению с этими маньяками. И за что, спрашивается, такое бесчеловечное **наказание**? Он оказался в *городе* уже в немолодом возрасте, ему необходимо регулярно высыпаться, головные боли уже замучили. Но кого из этих тварей интересуют подобные вещи?

Он взглянул на циферблат будильника – светящиеся цифры показывали ровно три часа ночи. С минуту пошарив вслепую рукой по стоящему у кровати колченомому столику, он так и не нашел на кабеле кнопки, включающей лампу, и опрокинул стакан с водой. «Вот дьявол!» – тоскливо подумал он и усмехнулся про себя абсурдности этого ругательства. Встав с кровати, хозяин квартиры на ощупь двинулся в ванную комнату. Глаза еще не привыкли к мраку – сделав несколько шагов, он налетел на дверной косяк. Снова чертыхнувшись, человек инстинктивно схватился за ушибленное колено. Ой-ой-ой-ой... Ну где же находится эта гребаная ручка на двери? Ага, кажется, вот она.

...Черный силуэт в плаще вырос сзади него с молниеносной скоростью. Он не видел взметнувшихся рук – лишь за-

хрипел в ужасе, когда проволочная петля врезалась в горло. Боль оказалась жуткой, запредельной – кожа треснула сразу в нескольких местах. Он инстинктивно рванулся влево, сильно запрокинув вверх голову, как лошадь после водопоя. Услышал леденящий душу шепот: «Наконец-то!», и в ту же секунду человек ощутил на губах каплю какой-то жидкости. Адское жжение, полностью охватившее рот, напоминало расплавленный свинец. Руки неизвестного уже не держали его – он упал на пол и начал кататься, беззвучно крича и раздирая себе горло ногтями. Чудовищное пламя пожирало его изнутри, обращая внутренности в серый пепел, – пальцы морщились и рассыпались в прах, губы чернели, превращаясь в уголи. Жертве казалось, что прошла целая вечность, но на самом деле его предсмертные конвульсии длились не больше трех секунд.

Убийца, мягкими шагами пройдя по ковру, присел рядом с ним, щелкнув зажигалкой. Пламя на мгновение осветило лицо. «Привет», – хорошо знакомым голосом сказал убийца, и это было последнее, что удалось услышать хозяйку квартиры. Тело рассыпалось по полу обугленной искрящейся трухой, и каблук щегольского сапога из змеиной кожи со смачным хрустом раздавил дымящиеся остатки того, что еще недавно было лицом...

Глава 2

Уродское утро (6 часов 02 минуты)

Как всегда, Калашников проснулся довольно рано – этому способствовали дикие крики за стеной. Обычное серое уродское утро – как и все последние восемьдесят пять лет. Соседи в квартире рядом периодически менялись, но проблемы у них всегда оставались одни и те же. Крики плавно перешли в истерический визг, в котором сквозило неподдельное страдание.

Алексею не надо было угадывать, что там в данный момент происходит, персонал *Управления наказаниями* не отличался цветущей фантазией. Опять в комнату к боевикам «Аль-Каиды» запустили отборных свиней, для пущего кошмара обмазанных салом. Террористы прибыли не так давно и еще не совсем привыкли к тому, где находятся. Обычно всего за какие-то пятьдесят лет человек смиряется с чем угодно и сносит наказание тупо и безропотно, словно корова в хлеву. Ведь средняя по продолжительности **кара** длится как минимум сто тысяч лет – при условии, если ты себя хорошо вел, – и самые зверские мучения в дальнейшем становятся такой же привычной процедурой, как утренняя зарядка.

Потягиваясь до хруста в плечах, Калашников вспомнил, как полтора года назад в эту квартиру привезли Аслана

Каскадова. Закопавшиеся в бумагах бюрократы из *Управления наказаниями*, полностью лишённые воображения, тоже вздумали пугать его свиньями. Это какой же кадровый военный в советское время хоть однажды не попробовал свинину – особенно если учитывать то, какой бурдой их кормят в солдатских столовых? Увидев, что на самочувствие Каскадова свиньи не действуют, Шеф задал всему *Учреждению* головомойку. «Развели здесь Сочи! У нас вам не курорт!» Насущная проблема была решена лишь через неделю с помощью «свежей крови» – нового креативного менеджера, поступившего на рабочее место после одной московской автокатастрофы. По его предложению бывшего президента поместили в качестве «молодого» солдата в ремонтный взвод, где заправляли «деды» из армии противника, – все они принимали участие в войне на Кавказе. Каскадов ввиду силы характера пока продержался среди «дедов» три месяца, хотя уже ясно, что ежедневно чистить унитаз зубной щёткой вечно не сможет никто.

Алексей с великим усилием разлепил глаза. Перед ним вновь предстала привычная маленькая комната – ободранные газетные обои, потолок с грязными полосами, вздыбившийся желтый линолеум. Засохший фикус, который ему подарила наивная Мария-Антуанетта, он его уже три года не поливал. Всего-то тридцать метров вместе с кухней. Что ж, хоть хреновая, но зато своя. Иные вон по четыреста лет в очереди стоят.

За стеной меж тем творилась полная вакханалия. Невозможно было понять, кто верещит громче – свиньи или боевики. Ладно, понятно, что уснуть уже не удастся. Хотя какое тут спать, он и так опаздывает. Чертов будильник снова не сработал.

Ополоснув лицо ржавой ледяной водой, Алексей посмотрел в треснутое мутное зеркало над умывальником. Отражение ему не понравилось – бледный брюнет с карими глазами и заросший щетиной, бровь пересекает еле заметный шрам. И что Алевтина в нем нашла? Непонятно. Впрочем, вспоминать Алевтину сейчас явно не к месту.

Глотнув отвратного кукурузного кофе, Калашников быстро застегнул наспех надетую рубашку – принимать душ лень, тем более что в офисе есть отличная душевая, хотя и без горячей воды, но ее все равно никогда нет во всем *городе*. Натягивая брюки, он, прыгая на одной ноге, ухватил со спинки кровати черный пиджак, мельком взглянув на часы. Лифт не работает уже полгода, дряхлая «Победа» ржавеет в гараже-ракушке – «дизеля» купить не удалось, на бензоколонке вчера была гигантская очередь, а халявные талоны закончились неделю назад.

Сбежав по лестнице с восемьдесят седьмого этажа, Алексей ударил плечом полусгнившую дверь подъезда, покрытого облезшей зеленой краской. В глаза бросился гигантский светящийся плакат с рекламой «Кока-колы» – несмотря на привычку, он инстинктивно поморщился. Следует отдать

Управлению наказаний должно – подобные штуки являются на редкость универсальной пыткой. От рекламы страдают все – и сторонники «Аль-Каиды», и антиглобалисты, и коммунисты, и даже бывшие жители США – они-то были уверены, что ТУТ уж точно не увидят этой рекламы. Да что уж там, самих сотрудников «Кока-колы» – и тех при виде щитов начинает тошнить. Есть, конечно, такие сотрудники, которых наличие ярких красно-белых плакатов только радует, но все же *Управление* даром хлеб не ест – их заранее селят в ту часть города, где висят плакаты с «Пепси»...

Пробежав мимо ларька с криво приклеенной бумажкой «Пива нет по понедельникам и во все остальные дни недели», Калашников еле успел запрыгнуть в облезший автобус, несущийся с реактивной скоростью и чуть притормозивший на остановке. Такси в *городе* не пользуется почти никто, непонятно, зачем они вообще существуют, – ведь туда набирают слепых водителей. По запаху бензина они превосходно ориентируются в потоках машин, однако мало кто может выдержать то, что таксисты всегда привозят пассажиров по другому адресу. Разноцветные автобусы в городе только индийские – мало того, что человек двести набивается внутрь до упора, так еще снаружи гроздьями висит столько же.

Вцепившись в ситцевую юбку державшейся за поручень женщины, Алексей снова бросил нервный взгляд на часы: он уже опоздал на целых три минуты. Бывали случаи, что Шеф увольнял людей, что пришли позже всего на секунду, – куда

они потом сгинули, никто не знал. Казалось бы, хуже, чем жить в *gorode*, ничего и быть не может, однако Калашников на личном опыте знал – может, и еще как. Лет пятьсот не давать видеться с семьей – это у них запросто. При мысли о семье сделалось еще тоскливее. Ну что за фигня такая? Ведь почти век прошел, а он никак не успокоится. Решено. Что бы там ни было, надо вечером заглянуть в китайский квартал, взять графин и планомерно выпить.

...Автобус, на очередном вираже едва не завалившись на бок и страдальчески взвизгнув тормозами, остановился рядом с тысячеэтажной башней *Управления наказаниями*. И хотя Алексей был любимчиком Шефа, он отлично понимал – опоздание на четверть часа тот не простил бы даже своей родной сестре. Ворвавшись в здание и махнув эскимосу-вахтеру пластиковым удостоверением, он с разбегу втиснулся в переполненный железный лифт.

– Всем здравствуйте! – улыбнулся коллегам Калашников, переводя дух. – Что новенького?

Ответом было всеобщее гробовое молчание. Примерно на двадцатом уровне идущего вниз лифта один из присутствующих сжалился и еле слышно прошептал ему в ухо, что именно новенького произошло в *Учреждении* во время его утреннего отсутствия.

Калашников сильно пожалел, что вообще лег спать этой ночью. Но было уже поздно...

Глава 3

Эликсир

(чуть раньше, примерно 4 часа 26 минут)

Он уже знал, что делать. Сначала ехал кругами, запутывая след, на случай если по нему пустят собак. Старенький велосипед поставил обратно в гараж – сторожа нет, все на самообслуживании: не было ни одного свидетеля того, как он уходил и возвращался. Тихо пробравшись по скрипящей лестнице, ведущей к его квартире, – приходилось ставить ногу на ступеньку, после чего прислушиваться к окружающим звукам, – он чуть ли не по-пластунски добрался до собственной двери. Плавно, почти незаметно вставил ключ в замок – едва различимый скрежет показался ему ужаснейшим грохотом.

Соседкой по лестничной клетке была бдительная фрау Браунштайнер – годы, которые она провела в качестве охранницы концлагеря СС Майданек, научили безногую старушку спать так чутко, что она слышала комаров еще на полете к их району. В глаза ударил яркий свет: лампу на потолке он включил заранее еще перед уходом. Ведь показания счетчика могут проверить, и он тем самым докажет, что ночью никуда не выходил, – не спалось, читал книгу. А спать по-любому уже поздно – скоро пигмеи с факелами полезут на фонари, еще немного, и пора ехать на опостылевшую работу.

Киллер прилег на постель, оставшись в плаще, – впрочем, он не забыл аккуратно снять сапоги и поставить их на черный линолеум, носками друг к дружке. Он лежал на спине, не закрывая глаз, губы кривились в сладострастной улыбке. Горячие, страстные желания чужой смерти часто посещали его душными ночами, когда он вгрызался в подушку в судорогах бессильной злости. Посмотрев на тумбочку, где стояла плоская коробочка с ампулами *эликсира*, киллер улыбнулся еще шире, облизнув пересохшие губы. Ночной мотылек на потолке угодил в раскаленную лампочку под старомодным матерчатым абажуром и с треском сгорел – по комнате поплыл неприятный запах.

Эликсира достаточно, его хватит как минимум на три *кандидатуры*. Остается только представить, что именно сейчас начнется в *городе*... Шок, удивление, телевидение взорвется вихрем сенсаций, выйдя в эфир со спецвыпуском криминальных новостей. И не будет ни одного человека в целом *городе*, который не повернет головы к «ящику», подавившись утренним кофе. Под прикрытием начавшегося шума, как и планировалось изначально, он поздно вечером быстро ликвидирует еще одну **цель**, после чего заляжет на дно, зарывшись в тину, словно рак-отшельник. А вот когда псы, искривляя в судорожных догадках тупые рожи, беспомощно разведут руками, – вот тогда он, не дав им опомниться, нанесет третий удар.

Кстати. Он ведь даже не поинтересовался у *заказчика*,

кто подлежит устранению после объекта номер один. Потянувшись, киллер вытащил из внутреннего кармана обрывок шершавой оберточной бумаги и уставился на записанные второпях косым почерком крупные буквы. Ожидания оправдались – настоящий сюрприз. Хотя что-то ему и раньше смутно подсказывало, что следующим *объектом* может стать женщина. Так попросту было бы логично. Ее имя, когда-то потрясавшее Землю, не привело его в трепет. За свое пребывание в *городе* он давно привык ничему не удивляться.

На тумбочке задрембезжал с вечера заведенный будильник. Киллер не спал всю ночь, но, спрыгнув с постели, почувствовал себя на редкость бодрым и отдохнувшим. Скажите, пожалуйста. Вот уж никогда бы не подумал, что убийство настолько освежает.

Сгоревший мотылек на полу слабо шевельнул крылышками. Обугленная поверхность одной из шести ножек дернулась – черная масса начала затягиваться серой кожей...

Глава 4

Тайна города

(6 часов 44 минуты)

Шеф лишь покосился на Алексея – но с такой яростью, что почти испепелил его взглядом. К счастью, только *почти* – случаи, когда уборщицам приходилось потом с помощью пылесоса убирать с ковра пепел, то есть то, что оставалось

от нерадивых сотрудников, не были такой уж редкостью. По пиджаку Алексея побежали легкие электрические искры, рукав вспыхнул крохотным огоньком. Люди, рассевишиеся вокруг длинного стола черного дерева, сочувствовали ему, но не смели поднять глаз в присутствии начальства.

– Садись, – произнес Шеф, казалось, почти не разжимая рта. – Не забудь закрыть за собой дверь. Итак, на чем я остановился? Повторю специально для тех, кто постоянно опаздывает на работу и при этом имеет наглость не включать мобильный телефон...

Рука Калашникова лихорадочно дернулась к нагрудному карману. Еще повезло, что он не забыл мобильник дома, как это часто бывало. Так, какой у него PIN? Ну конечно, «666». Телефон довольно хрюкнул, дисплей окрасился мертвенно-бледным светом.

– ...У нас ЧП, которого еще никогда не случилось в *городе*, – отчетливо произнося каждое слово, медленно и мрачно продолжил Шеф, сверля Алексея злобным взглядом. Обведя глазами присутствующих, добавил: – Этой ночью произошло УБИЙСТВО.

Брови Алексея резко поползли вверх. Коллеги из *Учреждения* не смогли сдержать улыбок, хотя получасом раньше сами чуть не попадали со стульев. Мысли Калашникова горячечно заметались в голове, словно канарейки в клетке, на скакивая одна на другую. Самое что ни на есть настоящее УБИЙСТВО?! В нашем *городе*? Но каким же способом мож-

но убить *городского* гражданина – человека, который и без того уже мертв?

...Ад с самого начала был задуман таким. Изначально требовалось, чтобы прибывшие туда человеческие души раздражало все вокруг, дабы они мучились каждую секунду своего существования в *городе*, – иначе для чего вообще нужен Ад? Деяния каждого человека на Земле скрупулезно отслеживал специальный клерк в Преисподней, нудно вбивая в компьютер информацию о чревоугодии, сладострастии, зависти и прочих смертных грехах. Зачастую досье грешника набухло до целого несгораемого шкафа, забитого бумагами, дискетами, фотографиями и свидетельскими показаниями. Число подобных однотипных шкафов с особой нумерацией, длинными рядами заполнявших гигантский Отдел архивов, никто даже не пытался считать – по самой скромной оценке их были миллиарды, а то и больше.

Железное нутро содержало не только описание грехов, но также и детальную информацию о том, что именно грешник любил и что он ненавидел в своей жизни. Когда его душа, растерянная и мятушаяся, появлялась у Адских Врат, служители Шефа уже прекрасно знали, что делать с новичком. На руку каленым железом ставили номер, и дальше все шло по накатанной. Никто и ни за что не мог избежать **наказания** – этим и занималось тысячеэтажное, с сотней лифтов и миллионом кабинетов, *Учреждение* на Черной улице. Именно оно считалось важнейшей структурой, определяв-

шей смысл существования всего Ада, – работать туда посылали только лучших, выбирая одного человека из миллиона. Все, что обитатели *города* ежедневно видели вокруг себя, являлось произведением творческой мысли сотрудников *Учреждения*. Лучшие мозги мира придумывали самые изощренные наказания, и ни в одном из тысяч *городских* районов никто не мог скрыться от них.

Пусть Калашников и не был с этим согласен, но мысль *Учреждения* работала на редкость виртуозно. Насильников превращали в привлекательных женщин и отсылали в мужскую тюрьму, где содержались самцы, осатаневшие от векового воздержания. Лишь отбыв там пятьсот лет, вконец измочаленные, они имели право подать прошение на перевод в студию, где снимались бюджетные немецкие порнофильмы. Взяточникам не заливали в горло раскаленное олово, как на средневековых европейских гравюрах, изображающих Ад: сотрудников московского ГАИ, например, отправляли служить в район, населенный жителями Исландии, которые попросту не понимали, за ЧТО им нужно давать взятки, – эта страна являлась последней по уровню коррупции во всем мире. Нервные срывы и страшные запои среди несчастных гаишников, вынужденных жить исключительно на скромную зарплату, были в *городе* совершенно обыденным делом. Алкоголиков посылали проходить практику в общину исламских фундаменталистов, где водки было днем с огнем не найти, гордецов устраивали уборщицами в общественные туа-

леты, карманникам ежедневно делали парализующие уколы и сажали в трамваи, где ехали шикарно одетые миллионеры с туго набитыми кошельками и распахнутыми сумками.

Из всего богатого земного опыта *город* заимствовал лишь те вещи, которые существенно усложняли существование его гражданам. Именно поэтому рекламу развешивали даже в туалетах, ибо рейтинги говорили: ничто так не раздражает людей, как по восемьсот раз в день предлагать им купить «активно впитывающие» прокладки. У борцов с аморальным поведением домашнее телевидение круглосуточно транслировало хардкор-порно, в общежитиях сексуальных маньяков непрерывно шли документальные фильмы о выращивании клубники. *Город* задыхался в небывалых автомобильных пробках, даже ночью по выходным (за образец взяли, естественно, Москву и Нью-Йорк) щедро разбавленное пиво в ресторанах подавалось только теплым, жены в постели ссылались на головную боль столетиями. Погода была ужасная: либо стояла неопишуемая, плавящая асфальт духота (единственный кондиционер находился лишь в офисе у Шефа), либо беспрестанно шел дождь (просачивались подземные воды) и имела место осенняя депрессия. Зарплату (опыт лет десять назад Шеф оперативно позаимствовал у правительства Ельцина) выплачивали крайне нерегулярно.

В общем, что и говорить – это был настоящий Ад. Конечно, с целью поддержки легендарного имиджа существовал и старинный квартал с котлами, в которых показательно ки-

пятили специально нанятых грешников. Туда лицензированные экскурсоводы водили туристов из Рая.

...К счастью для Калашникова (да и для многих других), последнее столетие в Аду официальным языком внутреннего общения был признан русский – как наиболее сложный для изучения иностранцами. Алексею по работе приходилось видеть людей, которые учили русский пятьдесят лет, но разговаривали на нем через пень-колоду. Языки в Аду меняли примерно раз в тысячу лет – в прошлый раз был принят кантонский диалект китайского языка. Способный Наполеон хвастался Калашникову, что выучил его нахрапом, а вот более медлительному Ивану Грозному, дабы научиться рисовать иероглифы, потребовалось несколько веков.

С китайцами в Аду было больше всего проблем. По традиции во всех *городских* местах общественного питания подавали самую плохую еду мира – английскую. Даже весьма неприхотливые в еде приходили в бешенство от того, что год за годом им приходилось поглощать жаренные на прогорклом масле fish and chips¹. Хитроумные косоглазые тысячами открывали крохотные подпольные закусочные на пять-шесть столиков, куда пускали только по паролю. *Учреждение* уже прикрыло с полмиллиона забегаловок, где в полукриминальной атмосфере можно было насладиться кисло-ост-

¹ Буквально «рыба с картошкой», жаренное в растительном масле традиционное английское блюдо. В 2005 году во время социологических опросов в Европе названо «самым ужасным представителем европейской кухни за все времена» (англ.).

рым супом и уткой по-пекински, но они продолжали расти, словно грибы, параллельно количеству жителей Китая в Аду – сотрудники сбивались с ног. Самое главное – оставалось непонятным, где и как китайцам удается доставать необходимые продукты. Подозревали коррупцию в самом *Учреждении* – возможно, кто-то из отдела наказания исламских экстремистов тайно перепродавал китайцам излишки свинины. Но подтвердить эту версию пока не удавалось.

– И кто же убит? – решился наконец открыть рот Алексей, глядя в немигающие по-кошачьи желтые глаза Шефа. Его рот искривился, приоткрыв заточенные клыки.

– Я назначил тебя руководителем бригады расследования. Все узнаешь на месте.

Комната наполнилась грохотом отодвигаемых дубовых стульев – не пожелав пускаться в дальнейшие объяснения, Шеф плавно выскользнул через смежную дверь, оставив после себя хрестоматийный запах серы. Калашников открыл зажатый в потной руке телефон-раскладушку и принялся лихорадочно разыскивать в записной книжке букву «М».

Глава 5

Вещество

(7 часов 31 минута)

В этом доме турецкие ремонтники буквально месяц назад успели наладить изрисованный граффити разбитый лифт,

иначе добираться до двадцатого этажа было бы довольно утомительно. Впрочем, пару раз по ходу пути кабина тряслась так, что Калашников мысленно приготовился к полету вниз, однако все обошлось.

Едва ступив за порог квартиры, Алексей ощутил устойчивый неприятный запах гари – так пахнут, вызывая першение в горле, сгоревшие волосы. Совсем как паленая кошка, цинично подумал он, проходя по скрипящим, добела истертым половицам в крохотную комнатушку. Жилище еще хуже, чем у него, похоже на номер в третьеразрядной гостинице. За свое краткое земное существование Калашников успел понаблюдать смерть много раз, поэтому спокойно относился к лицезрению трупов и виду крови. Однако сейчас ему пришлось увидеть вовсе не то, чего он ожидал. От тела покойника не осталось ровным счетом ничего – лишь разметавшаяся по всей квартире горсточка пепла, частицы которого старательно собирали в пробирки ползающие по полу медэксперты. Человек, одетый в белый халат, восседал в кресле и раскуривал гаванскую сигару с таким видом, что даже несведущий догадался бы – это начальник, которому позволено очень многое. Кто бы еще мог так открыто смолить контрабандную сигару на месте преступления, не заботясь о том, что пепел смешается с прахом покойного?

– Добрый день, Николай Васильевич! Как поживать изво-лите?

Человек с сигарой улыбнулся, зубы блеснули через про-

резь в окладистой бороде. Он порывисто поднялся навстречу Алексею, стиснув его руку чуть ли не до локтя.

– Милостивый государь, наконец-то! Давненько, давненько поджидаем вас.

Хирург Склифосовский, один из знаменитейших докторов XIX века, был отлично знаком Калашникову по работе. Иногда *Управление наказаниями* вызывало его, когда, к примеру, требовалось переделать известного насильника в женщину. Видать, дело совсем плохо: обычно Шеф не считал нужным беспокоить подобных людей по мелочи, к докторам у него было трогательное, по-детски осторожное отношение.

– Я приношу извинения, доктор, но меня никто не потрудился поставить в известность, – огорченно заметил Калашников, массируя помятую медвежьим рукопожатием кисть. – Даже имя покойного сказали только в машине, пока мы ехали сюда. Отчего такая секретность? Понятно, что чем меньше народу в курсе ситуации, тем лучше, но все равно – максимум через час здесь обязательно нарисуются камеры от всех телеканалов. Надеюсь, вам уже удалось выяснить, что именно случилось с нашей э-э-э... жертвой?

Склифосовский неожиданно злорадно ухмыльнулся.

– Судя по всему, милостивый государь, вам тоже решили сделать сюрприз. Когда меня подняли сегодня утром с постели, я сперва подумал, что это идиотская шутка... Если бы не приличное воспитание, которая дала мне покойная маман, я бы охотно обласкал вашего Шефа в тех выражениях, кото-

рым меня дальновидно научил грузчик Порфирий.

Покойная маман, отметил про себя Калашников. То, что доктор сам уже сто лет как в могиле, а его маман давно живет с ним в одном квартале, Склифосовского не волновало – многие люди продолжали использовать в Аду такие же выражения, как и на Земле. Да он ведь и сам называет убитого *покойным*, хотя, по сути, тот умер уже во второй раз.

– Так вот, я здесь уже пару часов, – продолжал Склифосовский. – И вы правы в своих предположениях – мне, старому дураку, кое-что удалось выяснить. Примерно в половину третьего ночи убийца проник в помещение через открытое окно с помощью обычной пожарной лестницы: об этом свидетельствует свежесодранная краска на ее ступеньках. Не знаю, легко ли ему было лезть в кромешной тьме на двадцатый этаж, но он это сделал. Нападение произошло приблизительно через тридцать минут... Что все это время киллер делал в комнате убитого – неизвестно. Возможно, что-то искал. Впрочем, это ерунда. А вот что меня озадачивает откровенно – это способ убийства. Я до сих пор не могу даже примерно выяснить состав вещества, которым ликвидировали жертву. Судя по царапинам на полу, покойник отчаянно боролся, но одной или двух капель хватило, чтобы бедняга за считанные секунды обратился в пепел. Мои люди несколько раз исследовали каждый сантиметр пола. Максимум, что удалось найти, – какие-то жалкие остатки зубов, как будто бы наш мальчик взял и выпил с полведра серной кислоты за

один присест.

Алексей нахмурился, глядя на еле заметные частички пепла под увеличительным стеклом медицинского эксперта, и машинально облизнул губы. Как и спросонья, захотелось выпить, но высказать свое желание вслух при именитом докторе он не рискнул.

– Вот как? Но если сие загадочное вещество было настолько **убойным**, – Калашников со смаком употребил новое словечко, подсказанное ему московским пиар-менеджером, – то почему вокруг ничего не пострадало? По идее, квартира должна была просто взорваться. Никаких следов...

– И снова вы абсолютно правы, милостивый государь, – согласился Склифосовский, обмусоливая остаток сигары. – Ни на одной из поверхностей мы не нашли ни капли, и это мне тоже кажется довольно странным. Надеюсь, после анализа в лаборатории мне удастся выяснить, что это было за вещество. Сейчас я бы сказал, что оно похоже на сильнодействующее боевое средство, – не удивлюсь, если с его помощью в течение секунды можно сжечь роту солдат. Вся разница в том, что в Аду, как вам хорошо известно, никакие подобные средства не действуют... Яд, тротил, кислота, пули бесполезны, любые раны в течение трех часов затягиваются, мы все здесь, голубчик, и так уже трупы. Как мне кажется, мы имеем дело со специально разработанным составом, который в мгновение ока прекращает существование брэнной души в загробном мире. Его консистенцию, повторяю к со-

жалению, мне пока не удалось понять.

– А полоний-210? – поинтересовался Калашников. – К нам тут недавно один мужик поступил в герметичном гробу, так вот у него внутри оказалось...

– Какой, к свиньям, полоний? – обиделся доктор. – Я же вам только что весьма доходчиво объяснил: **любое** земное средство у нас в *gorode* не сработает – хоть атомную бомбу сбрасывай. Но на всякий случай мы проверили и дозиметром – никаких следов радиации нет.

В дверь деликатно постучали, и на пороге вырос молодцеватый парень в черной форме Учреждения – полагалась она всем, но обычно ее носили только нижние чины. Из-под заломленной фуражки выбивался рыжий чуб, нос в форме картофелины чувствительно вздрагивал ноздрями, ощутив неприятный запах «паленой кошки». Лихо откозыряв Калашникову, парень рывкнул так, что один из медэкспертов выронил пробирку:

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

Казачий унтер-офицер Сергей Малинин считался в *Учреждении* на хорошем счету ввиду редкой исполнительности, хотя, на субъективный взгляд Калашникова, был туп, как баобаб. Именно ему он и позвонил первым делом, как только Шеф скрылся за дверью.

– Опросил соседей, Серег? – лениво спросил Алексей.

– Так точно! – Малинин преданно смотрел в глаза начальству.

Калашников заранее знал результат, чувствовал, что сенсаций в расследовании не предвидится. Со свидетелями в таких делах всегда большая проблема. Но надо соблюсти форму.

– Кто-нибудь хоть что-нибудь слышал?

– Никак нет!

– Почему?

Малинин замешкался на секунду, но тут же нашелся с ответом:

– Потому что ночь, ваше благородие! Спали, сволочи!

Люди в белых халатах за спиной сдержанно хихикнули. Калашников привычно сдержал улыбку и повернулся к Склифосовскому.

– И какова первая мысль, доктор? Что за мотив мог быть у подобного преступления? Это ж насколько надо не любить покойного, чтобы захотеть сжечь его в самом пекле?

Хирург флегматично пожал плечами и потушил сигару. По комнате, смешиваясь с запахом гари, поползли витиеватые ленты сиреневого дыма.

– Вы опытный человек, Алексей Григорыч, так зачем разыгрывать из себя Орлеанскую девственницу? Убитый – редкостная сволочь. Я уверен, вы и сами это отлично понимаете, но могу проинформировать: даже по самым скромным подсчетам, покойного от всей души ненавидели как минимум пятьсот миллионов человек. Я надеюсь, милостивый государь, что эта информация существенно сузит вам круг

подозреваемых?

Довольный шуткой, Склифосовский захохотал. Калашников промолчал, в задумчивости покусывая нижнюю губу. Ситуация и правда не из легких. Никаких следов, никаких отпечатков, никто из соседей ничего не слышал. Налицо полнейший глухарь, как обычно говорили в московской полиции, – дело, которое чертовски трудно раскрыть. Как правило, его закрывали через год расследования.

Алексей развернул пластиковый пакет и еще раз поднес к глазам удостоверение личности убитого. Одутловатое лицо, жидкие волосы, тусклые зрачки отливали холодом даже через целлофан. Когда этого человека доставили в *город*, пришлось оцепить дорогу, по которой его везли, отрядами спецназа с изображением рогатой головы на рукаве.

Миллионы граждан открыто ликовали, танцевали прямо на шоссе, обнимались, пели песни – как давно они этого ждали, наконец-то он *здесь!* Казалось, что за шестьдесят прошедших лет все привыкли к его пребыванию в *городе* и не удивлялись, встречая на улице невысокую сутулую фигуру. Видимо, это не так. Все эти годы кто-то тихо ненавидел его, и эта ненависть не ушла с годами.

С черно-белой фотографии на Калашникова тяжелым взглядом смотрел Адольф Гитлер.

Глава 6

Damage Inc

(11 часов 04 минуты)

Эликсир медленно лился во флакончик – капля за каплей. Хотя надо было нацедить всего с десяток граммов, он уже три раза останавливался – тряслись руки. Пережидал, пока не прекратится холодная дрожь, и начинал все сначала. Торопиться не следует – у него еще полно времени. Да, он встанет на работу в пять утра, но зато и заканчивает до полудня – куда спешить, целый день впереди. По спине бежали мурашки, он слишком явственно представлял себе – малейшее неосторожное движение, и *эликсир* выливается на кожу, которая тут же вспыхивает, и за одну секунду он превращается в факел...

Смерть *заказанного* объекта была яркой и фееричной: ему на мгновение стало жаль, что тот почти не мучился. Метод убийства, конечно, оказался абсолютно непривычен – что-то чересчур хитроумное, – сам он предпочитает методы попроще и, как ему казалось ранее, понадежнее. Совсем другое дело, когда прижимаешь человеку отточенное лезвие к вспотевшей от страха, покрытой испариной глотке и чувствуешь бьющий в нос острый запах освежеванного животного... Совсем как в детстве, когда в деревенском сарае резали свиней. Пару раз по ночам ему приходилось использо-

вать и снайперскую винтовку, хотя это крайне чистолюбийский метод – будто в тире. Никакого ощущения, что ты лишаешь кого-то жизни. Нажал на спуск – игрушечная фигурка вдали сломалась и упала: не слышно предсмертных хрипов, не видно конвульсий, нет темной, остро пахнувшей крови на руках. Как бы сейчас сказала молодежь – как в компьютерной «стрелялке». Так и есть.

Он осторожно завернул металлическую крышечку. Интересно, почему стекло выдерживает этот огонь, являющийся настоящей жидкой смертью? Неумный вопрос. Серная кислота тоже съедает плоть до самой кости, но ведь куда-то ее все-таки наливают. Он уже почти забыл о *клиенте*, превращенном в пепел прошлой ночью, – его мысли полностью захватило предстоящее убийство.

Как будет вести себя эта женщина? Упадет на колени, попросит пощады? Хм, навряд ли. Они ведь даже и не предполагают, что и в Аду **тоже** можно умереть. И что тогда ждет их душу после того, как оболочка распадется хрустящими искрами? Да ничего. ЗАБВЕНИЕ. *Эликсир* уничтожает любое *бытие*, ты превращаешься в пыль, которая рассеивается в воздухе... Именно такую смерть и представляли себе на Земле те, кто не верил в существование Ада и Рая. Но кто в **этом** мире мог предположить, что умерших тоже можно убивать? И почему при таком сумасшедшем количестве разнообразных колдунов, ведьм и алхимиков, которыми со Средних веков попросту кишело пекло, никто не додумался

создать *эликсир* раньше?

Он еще раз посмотрел на изображение блондинки, сложившей губки бантиком, и коснулся ее лица кончиком языка. На глянцевой поверхности остался влажный след – как будто проползла огромная улитка. Как и ожидалось, эти тупицы из *Учреждения* не нашли никакой зацепки – убийство явно застало их врасплох. Вот и отлично. Конечно, довольно скоро они поймут, что им не обойтись имеющимися силами, и привлекут ведущих специалистов из ФБР, гестапо и румынской спецслужбы «Секуритате»... Но пока у него еще есть время. И он не собирается расходовать его впустую – сегодня эта женщина умрет. Его пальцы с нежностью коснулись флакона с *эликсиром* – он ощутил, как покрашенный рот блондинки некрасиво искривляется в беззвучном крике, а роскошное тело съеживается и осыпается серым пеплом на шикарный персидский ковер...

Раздался сухой щелчок – автоматически включилось радио. «Дорогие слушатели! – радостно произнес приятный женский голос. – К вашему вниманию – наша обязательная музыкальная программа “Чтоб смерть медом не казалась”. Не пытайтесь выйти из дома – ваши двери только что были заблокированы. Это входит в план вашего наказания, поэтому не надо сопротивляться – просто сидите и слушайте. Программа пройдет быстро».

Через секунду комнату сотряс бешеный ритм песни группы «Металлика» – Damage Inc. Истерзанный мозг взорвался,

пытаясь вырваться из головы наружу, как будто его начали сверлить отбойным молотком. Киллер знал, что поклонников такой музыки в *городе* много, но они никогда ее не слышат: в их квартирах по радио в эту минуту транслировался «Ласковый май» – зажимая уши, бедняги корчились на полу, захлебываясь слезами отчаяния.

Он попробовал закрыть голову подушкой, но это не помогло – звук стал еще громче. Мебель начала вибрировать, пол затрясся. «Кровь следует за кровью, кто будет следующим, хочешь узнать? Это ты-ы-ы-ы!» – отчаянно ревел вокалист.

Убийца рывком откинул подушку в сторону, вслушавшись в слова на фоне сумасшедшего визга гитар. Впервые за все время «Металлика» начала ему нравиться.

Глава 7

Шуры-муры

(чуть ранее, 9 часов 45 минут)

На бензоколонке, куда они заехали по дороге от дома Гитлера, Алексей мгновенно оценил все прелести своего нынешнего *особого* положения. Специальное удостоверение, выданное ему Шефом на время расследования, было сделано в виде черной пластиковой карточки с голограммой. Мексиканец на заправочной станции, едва взглянув на карточку, в ту же секунду едва не вывалился из окошка кассы на ули-

цу, истошно заорав: «Все в сторону! Спецобслуживание!» Сотрудники бензоколонки в пять минут заправили машину первоклассным бензином из VIP-хранилища, после чего собственноручно выкатили ее на дорогу, бархатными тряпочками стирая с бампера пылинки. Калашников с садистским удовольствием смотрел через тонированное стекло на хмурые лица автолюбителей в очереди – многие из них ждали возможности отоварить свои талоны уже третий час. Русского человека хлебом не корми – подари возможность повыламываться своей значимостью перед другими, мысленно усмехнулся он. Из-за того, что появилась возможность хоть в чем-то обойти соседа, ты в своих глазах сразу переходишь в разряд аристократов...

Дефицит топлива, как и многое другое, создавался *Управлением наказаний* искусственно – бензина в Аду всегда было в избытке, ибо неисчерпаемые месторождения нефти были открыты еще во времена Древнего Египта. Во-первых, они служили местом каторги для особо изнеженных грешников – нефть качали с буровых вышек в бурлящем подземном море, а во-вторых, для топки функционировавших в библейское время котлов, где кипятили наказуемых, дров и вправду не хватало.

...На спидометре было уже под пятьсот километров – Малинин без жалости гнал служебный «БМВ» по широкой трассе, с отборными матюгами обгоняя грохочущие индийские автобусы и отчаянно сигналил. Машины попадали в

Ад, как и люди, после того как «умирали», – то есть вследствие автокатастроф. Их «бээмвэшка» когда-то влетела в *город* вместе со сгоревшими пассажирами: на трассе Е-95 ее подмял под себя «КамАЗ». По особому распоряжению Шефа покореженные иномарки доводили до ума в централизованной автомастерской *Учреждения*, куда посылали работать лучших специалистов-механиков. С каждым годом число машин в *городе* увеличивалось, дорог, разумеется, не хватало. Пробки считались нормальным явлением даже в полночь.

Алексей вспомнил, что ничего не ел с утра, – в животе буйствовал только кофе. Болела голова, но никаких соответствующих таблеток вроде аспирина в Аду не существовало. Придется отвлечься разговором, хоть из Малинина и не очень хороший собеседник.

– Слушай, Серег... – задумчиво сказал Калашников, откидываясь на кожаное сиденье. – Тебе за столько лет никогда не приходило в голову, почему ты оказался именно здесь?

Как всегда, прямолинейный ответ не заставил себя ждать.

– Никак нет, вашбродь, – привычно сократил выражение «ваше благородие» Малинин.

– Зря. А я поначалу долго соображал: интересно, отчего мы здесь, а не в Раю?

Эта мысль настолько поразила Малинина, что он беззвучно открыл рот.

– Вот ты как прожил свою жизнь? Сам ведь православный,

а? Небось, каждое воскресенье ходил в церковь, соблюдал посты, на Пасху кулич нес святить... Правильно?

– Конечно, – удивился Малинин. – Нешто, вашбродь, я басурманин какой?

– Но попал-то все равно сюда, – наклонил голову Калашников, меланхолично рассматривая пробегающие за стеклом трущобы индийского квартала. – И у тебя в первую минуту башка распухает – ну как же так, я же был такой добрый парень, все делал правильно – кушал грибки в постный день, и со свечкой в храме стоял, и иконы целовал завсегда с усердием... А потом бац – и тебя черти на сковородке жарят...

Малинин существенно помрачнел. Пальцы рук на руле слегка подрагивали.

– Вот и я сначала понять не мог, – вздохнул Алексей. – А потом поставили меня перед Главным Судом и объясняют – гореть тебе в Аду, ибо грехов у тебя, человеке, паровоз не потащит. Одних трупов по твоей милости мы штук пятьдесят насчитали. У меня глаза на лоб лезут, руками машу, кричу: господа хорошие, так я же в полиции работал! А народец у нас на Москве, особенно с Хитровского рынка, – любо-дорого. Один такой хмырь купца, что в Смоленск товар вез, прикончил на постоялом дворе вместе с двумя дочками – одной и десяти лет не сравнялось, всех троих во сне зарезал, скотина. Пришли его к марухе на хату брать, он отстреливаться начал... Целоваться с ним, что ли? Я его не глядя и отоварил из браунинга сразу – в живот и в бок, умер через

день в больнице. И за эту мразь меня – на сковородку?..

Малинин молчал. Калашников подумал, что он зря жалуется: на сковородке его никто не жарил. Разве что в первый день, для приличия – тогда как раз привели туристическую группу. Разве ему здесь не повезло? Ах да, работа. Он проклял свою работу еще на Земле, когда из-за нее потерял Алевтину. Дал клятву, что уйдет из полиции...

Нет причин огорчаться – считается легким наказанием, когда Главный Суд отправляет заниматься ненавистной работой. Шеф им доволен, у него лучшая раскрываемость – недавно накрыл сеть поставщиков сушеной крови для *городских* вампиров. А смысл? Все, как на Земле, каждая собака знает, где купить контрабанду, но ловят на ее продаже только дураков. *Город* до такой степени напоминал ему Землю, что иногда Алексей начинал сомневаться – может быть, он жил тут всегда, а потом переместился в другой район? Сомнения быстро развеивались, когда он вспоминал, что на Земле была Алевтина. А в *городе* ее нет. И уже не будет.

...«БМВ» свернул под огромный мост, называемый в народе «Чертовым». На стоянке пассажиры штурмовали только что подошедший автобус, ловко карабкаясь по крыше. В воздухе мелькали зонтики, шляпки женщин, лоскуты с мясом вырванных карманов. В стороне выворачивало наизнанку какого-то беднягу, столкнувшегося с плакатом «Кока-колы». «Новичок, – отметил про себя Калашников. – С ними такое часто случается».

– ...Ну а мне спокойненько так отвечают, – переключился он вновь на беседу, – мол, неважно, какой этот хмырь был. Нет у тебя права такого – человека жизни лишать, будь он хоть распоследний мерзавец. За ним от рождения из *города* следят и сами во всем разберутся. Это я уже после увидел тут кучу людей, вроде рыцарей крестовых походов, которые тысячу лет бьются головой об стену и никак понять не могут – как же так, мы Гроб Господень освобождали, под солнцем облезали, холерой болели, а нас за это – в котел вариться. Когда перебесился, то задумался – а ведь и правда! Нельзя так считать – какой бы страшный грех я ни совершил, всегда есть возможность его замолить. Есть вещи, которые ни за что не простят. А уж сколько ты раз в церковь бегал, постился и архиерею ручку целовал, это никакого значения не имеет: поп-то в Небесной Канцелярии лицензию на прощение грехов не покупал. Я иногда думаю, Серег, что в Раю вообще никого нет. Сколько я народу на Земле лично знал – и все в результате тут оказались.

«Вернее сказать, почти все», – добавил Калашников мысленно, снова вспомнив жену.

Малинин вдруг оглушительно расхохотался. Алексей посмотрел на него с испугом – подобные бурные проявления жизненной чувственности с унтер-офицером случались редко. Точнее, если припомнить все предыдущие разговоры, практически никогда не случались.

– Я такой набожный был, вашбродь, что даже когда **сю-**

да попал, все по привычке глазами искал церковь, чтоб на нее перекреститься, – давясь смехом, произнес казак. – Ну а потом на Главном Суде мене добрые люди сразу и ткнули со всего маху рылом в дела мои мирские – размечтался ты, рожа, райские яблочки кушать, иди на углях потанцуй.

Калашников опять-таки про себя отметил, что против такого решения Главного Суда тоже не возражает, ибо не представлял себе даже в страшном сне, как бы Малинин смотрелся в Раю.

– Ясен перец, ты с немцами воевал – тебе тоже явно убийство пришили.

Малинин покраснел, как рак, и неожиданно сбросил скорость до трехсот.

– Да нет, вашбродь. Припомнили мне совсем другое. Уж така у нас попадья на селе была горячая... Уж така ладная, стерва... Как ее муж кого отпевать иль венчать за порог выскочит, я сразу – шасьт к ней на шуры-муры... А подушки-то у нее мягкие... Уж она такая... Эх-х-х... – казак сглотнул слюну и заерзал на сиденье. – За нее, как выяснилось, я сюды и загремел. Но вот что я вам насчет Рая скажу... Есть он, обязательно есть. Попадью я в итоге встретил туточки – от голода она в двадцатом году померла. А вот попа так с тех пор и не видел, хучь ему уже должно лет сто тридцать сравняться. Стало быть – в Раю он. Да и еще: вы когда-нибудь обращали внимание – в городе *детей* до десяти лет почти нет. Разве что из гитлерюгенда кто-нибудь изредка пробежит по

улице, да Павлик Морозов обычно у табачного киоска околачивается. Почему? Да потому что все они тоже – ТАМ.

Иногда его помощника словно какая муха кусала: он вспоминал свои казачьи корни и начинал изъясняться весьма колоритно.

Калашников кивнул. Он давно подозревал, что ТАМ – как минимум еще один человек, которого, судя по всему, он уже не увидит никогда. На Земле он знал – плохое когда-нибудь может закончиться. Но в *городе* все проблемы существовали вечно.

Автомобиль затормозил у бетонной стены с мотками колючей проволокой наверху.

– Вот и приехали, вашбродь.

Скучный часовой на посту проверил их документы на электронном устройстве, после чего пододвинул к ним потрепанную толстую книгу с выцветшими бурыми буквами.

– Прошу расписаться кровью – вот тут, в левой графе. Извините, но так положено.

Глава 8

Темная комната

(10 часов 20 минут)

Толстые зеленые шторы скрывали окна кабинета, обеспечивая мягкий полумрак. Скрестив руки на груди, стоявший у книжного шкафа человек в черной одежде с явным удо-

вольствием вслушивался в звуки, доносящиеся из соседней комнаты. Он ни секунды не сомневался, что план сработает, хотя тот, кто предложил эту идею, сперва колебался относительно ее возможностей.

Что ж, скоро в руки **исполнителя** попадет еще одна порция *эликсира* – возможно, уже сразу с распылителем. Над этим следует поработать: они были немного наивны, когда решили действовать с помощью мензурки. Если хоть капля пролилась бы на **специалиста**, им пришлось срочно искать другого человека, а хорошие работники, как общеизвестно, на дороге не валяются. Они и без того потеряли много времени, дабы аккуратно подбирать курьеров для доставки *эликсира* и инструкций **исполнителю** – к сожалению, связь с ним не осуществлялась напрямую. Однако первый заказ был выполнен точно в срок. Неудивительно, поскольку **исполнителя** рекомендовали как человека, влюбленного в свое дело.

Десять минут назад поступила радостная весть: сегодня вечером **специалист** навестит новый объект. Человек в черном очень надеялся – результат не заставит себя ждать. Он ощущал смутное волнение, его беспокоили мысли о вариантах возможных действий, если вдруг что-то пойдет **не так**. В любой другой момент он просто не обратил бы на это внимания – человек слаб, ему свойственно сомневаться во всем. Это только животные полагаются на инстинкт, а люди чересчур мнительны...

Да что ж с ним сегодня такое творится? Успешный старт,

а он не находит себе места, бесцельно слоняясь по дому. Ну конечно – нервничает, и в этом нет ничего постыдного – трясется, как девственник, впервые шарящий руками по телу полураздетой девушки. «О боже, помоги мне расстегнуть этот ПРОКЛЯТЫЙ ЛИФЧИК!» Сравнение слегка развеселило его. Через пару часов все выяснится, заранее волноваться не стоит – честное слово, он похож на Белую Королеву из «Алисы в Зазеркалье», которая за пять минут до того, как уколется иглой, начинала рыдать.

Он забарабанил пальцами по столу. Ожидаемый телефонный звонок прозвучал в тишине сладкой музыкой. Он подошел к аппарату быстрым шагом, схватившись за спасительную трубку.

– Я слушаю.

– Мы с курьером к вечеру будем на месте, – услышал он звенящий молодой голос.

Отличная новость. День определенно будет великолепным.

– Когда примерно мне нужно подойти?

Голос в трубке весело хихикнул.

– Не знаю. Это уж как вам будет удобно – у курьера куча времени.

Надо же, как быстро люди становятся циниками. Хотя иногда бывает и наоборот.

– Спасибо. Как и обещал, я подойду, когда стемнеет.

– Можете не торопиться.

Он положил трубку обратно в гнездо телефона. Милейший мальчик, чудное создание – сейчас такие большая редкость, особенно в том мире, что их окружает. Скромнен, вежлив со старшими, сообразителен не по годам, идеи так и брызжут фонтаном – чего стоит только гениальная находка по поводу Книги! Очень жаль, что, когда все начнет близиться к концу, его придется устранить. Устранить...

Человека в черном передернуло от этого ледяного слова. Он согласен – так поступать плохо, но иного выбора не остается – парень носит свою идею, как курица с яйцом. Конечно, мальчик поклялся, что придержит язык, чтобы потом предстать перед НИМ триумфатором и спасителем, сделавшим то, что до него многие не могли добиться тысячи лет. Проблема в том, что парень слишком молод, – его так и распирает, весь светится от радости. Еще немного – и не утерпит, поделится сокровенной новостью с кем-нибудь. А этого допустить никак нельзя.

Честное слово, он привязался к мальчику и любит его как сына – но в истории уже неоднократно бывали случаи, что отцам приходилось жертвовать горячо любимыми сыновьями. А в условиях, когда все поставлено на карту, приходится идти на большие жертвы.

Он снова прислушался, но звуки в соседней комнате замолкли. Итак, курьер уже найден, а у него осталось прилично времени, чтобы приготовить *эликсир*, – пора спускаться в погреб. Щелкнув выключателем бронзовой лампы, человек

всмотрелся в лежащий на столе лист, где старомодным почерком с завитушками были написаны семь фамилий. Самая первая, из шести букв, была жирно зачеркнута красным карандашом.

Глава 9

Красный квартал

(10 часов 24 минуты)

Расписавшись кровью в вахтенном журнале, они долго шли по серому цементному коридору в «комнату свиданий». Малинин тоскливо смотрел на тусклые лампочки, горевшие через одну на дочерна засиженном мухами потолке, и задумчиво чесал затылок.

– Ляксе́й Григоры́ч, а за каким хреном мы вообще сюда ехали?

– Видишь ли, братец... Ван Ли и Краузе проверяют приют для престарелых евреев, где Гитлер последние шестьдесят лет выпекал кошерную мацу, но там такой народ... Где им силы взять, чтобы в окно ночью по лестнице влезть, они со ступеньки на ступеньку еле ползают. А тут сидят людишки, у которых на Земле был ба-а-альшой праздник, когда Адольф Алоизович в ящик сыграл. Вот с одним из них я и хочу потолковать.

На другом конце коридора послышалось цоканье каблучков и отлично различимая ругань с кавказским акцентом.

Ноздри Калашникова уловили запах крепкого табачного дыма.

– Вах, слушай! Ты руки убери, да? Что я, без тебя не дойду, генацвале? Ты зачем меня за рукав хватаешь, да? Мент позорный, мамой клянусь – я тебя зарежу!

Дверь открылась, и охрана втолкнула в комнату старика в арестантской робе с блестящими золотыми погонами. Роба была надета на голое тело, на безволосой груди виднелись синие татуировки. В правой руке гостя дымилась закопченная трубка.

– Здравствуйте, товарищ Иосиф Виссарионович... – медовым голосом произнес Калашников. – Счастливы видеть вас, батюшка, в добром здравии.

– Тамбовский волк тебе товарищ, – произнес Сталин и сквозь выбитый зуб сплюнул на пол. – Я из-за тебя на бабки попал – сидели с пацанами, в буру шарились... мне такой фарт шел, как у мамы в брюхе, а тут твои шакалы подбежали. Всю малину обломал...

Сталин мотал срок уже полсотни лет, вследствие чего почти полностью перешел на уголовный жаргон в общении – других слов он здесь не слышал. Генералиссимус сидел в типовом лагере, устроенном по типу тех, что были в Казахстане, без выходных работая на каменоломне и каждый день получая на обед стандартную баланду из брюквы. На выбор подобного наказания повлияло вовсе не то, что Сталин прославился созданием обширной сети подобных лагерей: Шефу

не понравилось, что Иосиф в юности учился в духовной семинарии. Впрочем, отсидка продолжалась только с шести утра до десяти вечера – ночевать вождя народов отпускали домой, в заплыванную пятисотэтажку «Красного квартала» – трущобного района, куда селили большинство бывших коммунистических руководителей.

Ежедневно по дороге на работу генералиссимуса словно случайно сталкивали с Берией, и каждый раз эта встреча заканчивалась дракой и отборным матом на грузинском языке. Впрочем, Берии досталось еще хуже – он работал барменом в главном стриптиз-клубе *города*, где прелестные официантки подавали напитки совершенно голыми. Каждый вечер в этом аморальном заведении, однако, стоил Лаврентию Павловичу ужасных мучений по той простой причине, что его сделали импотентом...

Сталин насмешливодохнул Алексею в лицо табачным перегаром – непонятно, как он умудрялся доставать этот сорт, но курил вождь народов, как всегда, «Герцеговину Флор». Калашников закашлялся. Сталин, не глядя на него, присел на шаткий пластмассовый стул.

– Что тебе надо? Не тяни кота за яйца, говори быстрее, – выбил он трубку об сапог.

Не изменяя и этой привычке, вождь народов носил обувь из мягкой кавказской кожи.

– Постараюсь как можно быстрее, – кивнул Калашников. – В общем, если совсем вкратце: прошлой ночью в своей квар-

тире неизвестным был убит Адольф Гитлер.

Теперь закашлялся уже Сталин – выпавшая из руки трубка ударилась о цемент пола. Тем не менее генералиссимус не упал со стула, на что втайне надеялся Калашников. Ему почти удалось сохранить спокойствие – лишь черты рябого лица странно заострились.

– Генацвале, сегодня не первое апреля, – равнодушно ответил он. – И как его можно убить? В этом поганом месте даже надоевшего комара не прихлопнешь – оживает через минуту.

– Ему влили в рот вещество, по концентрации раз в тысячу сильнее серной кислоты, – охотно пояснил Калашников. – Сгорел за пару секунд, только и осталось, что пепла с половину чайной ложки. Хотелось бы пообщаться с вами на тему, как вы провели ту самую ночь, когда фюрера измельчили в мелкую труху. Известно, что вы с Адольфом Алоизовичем и тут недолюбливали друг друга – за полвека ни разу не поздоровались.

Генералиссимус насмешливо покривил щербатый рот со знаменитыми усами.

– У меня есть свидетели. Мы всю ночь с Аль Капоне в блек-джек резались на его шляпу – спроси кого хочешь... **начальничек.** Тебя наши отношения с Адольфом не касаются. Я много каких уродов не люблю, но будь у меня возможность кого сжечь, начал бы явно не с него. Получи я такую хрень – так первым делом на Хрущеве бы испытал. Ду-

рак ты.

Алексей флегматично пожал плечами, изучая мигающую лампочку на потолке.

– Свидетели ничего не доказывают. Учитывая ваши связи и авторитет в уголовном мире, вы могли это кому-нибудь заказать. – Калашников выдержал эффектную паузу. – Но перейдем к вопросу с точки зрения психологии. Вас абсолютно не удивил рассказ о веществе, способном в мгновение ока уничтожить гражданина *города*... Как будто для вас появление такой жидкости – обыденная вещь. Вы что-нибудь о ней знаете?

Веки Сталина чуть-чуть дернулись, но взгляд при этом не изменился. Он замолчал, глядя куда-то в пространство и беззвучно шевеля губами. Потом закрыл глаза. Калашников терпеливо ждал. Тишина длилась минут десять – у сотрудников *Учреждения* появилась мысль, что вождь народов заснул, когда тот неожиданно поднялся на ноги.

– Я уже сказал тебе, кацо, – ты дурак, – устало пробурчал Сталин, не глядя на Калашникова. – Мне с кентами отыграться надо срочно, а я с вами пустой базар мусолю. Ничего не знаю. А знал бы – так и не сказал, по природе вас, мусоров, ненавижу.

Корявыми сморщенными пальцами он бесцельно вертел опустевшую трубку.

Малинин сделал шаг вперед, деловито засучивая рукав мундира, однако Алексей остановил его взмахом руки. По-

дождав секунду, он наклонился к Сталину.

– Мы повстречаемся еще раз завтра – может быть, тогда станете поразговорчивее, – прошипел он, и Сталин, с облегчением поняв, что беседа закончена, привычным жестом завел руки назад. – Но отыграться у вас не получится, ибо на зону не отпустим – проведете чудную ночь в «одиночке». Это для вашей же безопасности, – повторил эффектную паузу Калашников и добавил: – Убийца, если его мотивом была месть, может не удовлетвориться исключительно Гитлером. Вы, как общеизвестно, у нас тоже не ангел.

Обратно до автомобиля оба шли в полном молчании, глядя по сторонам.

– Надо было, вашбродь, не пустой треп разводить, – скрипя зубами, произнес Малинин, плюхаясь в кресло водителя и включая зажигание, – а сразу без разговора ему в рыло съездить, чтоб в изумление пришел. А вы с ним и так, и эдак, и на «вы» – еще бы мороженое или бламанже какое на фарфоровом блюдечке поднесли.

– Экий ты у нас умный. Ну, дашь ты ему в нос раз или два. А что потом будешь делать? – огрызнулся Калашников, устраиваясь на соседнем сиденье. – Мы, братец, на него давить не можем – вариантов нет. Пригрозить, что Шеф его испепелит? Дедушку это только порадует – кто ж не мечтает сдохнуть после пятидесяти лет работы в каменоломне? Тут сила не требуется. Не волнуйся, мы завтра сюда опять придем – ночь впереди, я еще подумаю, как лучше его обрабо-

тать.

Алексей прислонился виском к боковому стеклу, ощутив нагретую поверхность.

– Да и хрен бы с ним. Сейчас меня на самом деле серьезно волнует другая вещь. – Унтер-офицер хотел спросить какая, но не успел – Калашников схватил его за плечо и притянул ближе к себе, дохнув запахом жевательной резинки с красным перцем. – Сталин за полминуты сообразил, в чем там дело. Более того, похоже – новость его серьезно перепугала, заставила нервничать. Но по неизвестным причинам он предпочитает молчать. Из этого я заключаю – нас ожидает что-то **ОЧЕНЬ** плохое.

Он уставился на Малинина, ожидая возражений. Однако тот был согласен.

Глава 10

Цвет бумаги

(19 часов 45 минут)

Шеф молча стоял у стеклянной стены, стилизованной под языки пламени. Несмотря на бронзовую люстру, в огромной комнате царил искрящийся полумрак: так было задумано итальянским дизайнером, недавно сделавшим перепланировку кабинета. Калашников как бы невзначай постучал по столу, но босс не сделал никакой попытки обернуться.

– Какие новости? – пробубнил он, водя длинным когтем

по поверхности зеркального венецианского стекла и извлекая из этого занятия противный, остро режущий ухо звук.

Алексей слегка поколебался, но подумал, что лучше ответить откровенно.

– Никаких, – сказал он, по привычке зажмурив один глаз.

Режущий звук усилился до совершенно невыносимой ноты.

– Это плохо.

Шеф развернулся на сто восемьдесят градусов, посмотрел на Алексея все тем же немигающим взглядом. Как всегда, по спине штабс-капитана невольно пробежала дрожь.

– Я назначил тебя сюда, потому что ты лучший, – тихо и злобно сказал Шеф, переключив внимание на поцарапанный коготь. – Последние двадцать лет у тебя были шикарные показатели. Ты за семь дней вскрыл сеть торговли кокаином, которую организовали колумбийцы. А сушеная кровь для вампиров? По-моему, просто блеск. Остался всего один нелегальный канал для ее доставки, но рано или поздно мы доберемся и до него. И что я вижу сейчас? Заметь – ведь ты не паришься на работах в канализации, хотя это самое легкое наказание для убийц. Видимо, мне следовало тебя туда отправить.

– Эскобар² сам подставился, – нехотя ответил Калашников. – Он новенький у нас – забыл, что находится в *gorode*,

² Самый знаменитый колумбийский наркобарон XX века, обладал состоянием в двадцать миллиардов долларов. В 1993 году был убит в перестрелке с полицией.

а не дома в родных джунглях. Иначе сразу бы сообразил – незачем продавать товар Геббельсу. Если у человека должность называлась «министр пропаганды», то через неделю о том, где купить марафета, только идиот не будет знать.

В тишине было слышно, как с треском сгорают корни подземных деревьев в гранитном камине, украшенном головами раскрывших пасти химер. Секунда – и Шеф недобро оскалится.

– Скромничать на Земле надо было, – из его рта взвились струйки дыма. – Ты не для того здесь поставлен начальником отдела оперативных расследований, дабы пропадать весь день, а потом явиться для того, чтобы произнести чудесное слово «никаких».

Калашников, как и в случае со Склифосовским, автоматически отметил в мозгу некорректное слово – «день». Время суток было в Аду весьма условным понятием. Поскольку, разумеется, солнца в *городе* не существовало, он освещался пламенем факелов и электрическими лампочками, три четверти которых полагалось гасить вечером, чтобы создать иллюзию повсеместного наступления темноты. Шеф сидел в *городе* с самого его основания и невольно перенял жаргон его обитателей.

Алексей с трудом проглотил подступивший к горлу комок раздражения.

– Я могу рассказать, что мы имеем на данный момент, – сообщил он, в глубине души понимая взвинченное состоя-

ние Шефа. – Один превратившийся в пепел труп, пятьсот миллионов желающих его убить, непонятное *вещество*, при помощи которого грохнули жертву, полсотни глухих соседей, спящих ночью, как сурки. Склифосовский забрал пепел в лабораторию, но пока не перезвонил. Я отношусь к вашему приказу с глубочайшим уважением, дорогой Шеф, но не совсем понимаю, почему вы поручили это дело мне. В *городе* как минимум миллион превосходных криминалистов с мировым именем, можно вызвать хотя бы Агату Кристи, я уверен – она бы раскрутила все в пять минут.

Шеф, отвлекшись на японскую плазменную панель под потолком, сосредоточенно слушал новости. Он как будто не слышал последних слов Калашникова – его остроконечные уши подрагивали на манер локаторов, улавливая доносившиеся с экрана слова.

– Без сомнения, главной сенсацией тысячелетия стало сегодняшнее ЧП в еврейском квартале *города*, – размеренно произносил слова телеведущий в очках, его напыщенное лицо показалось Алексею знакомым. – Как нам удалось узнать из конфиденциальных источников, произошло первое за всю историю *города* покушение на убийство, которое увенчалось успехом. Жертвой неизвестного киллера стал бывший глава Германии Адольф Гитлер, с 1945 года отбывавший наказание за соучастие в убийстве и нанесение тяжких телесных повреждений примерно ста миллионам человек. Отдел оперативных расследований *Учреждения* пока отказывается

от любых комментариев относительно обстоятельств смерти Гитлера. Однако уже сейчас со всей уверенностью можно сказать, что убийство является заказным. Смотрите «Сто первый канал», с вами был Влад Кистьев.

Калашников неожиданно вспомнил этого человека. Вот уже двенадцать лет, каждое первое марта, он обязательно приходил к ним в отдел, чтобы просмотреть компьютерный архив – не появились ли за прошедшие триста шестьдесят пять дней в *городе* его убийцы. Непонятно почему, но он очень хотел посмотреть им в глаза – ему стреляли сзади в голову, он не успел увидеть лиц исполнителей. Заказчик его смерти до сих пор был жив, но в *городе* довольно много народу с нетерпением ожидали его прибытия.

Алексей не без основания полагал, что многие новички в Аду чересчур романтизированы. Создавалось впечатление, будто они всю жизнь только и делали, что читали дамские романы в мягкой обложке. Ну, появятся киллеры, ну посмотрит он им в глаза полчаса или час – так дальше-то что? Совесть этих людей прошибает исключительно редко. По опыту Калашников знал, что самых безжалостных палачей, оказавшихся в *городе*, больше всего шокирует новость: Ад, оказывается, существует на самом деле. Раскаяние терзает души очень и очень немногих. А вот их жертвы после первых минут злорадства скоро начинают понимать: теперь им придется смотреть на своих убийц каждый день на протяжении сотен тысяч лет. Необходимы воистину железные нервы, что-

бы выдержать подобную «радость», – но не у всех они есть. Немудрено, что кому-то в результате захотелось прикончить Гитлера.

Шеф нажал на красную кнопку на пульте с рогатой головой – экран телевизора померк.

– Ну, приглашу я Кристи, – продолжая разговор, бесцветным тоном сказал он. – Знаешь, что случится через неделю? Она напишет мне подробный отчет на семистах страницах, что убийство совершил дворецкий, потому что фюрер в юном возрасте соблазнил его племянницу. Ты просто никогда не работал со звездами и не знаешь, как это тяжело: толку с гулькин нос, зато обижаются на любую мелочь. По мне, лучше взять на работу человека без громкого имени, но пусть это будет настоящий профессионал. Исключение составляет разве что доктор Склифосовский. Он не звонил тебе, говоришь? Жаль. А вот мне позвонил.

По интонации Шефа было более чем ясно – врач вряд ли сообщил что-то хорошее.

– Профессор провозился с пеплом больше двух часов, – проговорил он, подцепив когтем со стола тонкие прозрачные листки бумаги. – Но все тесты показали один и тот же результат. Ты знаешь мой характер – я попросил его повторить анализ пять раз. Николай Васильевич честно объяснил – он это **уже** сделал, однако итог остался неизменным.

– Склифосовский с самого начала подозревал, что *вещество* – сильнейшая кислота, возможно, какой-то новой кон-

центрации, пока еще неизвестной нам, – согласно кивнул Калашников. – Может, допросить американцев, не случилось ли в последнюю неделю в Пентагоне новых химических разработок? Час назад в *транзитный зал* пара подполковников прибыла с джипом «Хюмви» – наскочили в Багдаде на мину.

Шеф мучительно потер виски, покачал головой. Пламя в камине ярко вспыхнуло, оранжевые языки лизнули пасти химер: сверху бросили новую порцию сучьев.

– Нет, они нам не понадобятся. К сожалению, дело обстоит гораздо хуже.

Малинин, пользуясь временным отсутствием секретарши, пристально наблюдал за беседой через приоткрытую дверь приемной. Он увидел, как Шеф сказал что-то на ухо Калашникову. Даже в полумраке было заметно – тот побледнел, словно бумага.

– Не может быть... – прохрипел он враз севшим голосом.

– Я тебе говорю! – Шеф сломал в руках карандаш. – И не надо тут делать круглые глаза. Кто из нас мог бы ожидать подобное? Ты вообще что-нибудь понимаешь?

– Нет, – объективно ответил Алексей.

Шеф вздохнул.

– Знаешь, это еще не самое плохое. Гораздо хуже то, что даже я этого не понимаю.

«Я тоже без стакана не разберусь», – тревожно подумал Малинин. Две головы моментально повернулись в его сторону, и он понял, что сказал это вслух.

Глава 11

Объект номер два (20 часов 50 минут)

Поджав стройные ноги, роскошная блондинка в заштопанном нижнем белье сидела на обшарпанном диванчике в убогой гримерке. Вид у нее был настолько печальный, что если бы в этот момент рядом с ней оказался Петрарка, то поэт воспел бы грустную розу, одиноко растущую на развалинах.

В одной руке женщина держала дешевое пластмассовое зеркальце, другой подкрашивала длинные ресницы, обрамляющие голубые глаза. Со спинки стула свешивалось бордовое платье. Она не любила надевать белое с тех пор, как загремела СЮДА, – пятна от гнилых помидоров хорошо видны на светлой ткани, их чертовски трудно отстирать. Когда она предстала перед Главным Судом, жюри, изучив предложение *Управления наказаниями*, постановило низвергнуть ее на вечное поселение в Ад по двум причинам – сладострастие и тщеславие. Горячих оправданий, что тщеславны все люди ее профессии, а понятие «сладострастие» в XX веке подменило собой любовь, никто не услышал.

Она вздохнула так, что зеркальце слегка запотело. Ну почему эти закомплексованные люди мыслят замшелыми критериями Средних веков? Никому в *городе* и в голову не при-

шло провести хотя бы парочку изменений в суровых законах, чтобы они соответствовали новой реальности. В Аду горит столько специалистов по пиару – почему бы не поручить им произвести ребрендинг? Один из ее многочисленных бывших любовников, услышав такое предложение, прыснул и насмешливо покрутил пальцем у виска. Какое хамство. Да, она согласна, что не хватает звезд с неба. Но разве не глупо судить людей из мира «кадиллаков», стрип-клубов и небоскребов по заповедям, утвержденным неизвестно кем семь тысяч лет назад?

Праведникам из Рая регулярно устраивают сюда организованные туры, чтобы те видели, чего избежали благодаря своей выхолощенной жизни на Земле, из которой были исключены все запретные сладости. Однако кое-кому из руководства *города* самому не помешало бы съездить в тур на эту самую Землю, дабы заметить, как сверкающее неоновыми огнями бытие Лас-Вегаса отличается от того, что они наблюдали в своем трухлявом древнем Вавилоне. Секс между еле знакомыми (а то и вовсе незнакомыми) людьми уже не прелюбодеяние, а такая же скучная норма, как утренняя чистка зубов, марихуану употребляют даже в школах, голые девушки не танцуют у шеста разве что на детсадовских капустниках.

Конечно, если бы ей дали пожить на Земле побольше... Возможно, в этом случае она стала бы другой. А почему нет? Начала бы ходить в церковь, потом прочитала Библию – а

может быть, в результате вовсе заделалась патроном сиротского приюта. Но кто дал ей такой шанс?

...Женщина через голову натянула тесное платье, в котором еле виднелась ее крохотная грудь нулевого размера, – не помогал даже китайский бюстгальтер с силиконовым наполнителем, купленный на черном рынке. Она повернулась к зеркальцу и посмотрела на себя с откровенной ненавистью. Каждый вечер она выступает в этом пропахшем кислым пивом кабаре, и всякий раз пьяные потные зрители с бычьими шеями и налитыми кровью глазами освистывают ее, закидывая томатами. Миллионы мужчин не смотрят на ее тело влюбленными глазами, как было на Земле, юные мальчишки не готовы отдать жизнь за один ее поцелуй, журналисты не преследуют ее в туалете с просьбами об интервью. В этом *городе* она – лишь безголосая певичка, у которой за сорок лет ни одна собака не спросила автограф.

А ведь когда-то она, подобно ледоколу, гордо рассекала толпу алчущих, с мольбой протягивающих ей листочки через шеренгу дюжих телохранителей. Хоть бы один человек сейчас попросил ее расписаться! Хоть бы кто-то подарил один-единственный, пусть даже изрядно увядший цветок! Тогда ей казалось, что повсеместное обожание толпы никогда не кончится... Какой же она была наивной. Здесь она никто, статистическая единица серой массы, влачащая жалкое существование: у нее отняли даже ее превосходный бюст! Ублюдки! Да какое они имели на это право!

Пластмассовое зеркальце полетело в угол и разбилось с жалобным звоном. Блондинка истерически всхлипнула и закрыла напудренное лицо руками. Нет, плакать нельзя. Ей же сейчас на сцену, а иначе придется заново накладывать на ресницы потекшую тушь.

В дверь робко, но в то же время настойчиво постучали.

– Да-да! – поспешно откликнулась женщина. – Я знаю, мой выход. Одну секундочку!

В приоткрывшейся створке неожиданно показался букет цветов. Розы с крупными лепестками, одна другой краше – совсем свежие, как будто их только что срезали с куста.

Она захлопала глазами, как пластмассовая кукла. Наверное, ей все это снится. Устала, слишком много работает. Как жаль, что здесь нигде не купишь хорошего снотворного!

Человек у двери галантно поклонился, его лицо еле виднелось из-за бутонов белых роз.

Он заговорил, и его голос дрожал – как ей показалось, от крайнего благоговения.

– Я буквально на секунду... Шел мимо вашего кабаре и не смог побороть желание заглянуть... Простите за дерзость, ужасно рад нашей встрече... Даже не представлял себе, что такое может со мной случиться. Вы мой кумир с детства. Позвольте вашу ручку.

Банальные слова прозвучали в ее ушах сладкой музыкой. О, сколько лет она не слышала подобных слов! Зардевшись, женщина стянула шелковую перчатку, разминая пальцы.

Незванный гость шагнул вперед, левой рукой протягивая букет. В правой тускло блеснул маленький старомодный флакончик с изящной, сделанной вручную крышечкой.

«Надо же... духи, – зарделась блондинка, предвкушая удовольствие. – Как прекрасно».

Но она ошибалась.

Глава 12

Вес воды

(21 час 34 минуты)

Подошедшая официантка не осведомилась о заказе – какая разница, если в меню всегда одно и то же. Дважды крутанув колесико поддельной зажигалки «Зиппо», она лениво воспламенила фитилек оплывшей свечи на покрытой жирными пятнами скатерти.

– Добрый вечер, господа. Продуктовые талоны у вас в наличии?

Вместо ответа Калашников протянул черную пластиковую карту с рогатой голограммой в левом углу, небрежно держа ее за уголок двумя пальцами.

Официантка моргнула и выпрямилась, теребя оборки на застиранном переднике.

– Сейчас будет другая скатерть. Кроме того, по статусу вам полагается неограниченное количество «Хеллтики», подождите секундочку, мне нужно сбежать в VIP-подсобку.

Охлажденное пиво на адской жаре считалось небывалой роскошью. Алексей небрежно кивнул – привыкал к роли баловня судьбы. Рядом, сняв фуражку, изнывал от духоты и любопытства Малинин, однако корректно не задавал вопросов начальству.

У столика возник холеный метрдотель, явно из бывших миллиардеров. На стол легла хрустнувшая крахмалом ска-терть, появились, играя золотистыми тенями, две кружки ледяного пива «Хеллтика». Изогнувшись, метр поставил между коллегами тарелку с прогорклым запахом позавчерашне-го масла: стандартные fish and chips. К сожалению, на качество местного продовольствия условия VIP-снабжения не распространялись.

Калашников с неохотой ковырнул вилкой пережаренную сухую треску. Можно было бы, конечно, поехать в подполь-ный ресторан Вонга и навернуть там цыпленка в лимонном соусе, но кто знает, не обязал ли Шеф контролировать их передвижение по *городу*. В любом случае Вонга сейчас под-ставлять было нежелательно, замучаешься потом искать в Чайнатауне хорошее нелегальное кафе.

Малинин на момент отвлекся от терзавших его сомнений – глотнув ледяного пива, он испытал ощущение, приближа-ющееся к оргазму, чувствуя, как блаженный холодок льется вниз по пищеводу. Еще полминуты, и он бы впал в состоя-ние анабиоза, словно лягушка.

Калашников задумчиво вертел в пальцах вилку. И икра

не лезет в горло, и компот не льется в рот, вспомнил он фразу из книги одного драматурга, которую год назад выменял на что-то на черном рынке. Драматург тоже жил в *городе* с недавних времен, но куда конкретно его направило *Управление наказаниями*, Алексей не знал.

– Вода, – внятно прошептал он, наконец проткнув треску зубцами вилки. – Это была вода.

Унтер-офицер не подавился пивом, но замер с кружкой, уже поднесенной ко рту. Янтарные струйки потекли по покрытому рыжей щетиной подбородку.

– В общем, я отреагировал примерно так же, – наблюдая залитого пивом Малинина, скучно произнес Калашников и оставил в покое треску. – Короче, проведенные Склифосовским анализы подтвердили: вещество, спалившее Гитлера, – пять граммов обычной дистиллированной воды, хотя, возможно, и с какими-то примесями. Мы такую воду пьем каждый день. Осталась суцкая мелочь – разобраться, каким образом ей удалось превратиться в жидкость, по сравнению с которой серная кислота – апельсиновый сок.

К Малинину постепенно возвращался дар речи. Правда, первые слова он произнес, не отрываясь от кружки, за столом раздалось невнятное бульканье.

– Ошефыбокаса... тьфу ты, мать вашу... Извиняюсь, ваш-бродь. А Шеф что сказал?

– А что ему говорить? – горько усмехнулся Калашников. – Он попросту в шоке. Срочно послал бригаду специалистов

брать пробы в водопроводе, артезианских скважинах и даже в канализации. Последнее им особенно не понравилось, но ты же знаешь босса – если ему что-то позарез понадобится, он человека с головой в дерьмо загонит.

– Неужели Ван Ли и Краузе тоже ничего не добыли? – одним глотком уничтожил оставшееся пиво Малинин. – Они специально всю богадельню облазили, где фюрер работал.

Калашников отодвинул тарелку, будучи не в состоянии пересилить себя и съесть хоть кусочек чудовищно надоевшего блюда. Он также хлебнул ледяной жидкости и от восторга слегка зажмурился. Половина зала смотрела на него с нескрываемой ненавистью.

– Как и ожидалось, ничего, – облизнувшись, подвел итоги Алексей. – Самому молодому престарелому еврею в этом веселом заведении – девяносто восемь лет. Они даже толком не знали, кто именно к празднику мацу выпекает: все полуслепые, зубов во рту нет, пускают слюни в постели с утра до вечера – такой у них нежный возраст. Сам никогда не радовался, что попал в Ад молодым, а сейчас думаю – в принципе, не так уж это и плохо.

В углу послышался разочарованный свист и проклятия: на чемпионате мира по футболу российская сборная опять пролетела. Калашников не знал, что происходит на Земле в реальности. В русском квартале *города* такие штуки могли показывать специально, дабы портить настроение болельщикам. Вполне возможно, что это подтасовка, – ну не может

такого быть, чтобы *наши* проигрывали с таким завидным постоянством. Однако большинство русских в Аду, особенно из тех, кто прибыл в *город* недавно, считали, что трансляция все-таки настоящая, а потому с садистским нетерпением ждали «в гости» парочку тренеров национальной сборной России.

Не успел гвалт возмущения стихнуть, как на экране огромного телевизора погасло изображение мяча и снова появился взлохмаченный ведущий новостей. Теперь он был в очках и уже не выглядел вальяжным.

– Добрый вечер, в эфире Влад Кистьев. Мы прерываем прямую трансляцию чемпионата мира, чтобы выйти в эфир с сообщением о чрезвычайном происшествии.

В кармане у Калашникова настойчиво звонил мобильный телефон.

Глава 13

Ночная встреча

(чуть раньше, 21 час 06 минут)

Ему удалось выскользнуть из кабаре незамеченным, бесшумно закрыв дверь гримерки на ключ, лежавший у покойницы на столе. Все произошло еще легче, чем он рассчитывал. Женщина даже не успела вскрикнуть, через брешь в буфете он молниеносно выплеснул флакончик ей в лицо. Объект номер один был мужского пола и мог оказать серьезное

сопротивление, поэтому пришлось применить удавку. Главное, что он импровизировал, а не опустился до банальных повторов. *Эликсир*, как и в прошлый раз, подействовал мгновенно: яркие искры, несколько граммов пепла на полу и прекрасные голубые глаза, превратившиеся в потухшие угольки.

Что ж, новая смерть прибавит забот болванам из отдела оперативных расследований. Два трупа за одни сутки – да они попросту на уши встанут, кусая локти от собственной тупости. Все по-прежнему выполнено стерильно – никаких отпечатков, отсутствие следов, ни единого волоска – вычислить по ДНК его не смогут самые лучшие специалисты. Объект номер два жил подальше от его дома, поэтому пришлось использовать старый любимый кеттлеровский велосипед. Большую часть уличных фонарей уже потушили, и спасительная темнота без проблем позволила ему добраться до спрятанного в укромном месте велика.

Он без труда вспрыгнул на жесткое ободранное сиденье, привычно крутанул упругие педали, и теплый ветер ударил ему в лицо. Быстро проехав мимо установленного возле дороги рекламного щита фильма ужасов «Рассвет мертвецов» (комедий и любого кино с хеппи-эндом в городе не показывали), убийца свернул в узкий переулок. До нужной улицы оставалось ехать еще минут двадцать – скоро включится очередная программа радионаказания, и за грохотом «хеви-метал» чуткая фрау Браунштайнер не услышит, как он проберется по ступеням на лестничную клетку. Входные

двери, конечно, будут заблокированы, но он подождет у стены на лестнице. Сразу после окончания программы незаметно пробраться в комнату не составит особых усилий.

Человек с мертвенно-бледным лицом возник на его пути так неожиданно, что убийца резко подпрыгнул на сиденье. Крутанув руль, он повернул налево, однако колесо жалобно взвизгнуло лопнувшей шиной – схватившись растопыренными пальцами за воздух, он вылетел из седла. Упавший велосипед заскрежетал по асфальту, а он сам откатился в сторону, держась за ушибленную ногу.

Бледнолицый бросился к нему. Его лицо было искажено неподдельным страхом.

– О... простите, простите... господин, прошу извинить меня. С вами все в порядке?

Путем невероятного усилия он изобразил улыбку, хотя нога просто разрывалась от боли.

– Вы напугали меня. Что-то случилось? Мы же расстались всего два часа назад.

Человек подобострастно склонил лысую голову и ссутулился, став еще ниже ростом.

– Я вижу, что причинил вам боль. Мне нет прощения, господин.

– Ничего страшного, обычный ушиб, – отмахнулся киллер. – Я планировал встретиться с вами ближе к утру, когда ваш квартал уснет. Совершенно не ожидал, что вы уже подкарауливаете меня на дороге к дому. Если несложно, помо-

гите встать.

Опираясь на локоть человека с бледной кожей, убийца поднялся на ноги, отряхивая джинсы от налипшей пыли. Бледнолицый, суется вокруг, помогал чистить одежду, заискивающе улыбаясь. Киллер поймал себя на мысли, что на Земле улыбка такой твари, встреченной в безлунную ночь, навряд ли показалась бы дружелюбной. Ночной собеседник был достаточно тепло одет, но постоянно прятал руки в карманы. Даже при температуре плюс тридцать он никак не мог согреться.

– На улице слишком темно, а я должен был привлечь к себе внимание, иначе вы могли проехать мимо, – все тем же подобострастным голосом протянуло загадочное существо. – Ко мне поступило срочное сообщение от связного, поэтому пришлось вернуться. В любом другом случае я не решился бы беспокоить вас так поздно.

В груди убийцы сладко заняло приятное ощущение.

– Привезли *эликсир*? – спросил он с тайной надеждой.

– Вы как в воду смотрите, господин, – хихикнуло чудовище. – Прибыл курьер со свежей партией. Вам нужно встретиться с ним, потому что я не рискую хранить *эликсир* у себя. Это может вызвать подозрения сослуживцев. Прошу – следуйте за мной.

Он отрицательно замотал головой.

– Я не могу. С минуты на минуту псы из *Управления наказаниями* обнаружат, что я ликвидировал второй объект. Мне

надо обязательно быть дома, чтобы соседи в случае допроса подтвердили мое алиби. Поймите, – назидательно поднял он вверх указательный палец. – В отличие от вас, *meine lieber*, я рискую очень и очень многим.

Бледнолицего эта новость абсолютно не впечатлила – подняв воротник дешевого зимнего пальто, он зябко поежился, о чем-то раздумывая.

– Может быть, у меня паранойя, но я испытываю ощущение, что за мной установлена слежка, – прошипел монстр, не вынимая рук из карманов. – Я просто хочу на всякий случай избавиться от *эликсира* как можно быстрее. Господин, мне пришла в голову одна интересная мысль, как нам следует поступить, – возможно, это устроит нас обоих...

Жестом попросив убийцу наклонить голову, человек с мертвенно-бледным лицом отрывисто зашептал тому в ухо. Спустя пару минут киллер уверенно кивнул.

...Вернувшись спустя некоторое время домой – проникнуть в квартиру после радионаказания, как он и планировал, не составило особого труда, – он с удовольствием развалился на жесткой кровати. Впервые за сутки ему ужасно захотелось спать, но он не мог себе этого позволить – сегодня у него появится сверхурочная работа. Перед глазами, колеблясь и искажаясь, поплыло напудренное лицо женщины, широко распахнувшей глаза, когда он протянул ей охапку белых роз с крохотными красными прожилками...

Вздвогнув, убийца сел на постели. Цветы... Он забыл про

цветы!

Глава 14

Дорога в кабаре

(22 часа 14 минут)

– ...У-у-у... Мать вашу через семь гробов... в мертвый глаз, да за ногу и об угол!

Это было уже двадцать седьмое выражение Малинина с тех пор, как они уехали из ресторана, и надо отдать должное его профессионализму – он не повторялся. Крепко держась за обитый железом руль, унтер-офицер ругался как заведенный, выдавая столь удачные словосочетания, что от них завяли бы уши и у портового грузчика. Больше всего его ранимую душу травмировало то, что на столе осталась недопитая кружка с ледяным пивом. Хуже, наверное, он себя чувствовал только в день смерти.

Калашников молчал, хотя пива ему тоже было жалко. Не слишком ли много событий для одного заурядного рабочего дня? Хорошая новость пока что была одна. Стало ясно, что убийство Гитлера – вовсе не месть фанатика-одиночки, как он предполагал изначально: погибшей в кабаре женщине некому было мстить. А если уж и было, то явно не такими изощренными методами.

Плохими новостями представлялось все остальное: не успев начаться, расследование на глазах рассыпалось в прах.

Гадать дальше было нечего, они имеют дело с классическим серийным убийцей. Каким образом он появился в *городе*, кто будет следующей жертвой, почему дистиллированная вода сжигает людей, словно напалм... Обо всем этом он и понятия не имел.

Нарушая профессиональную этику, Калашников мысленно признался себе, что на Земле думал о возможностях Шефа намного лучше. Там всем казалось, что Шеф всемогущ, что он может проникнуть в мозг любого человека и заставить его выполнять свою волю. На деле все это оказалось красивыми сказками: слуги Шефа на Земле просто обеспечивали ему достойный пиар. За долгое существование человеческой цивилизации Ад оказался перенаселен так, что здесь стало тесно даже китайцам, – начиная с каменного века в пекло прибыли десятки миллиардов покойников. Это породило то, что *город*, и без того непомерно раздутый, ежедневно продолжал застраиваться панельными пятисотэтажками.

Алексей мрачно улыбнулся, покрутив головой. Подумать только – когда-то он искренне верил в наивные байки о том, что, дескать, Шеф в свободное время путешествует по Земле, обволакивая людей соблазнами, ведет с каждой отдельной личностью многочасовые беседы, дабы подписать договор о продаже души и затащить ее в Ад... Здесь подобные триллеры кажутся элементарным детским слабоумием.

Безусловно, Шеф продолжает лично посещать особо уважаемых клиентов, как тот же доктор Фауст или философ

Кант... Но в остальном он давно уже устроил так, что грешные души идут к нему не поодиночке, а оптовыми партиями. Он главный акционер табачных фабрик, его люди владеют заводами по производству оружия, на его золото в президенты избираются психически неуравновешенные личности. Однако всему есть предел – Гитлер, Сталин и Пол Пот не были у Шефа в фаворе, ибо существенно перестарались, начав гнать в *город* души таким конвейером, что весь персонал Ада, включая пограничный контроль и таможню, перешел на авральное круглосуточное дежурство. Таким образом, влезть в мысли миллиардов обитателей *города* и узнать, откуда в их среде возник убийца, для Шефа физически не представляется возможным – особенно если учесть, что ежедневно в Ад прибывают все новые и новые оптовые партии *граждан*.

Ладно, он опять увлекся ненужной философией... Коротче, что мы имеем на данный момент? А ничего. Убиты уже двое, и, вероятно, киллер на этом не остановится. Скоро появится и третий труп, это как пить дать, а там и четвертый не за горами. Пресса, конечно, будет рада стараться в освещении событий, что явно подмочит веру *городского* населения во всемогущество Шефа. Вывод – надо шевелить мозгами как можно быстрее: теперь он не может себе позволить миндальничать с возможными носителями нужной информации.

Как только он разберется с обстоятельствами убийства

женщины, то немедленно поедет в каменоломню к Сталину и любым способом вытащит из старого осла информацию. Если бы он знал, что за первым последует второе убийство, постарался бы сделать это сразу же. Что-то этому дедку в золотых погонах наверняка известно, но он не хочет говорить – возможно, по причине неясного испуга. Связан ли он с убийцей? Исключено. Иначе не впал бы в такое лягушачье оцепенение, услышав, что какой-то доброхот сжег его старого врага.

Дикий скрежет тормозов вывел его из задумчивости – по счастливой случайности, «БМВ» чудом избежал столкновения с желтым такси, беззастенчиво едущим по встречной полосе. Две машины разом заглохли и остановились рядом, частично перегородив движение.

– Урод, куда ты смотришь! – брызгая слюной, орал из окна Малинин. – Слепой, что ли?!

За рулем такси восседал седой негр в черных очках. Как ни в чем не бывало он осклабился белозубой улыбкой.

– Коньечно слепой, мать твою так, – заученно, но весьма твердо произнес он. – Зряччих в таксисты здесь фоопше не берут, сакнись и проесжай пыстрее, чмо кослиное!

Судя по акценту, негр был из *новеньких* – видимо, только недавно начал учить русский язык. Малинин с матюгами сунулся вниз за монтировкой. Калашников захохотал.

– Серега, да оставь ты его в покое! Понимаю, что бесит здешнее движение, но мужик-то не виноват. Таковы прави-

ла, чего ты к ним за столько лет не привыкнешь?

Малинин крутанул руль. Негр, продолжая скалиться, вежливо поклонился в сторону калашниковского голоса, нащупывая ключ зажигания. Алексей мельком бросил взгляд на лицензию, прикрепленную над лобовым стеклом, где было выведено старославянскими буквами: «Рэй Чарльз». Вот интересно, чем этот африканец занимался на Земле...

«БМВ» вылетел на шоссе – учитывая дикое количество машин в *gorode*, не помогали даже развязки, опутывавшие его гигантской сетью. Строгие правила Ада разрешали иметь лишь один автомобиль на миллион жителей и призывали пользоваться общественным транспортом. Однако наличие в частной собственности миллиардов велосипедов, мотороллеров и самокатов отнюдь не улучшало ситуацию на дорогах.

Мигая красными огнями, из вечернего сумрака медленно выплыло здание кабаре.

Глава 15

Снова темная комната

(22 часа 17 минут)

Волнения оказались напрасными: исполнитель и на этот раз не подкачал. Курьер, судя по всему, тоже. Человек в черном сладострастно потер руки и, вздрагивая от удовольствия, взял со стола список, всматриваясь в почерк с завитушками. Нажимая на грифель карандаша, он тщательно за-

черкнул вторую фамилию и отвел бумагу от глаз на расстояние вытянутой руки, любуясь содеянным. Осталось еще пять кандидатур – и ОНО сбудется.

Но, несмотря на весь профессионализм **исполнителя**, задача будет не из легких. Враг тоже неглуп – не сегодня-завтра, догадавшись, в чем дело, он отправит *псов* по его следу. Успеет ли **исполнитель** довести дело до конца за эту неделю? Возможно, ему понадобится на пару дней лечь на дно и не делать резких движений. Иногда волк проходит мимо притаившегося охотника, не чуя его запах. Тем более что *эликсир* можно пока не переправлять – имеющихся порций ему хватит, да и новый курьер появится в наличии не сразу. У **исполнителя** есть время отдохнуть и обдумать свои дальнейшие действия.

...Из соседней комнаты снова донеслись невнятные звуки – на этот раз они напоминали приглушенное мяуканье. Надо посмотреть, как там дела. Но сначала он выпьет чаю.

Шаркая тапочками, человек в черном прошел на просторную, отделанную деревом кухню, где нажал кнопку голубого электрического чайника. Он не слишком доверял современным нововведениям, но эта вещь действительно хороша, поскольку экономит время. Нет никакой опасности сжечь плиту – все само отключается. О-о-о, как велико нетерпение! Операция началась только сегодня, но он уже устал ждать. Особенность русского человека – хочется все и сразу. Но следует учесть, что он имеет дело не с уличными лохотрон-

щиками. Если противник догадается, в чем дело, он не остановится перед тем, чтобы раздавить его, как букашку. Следует соблюдать осторожность.

Жадно отхлебнув горячий черный чай, человек в черном обжег небо и язык. Боли он не почувствовал – в голове вновь начали тесниться тревожные мысли. Ну-с, остается надеяться, что он не ошибся в кандидатурах, намеченных в качестве *инструментов*. Ошибка была бы не то что непростительна – она просто явилась бы катастрофой, перечеркнув то, что они планировали годами. Ах да, еще мальчик... Вероятно, с завтрашнего дня он предложит ему временно пожить в его доме. Пусть одна комната у него занята, а в двух других сложены нужные вещи, но они могут спать на общей кровати – как говорится, в тесноте, да не в обиде. Так лучше всего – когда вскоре настанет время *жертвоприношения*, ему не придется разыскивать парня по телефону. В отличие от мальчика, человек в черном не жаждал славы. Ему это было ни к чему. Есть тот, кто восхвалит и достойно вознаградит. Все остальное абсолютно неважно.

...Поставив пустую фарфоровую чашку со слипшейся чайной массой на стол, он с неохотой подумал, что позже придется тратить время на ее мытье вручную, – японская посудомоечная машина давилась чаинками, один раз пришлось ее ремонтировать. Пора. Дойдя по маленькому коридору до запертой двери, он всунул в отверстие плоский ключ и дважды повернул, попутно нажав на желтый язычок самодель-

ного замка. Беззвучно открыл. И застыл на пороге, вглядываясь в темноту.

Мяукающие звуки внутри комнаты неожиданно прекратились.

Глава 16

Зацепка

(22 часа 40 минут)

Зрелище, которое предстало перед Калашниковым, называлось дежавю – включая тошнотворный запах сгоревших волос. Медэксперты в белом, подобно огромным муравьям ползающие по полу, Склифосовский с сигарой в продавленном кресле и пепел вперемешку с угольками на паркете. Впрочем, это был, как бы выразился тот же московский пиар-менеджер, *upgraded*³ дежавю, потому что внутри гримерки толпились и другие сотрудники отдела оперативных исследований – следователь уголовной полиции Гамбурга Герхард Краузе и офицер китайских спецслужб Ван Ли.

Краузе напоминал ему подпольного миллионера из одной забавной книжки, прочитанной еще в тридцатых годах. Оба автора впоследствии здесь, в *городе*, подарили ему экземпляр с автографом. Классический немец с «ветчинным рылом», светлыми волосами и белыми ресницами – даже его

³ В данном случае «обновленный» (*англ.*).

глаза, казалось, были бело-прозрачными. О внешности Ван Ли нельзя было сказать ничего определенного – Калашников отличал его от остальных китайцев лишь по наличию коричневой родинки возле глаза. Иначе запросто перепутал бы с владельцем подпольного кафе Вонгом.

Шефа Алексей увидел не сразу – тот стоял, разглядывая какой-то старый бумажный плакат на стене. Лишь по тому, как вытянулся и щелкнул каблуками Малинин, стало понятно – начальство тоже здесь.

Он посмотрел в сторону плаката и мгновенно узнал, кто стал жертвой на этот раз. Когда сорок лет назад эта женщина прибыла в *город*, ее появление произвело фурор. Толпы поклонников едва не сломали дверь Главного Суда, когда были оглашены условия наказания, – спецназу пришлось применять резиновые дубинки. Остается представить, что бы они сказали теперь, если бы видели все это. Администратор кабаре находился тут же, поминутно вытирая платком лысину, взмокшую от осознания неожиданного визита столь значительных персон.

– Все то же самое, милостивый государь, – объяснял Шефу Склифосовский, но на этот раз без грохочущего хохота, – опухшее лицо врача было уставшим и безразличным. – Очевидно, что орудие убийства – снова чистейшая вода с непонятными примесями: последствия ее применения перед нашими глазами. К сожалению, мои возможности тут заканчиваются. Вы приказали вашим людям отвезти это вещество

на анализ в лабораторию профессора Менделеева, и это правильно – разложив его на отдельные молекулы, он выяснит примерный состав. Эти господа, – последовал небрежный кивок в сторону Краузе и Ли, – опросили работников кабаре. Те спохватились только через полчаса, когда зрители подняли скандал. Дверь в гримерку была заперта, им пришлось ее ломать. До этого никто из персонала ничего не слышал – в зале гремела музыка. На этот раз наш красавчик не полез по пожарной лестнице, а вошел и вышел через входную дверь.

Администратор достал второй платок – первый успел превратиться в мокрую тряпку. Его беспокоило все – и убийство, и появления Шефа, и то, как он будет возвращать посетителям деньги за билеты. Какая неудача! Надо было нанять Эдит Пиаф.

– Мы имеем вторую смерть за сутки, – громко прошептал Шеф, рассматривая лица побледневших офицеров *Учреждения*. – Слухи распространяются по *городу* с бешеной скоростью. Через десять минут тут будет светло как днем от фотовспышек и софитов телекамер. Нужно что-то делать. Срочно задержите самых известных серийных убийц – может быть, они укажут нам правильное направление. Отправьте спецбригаду по квартирам Чикатило, Джека Потрошителя, Оноприенко, Мосгаза⁴ – посмотрите, кого еще можно допросить на эту тему. Калашников, тебе все понятно?

⁴ Прозвище серийного убийцы, терроризировавшего Москву в шестидесятых годах XX века. Именем Мосгаз он представлялся, чтобы ему открыли дверь.

Но Калашников, казалось, не слышал Шефа. Его вниманием завладел рассыпавшийся на столе букет роскошных белых роз, затейливо перевитый красной ленточкой. Цветы были очень свежими, это подтверждали капельки искусственной росы, наносимые торговцами на срезанные растения.

Он осторожно, чтобы не пораниться шипами, взял в руки один из цветков. От основания крупного лепестка бежали тончайшие причудливые красные прожилки, образующая на бутоне рисунки в виде еле заметной паутины. Внезапно от его костюма с треском отскочила искра – Алексей получил ощутимый электрический разряд. От боли он непроизвольно разжал руку – роза упала на пол, жалобно дрогнув лепестками бутона.

– Ты, видать, глухой, – грустно почесал рога Шеф. – Слышишь меня только в тот момент, когда я собираюсь тебя испепелить. И сейчас это желание у меня на редкость сильно. Я понимаю, что сегодня тяжелый день, все устали. Но у нас очень мало времени.

– Похоже, слона-то мы и не заметили, – не оборачиваясь, произнес Калашников. Он медленно наклонился и поднял смятый при падении цветок. – Официальное наказание Главного Суда для этой женщины – тотальное непризнание зрителями, освистывание, кидание помидорами, телевидению категорически запрещено брать у нее интервью. В общем, актриса погорелого театра, куда ходят надираться ко-

печным портвейном небритые алкаши. Ее никто здесь не любит. Но... Тогда откуда в гримерке появился шикарный букет?

Офицеры молча воззрились на Алексея. Малинин, как всегда, ничего не понял, он стоял и хлопал глазами. Ван Ли хлопнул в ладоши. Краузе прикусил губу. Шеф взглянул на цветы и одобрительно присвистнул.

– Иногда я думаю, что не напрасно спас тебя от работы в канализации.

– Я не устаю каждый день благодарить вас за это, – съязвил Калашников.

– И почему я не сделал тебя глухонемым? – парировал Шеф. – Какие предложения по поводу букета? Первое, что приходит в голову, – допросить всех ее любовников, но боюсь, это примерно же столько народу, сколько солдат в армии Наполеона. К тому же за последние сорок лет случаев дарения ей цветов не было зафиксировано.

Администратор кабаре, не выдержав нервного напряжения, упал в обморок, но этого никто не заметил. Все были поглощены открывшимся обстоятельством.

– Тут дела намного хуже обстоят, – заметил Калашников. – Не забудьте, что после сделанной по решению Главного Суда пластической операции по максимальному уменьшению груди вряд ли кто-то из мужчин собирался принести ей букет по доброй воле.

В глазах сотрудников прочиталось искреннее возмущение

столь небывалой жестокостью. Кто-то в задних рядах даже сплюнул на ковер, не в силах сдержать чувства.

– Готов биться об заклад, что мы не найдем на бутонах отпечатков пальцев, – парень работает в перчатках. Надо срочно выяснить, где куплены эти цветы, и... – заявил Краузе.

– Я уже и так знаю, – флегматично сообщил Калашников, поймав на себе неприязненный взгляд коллеги. – Взгляни на прожилки. Они бывают только у самого дорогого сорта роз.

– Я как раз хотел сказать то же самое, – кивнул Шеф. – Сорт «Вены сердца» – розы, которые при выращивании вместо воды ежедневно поливают кровью. Есть только одна плантация во всем *городе*, где это практикуется. Она находится в Вампирском квартале. Советую вам направиться туда, а я пока попробую посетить лабораторию Менделеева.

Выходя из примерки, Алексей последний раз увидел лицо блондинки на плакате. Это было все, что Главный Суд разрешил оставить ей на память о прошлом. На черно-белой потрепанной фотографии женщина была изображена с двумя молодыми людьми. Подпись аршинными буквами гласила: «Не пропустите! С 29-го марта во всех кинотеатрах новая комедия с несравненной МЭРИЛИН МОНРО „В джазе только девушки!“»

Глава 17

Проблемы

(23 часа 30 минут)

Человек с мертвенно-бледным лицом уже почти дошел до своего района. Ох, ну как же тяжело ходить по этой сухой, почти свинцовой земле – ноги начинают опухать, мускулы становятся как натянутые струны. Когда-то, как и любое существо его племени, он умел летать, но в *городе* всем *носферату* подрезали крылья, словно молодым цыплятам. Он двигался медленно, часто останавливаясь отдыхать, массируя конечности.

Его расе приходилось в Аду хуже многих – главным образом ввиду того, что почти полностью отсутствовало приличное питание. Конечно, на центральном проспекте блестели никелем автоматы с клюквенным и томатным соком, но это просто плевков в лицо, издевательство над их древними традициями. Ему приходилось видеть, как заслуженные вампиры-профессионалы, состарившиеся в горах Трансильвании, плачут, словно дети, поглощая эту отвратительную фруктово-овощную жидкость. Ну, понятно – те олигархи от вампиризма, кто имеет *средства* и связи, особенно в британском квартале, могут позволить себе покупать сушеную кровь и животных, и даже людей на черном рынке, чтобы потом дома разводить ее водой... Не оригинал, конечно, но все-таки.

Зажравшиеся владельцы розовой плантации даже поливают этим экстрактом цветы, что, как ему кажется, попросту кощунство. Но что такое этот порошок, если сравнить его с... о-о-о... Все что угодно он отдал бы сейчас лишь за полстакана теплой дымящейся крови, бьющей струей из разорванной сонной артерии...

Человек облизнулся и судорожно сглотнул вязкую, облегающую саднящее горло слюну. Много его соратников в *gorode* пытались унять ломку дешевыми суррогатами, дабы сбросить чувство ГОЛОДА, – некоторых даже разводили уличные мошенники, продавая растворенную в воде акварельную краску. Сосед по балкону, пожилой вампир из Кишинева, на этой неделе поделился с ним очередным слухом – якобы, если достать настоящий ягель, зараженный особыми бактериями (его едят олени в финской тундре), и настоять пять суток, получится по вкусу как настоящая кровь. Сам он, правда, не пробовал – подсказали «знающие люди».

Этот кишиневец еще нормальный мужик – вообще, вампиры из Трансильвании и Молдавии настоящие свиньи, держат себя ужасно высокомерно: мы были самые первые *обращенные*, а у вас все не так – и клыки-то маленькие, и крылья морщинистые, и кожа не благородного лунного оттенка, а с примесью лимонной желтизны. Мало того – молодых, еле оперившихся упырей откровенно прессовали. Они выполняли черную работу в квартале, мыли тротуары, ремонтировали автобусы. Сейчас уже сложно сказать, кто первым поса-

дил в квартале первые плантации розовых кустов, но цветочный бизнес у трансильванских шел отлично – конкурентов практически не было. Конечно, лет двадцать назад какие-то приезжие из южных княжеств... как их там... Грюсия и Азебужант – тоже попытались взять под свой контроль цветочные рынки, однако с вампирами им было не тягаться: после пары стрелок южные торговцы поняли, что против клыков и когтей им противопоставить нечего. Оценив сухость почвы в Аду и близость к подземным потокам лавы, «южные» вскоре насобачились выращивать гигантских размеров арбузы. Самое смешное, что приличная часть урожая тоже продавалась в вампирском квартале, так как сок этого сахарного плода весьма отдаленно, но все же напоминал по вкусу разбавленную кровь шестнадцатилетней девственницы.

...Ноги снова свело нестерпимой судорожной болью, и он, качнувшись, сел на землю. Еще чуть-чуть, уже близко. Вдали виднелась пятиметровая реклама, установленная на широком мониторе. Сексуальная брюнетка, элегантно смахивая капли с клыков, пила из бокала ярко-красную жидкость. «Кровь „Любимая“ – потому что классная!» – раздался певучий голос, усиленный динамиками. Эхом ему был тягучий, мучительный стон, донесшийся из тысяч слипшихся бескровных ртов.

Какие же они все-таки сволочи. Постоянно показывать оазис умирающим от жажды в пустыне – разве это не бесчеловечно? Когда они были на Земле, лидеры кланов обеща-

ли им – Шеф позаботится о вас, вы его свита, самые-самые, лучшие из лучших. Ага, как же. Он попросту использует тех, кто ему нужен, – в *городе* их ждут такие же страдания, как и всех остальных. Если бы он знал об этом раньше, вряд ли согласился бы стать *бессмертным*. Да и хваленое бессмертие на деле оказалось фикцией... Он поскрипел клыками, положив руку на сквозное отверстие от осинового кола.

За спиной раздалось дребезжанье звонка. *Носферату* привстал, опираясь на руки. Навстречу ему неслась темная фигура на знакомом велосипеде старинной модели – с его владельцем они расстались два с половиной часа назад. Вампир удивленно распахнул желтые глаза, уставившись на незваного гостя. Грудь седока тяжело вздымалась.

– Никак не мог вас найти – впустую колесил в окрестностях, – прохрипел он. – Совершенно не сообразил, что вы пошли в квартал именно этой дорогой. Получается с точностью до наоборот. Сначала вы искали меня, а теперь я – вас. Смешно, правда?

Человек с мертвенно-бледным лицом почувствовал, как его проткнутое сердце захлестнуло щемящее ощущение опасности. Боль в ногах он уже не ощущал.

– Вы по поводу *эликсира*? Я успел поместить его в условленное место – как договорились. Связой просил передать – там же находится и ваш **здаток**...

Убийца подошел к нему вплотную, держа правую руку в кармане и качая головой.

– К сожалению, мой дорогой, вам нельзя домой. У нас проблемы.

... Через минуту до ноздрей африканских рабочих, укреплявших рекламный плакат неподалеку от дороги, ветер донес странный, до тошнотворности неприятный запах.

Глава 18

Квартал вампиров

(23 часа 33 минуты)

До нужного адреса они доехали не так уж быстро – наступила ночь, и в вампирском квартале Ада царил разгар рабочего дня. Улицы были забиты машинами. Хотя солнца в *городе* не было, община упырей упорно продолжала жить по земному графику – от заката до восхода. Клерки с клыками бегали из офиса на ланч через дорогу, торговцы лихо выжимали томатный сок, за которым выстраивались очереди жаждущих, а пожилые вампиры лежали в креслах уличных гипнотизеров, внушавших им, что они только что растерзали шейку заблудившейся прелестницы в темном лесу. По белесым губам морщинистых стариков блуждали блаженные улыбки.

Краузе громко постучал кулаком в вырезанную из цельного куска черного дерева, искусно сработанную дверь офиса хозяина плантации. Ответили не сразу.

– Кто там? – раздался ленивый женский возглас примерно

через пять минут.

– Открывайте. *Управление наказаниями*.

Дверь мгновенно распахнулась. На пороге стояла неопрятная жирная старуха с красными глазами, дрожащими руками оправлявшая на себе засаленное платье.

– Прошу прощения... я не знала. Что вам угодно? Может быть, хотите стакан сока?

Из глубины комнаты раздался недовольный голос с румынским акцентом.

– Мина, кого еще принесло? Опять оптовики? Вход за цветами с другой стороны.

Толстуха обернулась, с запоздалым кокетством убрал с прыщавого лба жидкие волосы.

– Нет, милый... это...

Спецгруппа не стала дожидаться, пока она закончит фразу, и, стуча ботинками по зеркальному акваполу, под которым плавали золотые рыбки, проследовала в сторону недовольного голоса. В обставленной готической мебелью гостиной их глазам предстал бодрый мужчина лет тридцати в пурпурном плаще, царственно возлежавший на плюшевом диване со стаканом красной жидкости. Попивая запрещенный коктейль из сушеной крови, он увлеченно слушал репортаж Кистьева по телевизору.

Появление сотрудников *Учреждения* не заставило его даже изобразить удивление.

– Неужели? – произнес мужчина. – Опять какая-то жалоба

от завистников, что живу не по средствам, нарушая условия наказания? Ладно, разберемся. Но вы могли предупредить меня по телефону, чтобы у меня была возможность проявить гостеприимство? Чем бы вас угостить? Сока, как я понял, вы не желаете... Может быть, попробуете вина?

– Вы же никогда не пьете... вина, – усмехнулся Калашников. – Об этом после фильма Копполы все неплохо осведомлены, дорогой граф Дракула.

– В принципе близким друзьям позволено именовать меня Влад, но в знак моего к вам особого отношения можете называть меня просто Владик, – осклабился Дракула. – По поводу вина – вы не хуже меня знаете, что свежей крови здесь не достать. В *город* никогда не попадает ничего живого. Пришлось понемногу менять привычки. Да и к тому же элитное французское вино из самых солнечных провинций, если убрать пару аминокислот, весьма напоминает кровь, даже выглядит аналогично. Угощайтесь.

Качаясь на варикозных ногах, утиной походкой в комнату вошла Мина, неся золотой поднос, на котором стояли четыре бокала с рубиновой жидкостью. Эта женщина, последняя любовь Дракулы, стала его главным наказанием в Аду. Сотруднику, который это придумал, Шеф выдал квартальную премию. Как известно, Мину отбил у кровожадного графа ее возлюбленный – жених Джонатан, поэтому она прожила в Лондоне долгую и счастливую жизнь, благополучно скончавшись в своей постели в возрасте семидесяти восьми лет.

В результате, когда Дракула встретился со своей старой любовью, у него случился нервный срыв: вместо пылкой девицы он получил сварливую старуху с волосами, растущими из носа, и храпевшую во сне. Граф писал апелляции, обращался на ТВ, дошел до самого Шефа. Ничего не помогло. В результате Влад смирился и начал каким-то образом уживаться с бабушкой Миной. В конце концов, она очень неплохо готовила.

Калашников подхватил бокал с подноса, остальные последовали его примеру.

– Благодарствуйте, Владик. Мелочь, благодаря которой мы к вам приехали, не стоит предварительного созвона. От вас требуется всего лишь опознать одну вещь.

По знаку начальника Ван Ли подал Дракуле розы, которые до сих пор держал за спиной.

– Это ваши цветы? – спросил Калашников.

Вампир нахмурился. Взяв бутон в руку, он провел по нему пальцами, ощупывая лепестки так, как нежный любовник касается соска неопытной девушки.

– Да. Вне всякого сомнения, это с нашей плантации. Кто-то пытался подделать мой сорт – как всегда, это были китайские вампиры, но у этих выскочек ничего не получилось. Для его полива требуется только очень качественная сушеная кровь. После того как вы накрыли наших поставщиков, пришлось использовать другие каналы. А в чем дело?

Дракула не обманул – вино действительно было превос-

ХОДНЫМ.

– Не стану скрывать от вас, граф, – просмаковал первый глоток Калашников. – Час назад этот букет был найден в комнате у бывшей кинозвезды Мэрилин Монро, – он кивнул в сторону телевизора. – Я не сомневаюсь, вы уже слышали из новостей, что именно с ней случилось. У нас есть основания полагать, что цветы, которые вы видите перед собой, были куплены убийцей, чтобы замаскировать цель своего визита к ней.

Дракула рассеянно щелкнул клыками – было видно, что он удивлен.

– Однако... Что ж, буду только рад содействовать, – он вспомнил про пульт и отключил звук телевизора. – Мы сейчас поднимем книгу заказов и опросим продавцов розария, чтобы выяснить, кто именно за последние два дня покупал «Вены сердца». Учтите, что этот сорт хотя и самый дорогой, но довольно популярный. Редки дни, когда не приобретают ни одного букета. В День всех умертвленных, который, как вам известно, приходится на четырнадцатое февраля, у нас столпотворение – торговцы не успевают ленточки вязать. Кстати, а чем именно убили Монро? По телевидению об этом ничего не сказали, ссылаясь на цензуру *Управления наказаниями*. По слухам, от бедняжки даже трусиков не осталось.

Глаза Калашникова сделались ледяными.

– Трусички-то как раз остались. Я с удовольствием пообщался бы с вами на сексуальные темы, граф, особенно учи-

тывая нынешние трудности вашей семейной жизни, но мне нужно выполнять свою работу... И не будете ли вы так добры...

– Да-да, конечно. Я заговорился, господа, извините меня. Вампир поднялся с дивана, сделав знак Мине.

– Отвечай на звонки, дорогая. Джентльмены, прошу вас пройти в мой магазин.

После того как за гостями закрылась дверь, Мина поспешила в сторону букета. Она слышала весь разговор с самого начала. Неужели таинственный киллер пришел к Монро с этими цветами? Как и многие другие женщины *города*, она испытывала плохо скрытую зависть к этой вульгарной крашеной блондинке из-за того, что у нее получилось умереть молодой и красивой. Это ж врагу не пожелаешь – жить сто тысяч лет со склерозом, варикозом и ревматизмом. Прикоснувшись к цветам, Мина испытала разочарование – ничего особенного, розы как розы. Вот только заливчатый узел ленточки, которая была сложными бантами завязана поверх целлофана, показался ей странно знакомым.

Глава 19

Камера-одиночка

(23 часа 40 минут)

Сталин не спал. Хотя отбой, как обычно, объявили в десять вечера, он ворочался на ржавой железной койке, засте-

ленной серым солдатским одеялом. Несмотря на то что погода за зарешеченным окном стояла теплая, он лежал в одежде, сняв только сапоги. Его сильно знобило. Пытаясь согреться, генералиссимус обхватил себя за плечи. Чем больше он думал, глядя в темноту, тем меньше сон обволакивал его напряженный разум.

Итак, ЭТО произошло. Он ждал не так уж и долго по местным меркам – в Аду привыкаешь к неспешному течению времени, год проходит как минута. Подумать только... А ведь он уже начал забывать те самые страшные слова, которые ему, тогда еще юному семинаристу, шептал на ухо в предсмертной агонии брат Ираклий – слепой монах, вернувшийся из шестилетнего паломничества в Иерусалим. То, что он говорил тогда про ПРОРОЧЕСТВО, казалось ослепляющим ужасом откровением умирающего, однако спустя годы подросший Сосо посчитал его слова нелепым бредом.

В семинарии предпочитали не обсуждать тему, почему брат Ираклий уехал в Святое место зрячим, полным сил двадцатипятилетним парнем, а вернулся назад слепым стариком. Лишь в курилке на заднем дворе, затягиваясь запретным дымом, чуть слышно шептались, что брат Ираклий видел «то, что нельзя видеть», поэтому с ним такое и приключилось. А чего именно НЕЛЬЗЯ ВИДЕТЬ, никто из двоечников-семинаристов не знал. Все только делали огромные глаза и качали головой, прикладывая палец к губам.

Лишь после октября 1941-го, когда офицеры вермах-

та ржали от нетерпения, рассматривая Кремль в бинокли, Иосиф снова услышал слова, сказанные ему, когда он был ребенком. Ужаснувшись, он почувствовал – это правда. Но немцев погнали по декабрьскому морозу, и в радости побед он снова похоронил в памяти шепот полумертвого монаха.

Сказать честно, при жизни, даже в семинарии, ему никогда до конца не верилось, что существуют Рай и Ад. Озарение пахнуло ему в лицо со всей жестокостью, но... Как справедливо заметил ему вчера один из прибывших на *городскую* зону ростовских авторитетов, «поздно пить боржоми, когда почки отказали». Он пытался найти в Аду брата Ираклия, писал запросы в справочную службу, вглядывался в новые лица – а вдруг да он? Но Ираклий так и не обнаружился, и Сталину стало предельно ясно – парень попал в Рай.

...Впрочем, неважно. Получается, то, о чем шептал умирающий монах, действительно осуществимо на практике. Хорошо ли это для него? Трудно сказать. Он ведь не знает, что находится ТАМ. И не окажется ли он в итоге действий неизвестного киллера в какой-то непонятной плоскости, где ситуация еще хуже, чем в *городской* каменоломне?

Его мысли спутались окончательно.

О том, что случится с *кандидатурами* ПОСЛЕ, брат Ираклий поведать не успел. А разве он, Сталин, тоже не может стать подобной *кандидатурой*? Запросто. Его личность подходит минимум под два *определения*, так что мент позорный из *Учреждения* совершенно прав – если **исполнитель**

захочет, то запросто доберутся и до него.

...Одеяло упало на пол, взвизгнули пружины – Сталин сел на кровати. Бежать. Немедленно бежать отсюда, не теряя ни минуты, пока ситуация окончательно не вышла из-под контроля. Рано или поздно *псы* обнаружат беглеца и вернут обратно, но это уже не имеет значения: пускай серьезно уместчат наказание за побег, но зато он не попадет в НЕБЫТИЕ.

С тех пор как он понял, что существует жизнь и после смерти, ему, как и многим другим жителям *города*, не очень хотелось стать частью НЕБЫТИЯ. Пусть каждый день он стирает руки до крови, ворочая валуны и дыша пылью щебенки, пусть его враги издеваются над ним, бросая в карцер, где нельзя курить любимую трубку, но здесь он понимает, что он есть, – он мыслит, существует, чувствует голод и холод, боль и страх... Что будет ТАМ – неизвестно никому.

Он давно наметил место, где можно перекантоваться с недельку, пока псы из *Управления наказаниями* не выйдут на его след, – а к этому времени, глядишь, уже все и кончится. Все обстоит намного хуже, чем он думает. Брат Ираклий умер на полуслове, не окончив свою исповедь... Так не успев сказать, что может быть ПОСЛЕ. Жаль, что он не знает, кто стал **исполнителем**: сдал бы без рассуждений, даже не колеблясь, – хотя за сотрудничество с ментами братва в каменоломне явно обозвала бы его «ссученным». Что ж, лучше стать «ссученным», чем раздавленным пеплом на полу.

Ему противна эта наглая белогвардейская сволочь из *Управления наказаниями*, но придется подсказать *псу*, как выйти на след **исполнителя**, – возможно, это поможет остановить его. Выкладывать на стол все карты, рассказать *Учреждению* про предсмертную исповедь Ираклия он не собирается – будет только хуже. Информация пусть и не сразу, но в итоге неминуемо попадет к телерепортерам, и **исполнитель**, которому его имя поднесут, как на блюдечке, будет знать, кого ему нужно отправить в НЕБЫТИЕ, дабы не мешал закончить дело.

В том, что при желании киллер доберется до него сразу, Сталин ничуть не сомневался – кем бы этот парень ни был, он в своем деле профессионал. Диву даешься, как виртуозно ликвидировал Гитлера. Вах, развели в *городе* демократию: бульварная пресса, двести каналов телевидения, на каждом шагу ФМ-радиостанции. При нем бы ни одна паршивая газета не осмелилась бы и слова вякнуть о ТАКОМ деле... Хотя он контролировал всего лишь двести миллионов населения – осуществлять контроль за шестьюдесятью миллиардами человек разных рас и временных эпох, от легионеров Цезаря до космонавтов, вероятно, сложнее.

...Поднявшись, он нащупал в кармане арестантской робы заначенный коробок спичек. Закопченная керосиновая лампа (свечи в *городе* запрещены по понятным причинам) стояла на плохо покрашенном деревянном столике возле окна, на нее падал бледный свет одного из редких ночных фонарей.

Облокотившись на столик, он со второй попытки зажег старый фитиль. Щурясь при свете мерцающего огонька, взял лежащий с краю обгрызенный карандаш, подвинул к себе кусок плотной оберточной бумаги. Администрация *города* поощряла писание узниками мемуаров. Склонившись над шершавым листом, он начал торопливо покрывать его убористым почерком...

Через пять минут, встав из-за столика, он поднял стоявший у постели сапог и повертел его в руках. Чуть напряг пальцы, вцепившись крепкими ногтями с траурной окаемкой в один из гвоздей на подошве, и тот подался, вытягиваясь наружу. Этот гвоздь он подготовил на **всякий случай** давно, еще сорок лет назад. На какой такой случай – он и сам не знал, потому что был уверен – бежать отсюда ему некуда. Гвоздь напоминал узкую лопаточку: был сначала заточен, а потом сплюснут с двух сторон. Как пользоваться этим приспособлением, его еще в 1962 году со скуки научил умелый домушник Валера, вскрывший не одну сотню квартир во Владивостоке.

На цыпочках, не надевая обуви, Иосиф проскользнул к обитой железом двери и, затаив дыхание, прислушался. В коридоре шумел ветер – было пусто, охрана наверняка ушла спать. Побегι очень редки и бессмысленны, потому что всех сбежавших находят со стопроцентной вероятностью. Вложив гвоздь в замочную скважину, Сталин, как учил Валера, аккуратно развернул острие, нажав на невидимую пружину.

жину внутри щели. Дверь лязгнула и начала постепенно отворяться, заполнив его обострившийся слух царапающим скрипом...

Глава 20

Сон киллера

(00 часов 38 минут)

На другой стороне *города*, находясь в состоянии тягучей, как свежий мед, полудремы, лежал в своей комнате убийца. Голова его плыла, и кровать вращалась, покачивая на крахмаленными боками простыни. Бессонная ночь и последующий день, проведенный в бешеном ритме, давали о себе знать – картины, проплывающие в засыпающем мозгу, были причудливы и красочны. Вот он, почему-то в платице, собирает цветы, вот разноцветный флаг, развевающийся на ветру возле белого здания, бокал искрящегося шампанского, чьи-то улыбающиеся накрашенные губы. Мысли лениво перетекали из одной половины черепа в другую, мерцая красивыми звездочками.

...Требуется устроить небольшой перерыв – он все-таки ужасно устал, хоть новое занятие ему и приятно. Езда на велосипеде выбила его из колеи, посчитать, сколько километров он отмахал за день, – волосы на голове зашевелиятся. Конечно, *город* не такой большой, как можно себе вообразить. Еще в 1944 году один ученый подсчитал, что если всех лю-

дей на Земле построить в колонны, затылком к затылку, они займут лишь территорию герцогства Люксембург.

Нет слов, масштабы *города* весьма приличные, но из одного конца в другой его можно проехать на скоростном поезде месяца за три. Плюс на всех местных автомобилях стоит специальный *увеличитель*, сходный по мощности с реактивным двигателем, – если нужно разогнаться на трассе до пятисот километров в час, то это не проблема, существуют увеличители даже для велосипедов. Другое дело – ты сначала еще доберись до этой самой дальней трассы через все чудовищные *городские* пробки...

Дряблые ноги, утомленные кручением педалей, продолжали ныть пульсирующей слабой болью, и убийца, хрустя простыней, медленно перевернулся на другой бок. Ну что ж... Новая, только что поступившая порция *эликсира* спрятана в надежном месте, и ему пока не нужно ни о чем беспокоиться. Тем более что с *носферату* он вовремя успел **разобраться**.

Рука со скрипом сжала материю – даже через нее явственно чувствовалось, как ухоженные ногти врезались в ладонь. О-о-о... и надо же было так лопухнуться? Продумать все, заранее надеть перчатки, не оставить в комнате убитой ни единого следа, ни одной соринки, ни перышка, и забыть на видном месте самое очевидное – огромный букет цветов! Состарился он – безусловно, состарился. Долгое отсутствие практики портит самую лучшую квалификацию: когда черт ста-

реет, он становится ангелом.

Ладно. Главного свидетеля он устранил, а без него *псам* будет очень сложно разобраться, кто и зачем покупал те самые розы в Вампирском квартале. Он улыбнулся, не открывая глаз. Самобичевание тоже ни к чему – и на старуху бывает проруха. Человека, через руки которого проходят курьеры, он сможет найти и без *носферату*: есть и номер телефона, и пароль. Жаль, что требуется подождать. Скорее бы снова выйти на *охоту*, опять получить порцию адреналина, от которого выступает пот, содрогаются мышцы тела, появляется странный привкус во рту.

Как бы смешно это ни звучало, но работа вернула его к жизни. Он получил от нее все, чего так долго ждал.

Мозг убийцы окончательно погрузился в сон. Он видел гарцующих лошадей, горы, покрытые шапками снега, ласковые материнские руки, гладящие его непослушные волосы, слышал строгий голос отца, которого так и не повстречал в Аду.

Спустя некоторое время в комнате воцарилась полная тишина, слегка нарушаемая прерывистым посвистыванием, – киллер спал. На тумбочке рядом с последней порцией эликсира лежала черно-белая фотография – лицо на ней было обведено красным кругом.

Глава 21

Гензель

(чуть раньше, 23 часа 47 минут)

У входа в цветочный магазин собралась приличная толпа – превосходные розы, возвращенные заботливыми руками вампиров, по праву считались одними из лучших в *городе*. Салон должен был работать как минимум до утра – именно поэтому в толпе пробежал глухой недовольный ропот, когда Дракула, изящно впрыгнув на крыльцо, перевернул табличку на входе и глазам разочарованных покупателей предстала готическая надпись «Закрыто». В сотне ртов застыли уже готовые сорваться отборные ругательства, когда Калашников лениво достал из внутреннего кармана удостоверение *Учреждения*, предъявив присутствующим **Печать зверя**. Общий вздох незримо колыхнул людей, как порыв ветра, затихшая толпа начала рассасываться.

Ступая по хрустальным плитам, Алексей проследовал вслед за хозяином в украшенный зеркалами вестибюль. Как и положено, в зеркалах никто, кроме спецгруппы, не отражался – такая особенность заставляла страшно страдать женщин-вампиров, не имеющих никакой возможности в разгар рабочего дня накрасить губы или поправить прическу. Со всех сторон Калашникову подобострастно кланялись неестественно бледные продавцы в шелковых костюмах – их про-

зрачные глаза не выражали эмоций, а бескровные губы не разжимались ни на миллиметр, дабы случайно не обнажить кривые клыки.

– У вас не так уж плохо идет бизнес, Владик, – заметил Калашников. – Судя по тому, что вы натворили на Земле, здесь вас должны были определить как минимум в ассенизаторы.

На холеном лице вампира не дрогнул ни один мускул. Граф привык к издевкам.

– Приличный человек и на помойке хорошо устроится, – спокойно ответил он. – Да и что я такого особенного сделал? Убил пару тысяч человек? Ах, какой ужас. Честное слово, даже смешно – до Пиночета и то не дотягиваю, а считаюсь чудовищем. С радостью набил бы морду этой скотине Брему Стокеру – жаль, что он к вампирскому кварталу на пушечный выстрел не подходит. Подонок! Высосал из пальца бульварную книжку, а Голливуд и рад выплеснуть на экраны подобную лажу. It sucks. Доказывать, каким я был в реале, бесполезно – благодаря кино миллиарды людей представляют себе Дракулу как кровавого маньяка номер один. Хотя по сравнению с покойным Гитлером я – бойскаут в песочнице.

Калашников оперся обоими локтями на мраморный прилавок. Ему нравилось выводить Дракулу из себя – это позволяло отвлечься от ноющей боли в голове.

– Кто бы сомневался. Все говорят одно и то же, начиная

от комиссара Юровского⁵ и заканчивая Пол Потом. Каждому его наказание кажется чересчур тяжелым, даже если он тут... – Алексей не удержался от того, чтобы не съязвить, – сидит и цветочки выращивает. После Главного Суда наказуемые начинают тоннами строчить жалобы в *Управление*. Вы чем-то недовольны, дорогой Владик? На досуге зайдите в гости к Джеку Потрошителю, посмотрите воочию, как он, совершивший всего лишь пять убийств, работает утилизатором использованных прокладок. Врагу не пожелаешь. А ведь по решению Главного Суда вам могут полностью деформировать личность – был офицером СС, станешь пандой в зоопарке: сиди, жуй бамбуковые листья до скончания века.

– Я вам могу привести другой пример, – возмутился Дракула. – Что вы скажете про Торквемаду? Глава испанской инквизиции, сумасшедший фанатик, отправил на костер больше миллиона еретиков. Да его тут кормить должны были этими прокладками!

– Вы думаете, Потрошителя ими не кормят? – удивился Калашников.

– Неважно! – жестикулировал руками взвинченный Дракула. – И что? Вместо этого мы видим, как этот мерзавец Торквемада сразу после смерти возглавил предприятие общественного питания при *Учреждении* и на протяжении уже пятисот лет является бессменным шеф-поваром адской сто-

⁵ Командир особого отряда ЧК, в июле 1918 года расстрелявший в Екатеринбургe семью последнего российского императора Николая Второго.

ловой! Где же здесь справедливость?

Калашников почесал в затылке. В принципе Дракула говорил правду.

– Что ж, вас можно понять... – примирительно заметил он. – Но, видите ли, это слабость Шефа – он ценит профессионалов своего дела... Если бы вы только знали, какие Торквемада умеет жарить шашлыки! Но хватит уже об этом. Нас крайне интересует, кто сегодня купил двадцать роз сорта «Вены сердца». Ведь вы ведете запись таких продаж?

Переборов сильнейшее желание продолжить спор, граф кивнул.

– Чаще всего да, особенно если это предварительный заказ. Виктор, журнал мне!

Молодой вампир, метнувшись с другого конца комнаты, угодливо положил перед Дракулой пачку серых листов, скрепленных бордовым шнурком. Цепкие длинные пальцы мгновенно пролистали журнал до середины, остановившись на дате сегодняшнего дня. Коготь уперся в бумагу, оставив узкую вмятинку рядом с графой «Заказы».

– Странно. Тут есть данные о покупке «Бьющей артерии», «Алых парусов» и «Лесбийской радости»... Не пугайтесь, просто нежно-розовый цвет... А вот про «Вены сердца» за последние три дня – ни слова. Похоже, нам придется спросить менеджера.

Еле заметный знак когтистым пальцем – и перед ними опять предстал вампир, тот самый, который принес журнал.

Снова согнувшись в поклоне, он любезно улыбнулся Калашникову – на белом виске пульсировали красно-голубые жилки.

– Виктор, у нас проблемы, – положив руку на плечо подчиненного, тихим вдохновенным шепотом произнес Дракула. – Сегодня кто-то купил двадцать розочек моего любимого сорта «Вены сердца». А мой друг из *Учреждения*, которого ты видишь перед собой, не сможет лечь спать, пока не узнает, кто именно это сделал. Почему об этом нет ни одной записи в нашем журнале? Я же просил фиксировать тех, кто делает дорогие покупки. Выгодным клиентам не грех и скидку дать – нам мелочь, а людям приятно.

Калашников упустил из виду выражение лица Виктора, потому что тот склонился еще ниже – почти до хрустального пола. Висящие ниже колен руки дрожали.

– Хозяин, я не осмелился бы нарушить данный вами приказ, – донесся до Алексея приглушенный голос вампира. – Клянусь, я всем продавцам строго-настрого велел записывать в журнал приобретения «Вен сердца». Сегодня их попросту никто не купил – основной всплеск покупательской активности происходит на праздники, а сейчас...

Стоявшие поблизости сотрудники *Учреждения* услышали, как Дракула издал холодный шипящий свист – как кобра перед броском. Вопреки ожиданию, он не двинулся с места, однако его пальцы, в каждом из которых было по четыре фаланги, выскользнули из бархатного рукава и вцепились в

уху менеджера. Из мгновенно треснувшей кожи потекли белые капельки гноя, однако Виктор не сделал попытки освободиться.

– Скотина... – прошелестел Дракула. – Ты смеешь издеваться надо мной? Я своими глазами только что видел розы из моего магазина. Этим вечером их нашли в примерке у мертвой женщины... И ты утверждаешь, что цветы уже три дня никто не покупал? Да я тебе рот сейчас разорву так, что арбузы станешь целиком глотать.

По вибрирующим ногам Виктора стало заметно, что такая перспектива поглощения арбузов его не прельщает. Половины слов хозяина он вообще не понял, в частности, выражение «мертвая женщина», ведь живых женщин в *городе* отродясь не было. Вампир расправил подрезанное трепещущее крыло, словно стараясь защититься от удара.

Калашников понял, что пришло время вмешаться.

– Владик, пожалуйста, не нервничайте – отпустите Витю. Видно, такая уж у начальника судьба – ничего не знать, – засмеялся он, глядя на осатаневшего от злости Дракулу. – Чем устраивать допрос, как в гестапо, нам лучше потратить чуть больше времени и переговорить отдельно с каждым продавцом. Хотя скажу откровенно – сомневаюсь, что это поможет. Непонятно, каким образом эти цветы попали в руки убийцы, однако ясно, что меньше всего в его планы входило привлечь внимание к своей персоне. Именно поэтому, возможно, в журнале и нет записи о «Венах сердца».

– Не исключено, что их вообще приобретало подставное лицо, – добавил Краузе.

– Это верно, – охотно согласился Калашников. – Однако для меня главным секретом является покупка такого дорогого сорта. Ведь Мэрилин Монро обрадовалась бы любым растениям, пусть даже ромашкам, – ей не дарили цветы уже полсотни лет. Как мне кажется, убийца инстинктивно приобрел цветы, которые нравятся ему самому, вот в чем дело... Ладно, время идет – еще немного, и магазин разнесут в щепки недовольные покупатели. Давайте быстренько побеседуем с продавцами.

... Через полтора часа, когда окончательно стало ясно, что никто из семи продавцов и слыхом не слыхивал, куда делись двадцать розочек сорта «Вены сердца», а Дракула искренне сожалел, что не может растерзать забывчивых сотрудников прямо на рабочем месте, неожиданно открылась дверь. Покачиваясь, в нее боком протиснулась старая Мина, держа в руках целлофановую обертку и ленточку от злополучного букета.

– Дорогая, в чем дело? – с раздражением поднял брови Дракула. – Я же тебе сказал – сиди дома, отвечай на телефонные звонки. Меня могут разыскивать важные клиенты.

– Прости, милый, – Мина нервничала, брыли ее морщинистых щек мелко тряслись. – Мне показалось, что я знаю человека, который завязал узел на этом букете.

В магазине повисла звенящая тишина – и вампиры, и по-

лицейские обратились в слух.

– Я долго не могла понять, где я его видела, – запинаясь, произнесла Мина. – Думала, думала – все ж годы уже не те, склероз... Недавно мне нужно было послать букет подруге на день рождения – как назло, я вспомнила об этом после закрытия магазина. Тебя, мой зайчик, не было дома, охранник посоветовал – идите на склад, там дежурный кладовщик, он поможет. Я так и сделала. Молодой человек был очень любезен, отобрал лучшие цветы... На том букете он в одну секунду завязал точно такой же узел, из пяти скрещенных бантиков – сказал, это его профессиональный секрет. Очень милый юноша. На груди у него была маленькая табличка с именем – что-то такое на «г»...

Малинин первым бросился к двери, невежливо оттолкнув Мину. За ним последовали остальные, в том числе и Дракула, на ходу крича в черную портативную рацию:

– Эй, на складе, кто-нибудь! Задержите Гензеля!

Глава 22

Анализ

(2 часа 22 минуты)

Шеф сидел в пружинящем кресле, обивка которого была сшита парагвайскими индейцами из кожи иезуитского проповедника. Он уже в десятый раз перечитывал результаты химического состава *вещества*, срочно доставленного ему из

лаборатории Менделеева. К счастью, не у всех профессионалов здесь проявляется звездная болезнь и они остаются в *городе* столь же превосходными специалистами, какими были на Земле. Однако следует признать – таковых в Аду меньшинство. Почти со всеми актерами и писателями невозможно работать, а про певцов-то уж и говорить не приходится: они вообще не понимают, *куда* попали.

Например, этот... как его... Шеф наморщил волосатый лоб, старательно вспоминая... в черных очках... Ах да, Элвис Пресли. Какие понты, какое самомнение, какая пренебрежительность! Откинул копыта с передоза и искренне полагал, что попадет в Рай, – действительно, ну а куда же еще? Они на Земле все так думают. Можно пить, трахаться, колоться с обеих рук, убивать, обманывать – и все равно окажешься в Раю, потому что ты – именно **ты**: честнее, умнее, лучше других, да и вообще совершил при жизни массу хороших дел. Например, двадцать лет назад отдал беспризорному мальчику на улице сосиску, которую собирался выбросить. Так вот, этот *fucking* Элвис с ходу потребовал в личное пользование виллу, «кадиллак» и обслугу из девиц, снисходительно сообщив Шефу, что взамен он, так уж и быть, готов раз в месяц давать концерт в его резиденции.

Шеф не испепелил Элвиса через пять секунд разговора только потому, что понимал – у большинства людей из шоу-бизнеса реально не в порядке с головой. Поразмыслив, он отправил певца работать рядовым менеджером телефонной

компании в район обитания африканских пигмеев: там его никто не узнавал и не просил автографов. Что с этим типом случилось дальше, Шефа не интересовало. Хотя говорят, он и там не пропал, даже создал среди пигмеев кружок самодеятельности.

...Элвис? К чему он его вспомнил? Да уж, что только не идет в голову с расстройств. А расстраиваться есть с чего – дела идут плохо. С психом Адольфом все давно понятно, поганая личность. Но вот интересно – кому могла помешать тупая блондинка, которая рыдала в подушку каждый вечер, оттирая с лица брызги гнилых помидоров?

Шеф снова мучительно воззрился на тонкий лист рисовой бумаги, расчерченный непонятными ему знаками, – комментарии от Менделеева были написаны на полях.

Хорошо, допустим самый невероятный вариант – профессор прав. И что это означает? Да попросту шок. Если предложенный им химический состав точен, то сам Шеф уже давно бы исчез, корчась в центре огненного шара: такова ужасная сила *вещества*, имя которого назвал Менделеев. Но он цел, руки-ноги, хвост, даже рога – все на месте. Смертельная жидкость полностью уничтожила тела двух людей, при этом оставив нетронутым всю окружающую обстановку, включая мебель, пол и тому подобное... Как такое могло случиться? Уму непостижимо – просто мистика какая-то.

И более того – если предположить, что Менделеев не ошибается, то существует **один-единственный** персонаж, ко-

торый может дать объяснение происходящему. Плюнуть на этикет и позвонить прямо сейчас? Шеф посмотрел на плоский корейский телефон, в центре которого закреплена кнопка голубого цвета. Нет. Конечно, Менделеев великий химик, но следует набраться терпения и дождаться результатов окончательной экспертизы, ибо в такой ситуации необходимо все знать наверняка. Вот тогда-то он и позвонит по этому телефону, и поговорит жестко, очень жестко – скорее всего, убийства заказаны *оттуда*. А уж за каким хреном *там* это было нужно – вот это он и спросит. Оперативная бригада вместе с Калашниковым пока пусть делает свое дело – ездит, допрашивает, арестовывает. Он подождет ставить их в известность относительно своей догадки. Менделеев и Склифосовский тоже не проболтаются. Хорошо бы Дмитрию Ивановичу поторопиться, но по опыту уже известно – гениев нельзя подгонять, они не умеют работать из-под палки.

...Шеф отложил листок и с азартом щелкнул мышкой, однако картинка на мониторе компьютера осталась неподвижной. Ну конечно, опять надо перегружать. Жаль, что Билл Гейтс еще молод и не торопится **сюда**. Шеф недоволен частыми зависаниями компьютерной сети в *городе* – иногда Hellnet не работает целыми сутками. Впрочем, не стоит огорчаться, как говорят они на Земле – «все мы **там** будем». Это уж точно – все они будут **тут**. Какая-нибудь авиакатастрофа или птичий грипп, и, пожалуйста, стоит перед жюри Главного Суда Билл Гейтс: свеженький, как пирожок с повидлом из

духовки, от непонимания глазами хлопает.

В Аду уже давно работали весьма крутые компьютерные специалисты, но никто из них так и не смог довести до ума операционную систему Doors XP: сколько «патчей» они ни придумывали, операционка все равно падала трижды в день – слишком много в *городе* пользователей. Забавно, как быстро высокие технологии отравляют умы людей: русская царица Екатерина Вторая в начале XX века восемь лет подряд училась включать электрическую лампочку, а сейчас уже всю пишет крутые вирусы для проникновения в электронную почту, словно заправский хакер. Так что Билл Гейтс все равно в городе появится – через год или двадцать лет, неважно. Он уже знает, куда попадет. Наверняка так обалдел от свалившегося на него пятидесяти миллиардного состояния, что считает – без помощи темных сил не обошлось.

Шеф посмотрел на часы – золотую копию лондонского Биг-Бена. Ажурная стрелка нехотя качнулась. Вот всегда так – когда чего-то ждешь, время ползет, будто патока по стеклу. Столько миллионов лет он здесь, но ничего не меняется – осталась пара суток, пока Менделеев положит на его стол бумагу с анализом, а он не знает, чем себя развлечь в ожидании. Лечь поспать? Он не знает, что такое сон. Поиметь симпатичную грешницу? И какие НОВЫЕ ощущения он получит? Скучно – самая красивая женщина не может дать больше того, что у нее есть. Слетать в отпуск на Землю в облике соблазнительного брюнета, поваляться на песке острова Са-

муи и сделать ребенка какой-нибудь дурочке, как медсестричке Розмари?⁶ Тут в два дня явно не уложишься, хотя сейчас женщины поактивнее, куда быстрее прыгают в постель, чем в Средние века.

Волосатые пальцы подцепили и притянули поближе клавиатуру компьютера. Раз такое дело, почему бы ему пару часов не сразиться в любимую игру – Diablo? По-детски высунув раздвоенный язык, Шеф защелкал мышкой. На мониторе появилась мускулистая фигурка воина. Он не спеша прикрепил к ней длинный меч, добавил железный пояс и черные доспехи. О, симпатично получилось. Хорошо бы, чтоб его никто не отвлекал, – он нажал в ручке кресла маленький рычаг, блокирующий замок на двери, и углубился в игру. Из динамика донеслись крики, предсмертный хрип и лязг металла.

В углу стола сиротливо стоял плоский телефон с единственной голубой кнопкой. И хотя Шеф упорно не смотрел в его сторону, чувствовалось, что он продолжает думать о нем...

⁶ Имеется в виду знаменитый фильм Романа Поланского «Ребенок Розмари» – о медсестре, которой кажется, что она беременна от Князя Тьмы.

Глава 23

Другой сон

(3 часа 05 минут)

Даже в идеальной тишине Калашникову не спалось. Затихли за стеной, забывшись детским сном, замученные за день свиньями боевики «Аль-Каиды», отгремела воплями группы Manowar программа обязательного радионаказания, с треском потухли, взорвавшись снопами искр, последние чугунные фонари на улице. Но, несмотря на ощущение усталости, сон не шел к нему. Алексей попробовал методично считать овец, но это не помогло – уже на двести двенадцатой овце он снова явственно увидел себя в гримерке Монро пристально рассматривающим лежащий на столе букет потрясающе красивых роз с тончайшими кровавыми прожилками в виде паутины...

Его не удивило, что Гензеля на складе не оказалось. Очевидно, по пути домой убийца заметил свою оплошность и сумел либо предупредить подельника, либо оперативно ликвидировать его на месте с помощью *вещества*. Коллеги кладовщика не видели того в офисе примерно сутки. Он заранее отпросился с работы, сказав, что ему нужно посещать курсы адаптации к томатному соку. Каким образом он взял розы и кому их отнес – осталось в тумане, потому что поясняющую запись в офисном журнале кладовщик, конечно, не сделал.

Через полчаса спецбригада не замедлила нагрянуть к Гензелю домой, но его не оказалось и там. Вяжущая на лавочке носки бабушка-вампириша из Бирюлево (как утверждают **новоприбывшие**, это новый район Белокаменной) сообщила, что Гензик отсутствует весь день – сказал, что у него много работы, совсем не жалеет начальство такого хорошего молодого человека. Парень действует как Ленин: жене сказал, что к любовнице, любовнице – что к жене, а сам на чердак – и учиться, учиться и учиться. Близких друзей у вампира нет, куда он мог пойти – никто и малейшего понятия не имеет. На всякий случай Краузе и Ван Ли вкуче с Малининым изготовили на компьютере фоторобот Гензеля, распечатали картинку и срочно поехали расклеивать ее в окрестностях квартала упырей. Однако шансов на то, что кладовщика кто-то заметил в *городе*, оставалось мало. *Городские* вампиры ведь все на одно лицо – остроконечные уши, клыки да когти. Это все равно, что в Шанхае обычного китайца искать.

Алексей повернулся на другой бок. Два убийства при помощи странного *вещества*. Отсутствие свидетелей. Отсутствие мотивов. Отсутствие логики. Хм... Хотя нет, логика, если пошевелить извилинами, все же имела место быть. Ведь в *городе* с незапамятных времен находилось рекордное количество серийных убийц – их набивали сюда, как селедок в бочку. *Управление* с ног сбилось придумывать для них затейливые наказания: в результате мозговых штурмов на планерке голова выкипала. Может быть, кто-то из этих уродов

решил приняться за старое, выжигая известных людей, словно тараканов. Все маньяки делают подобные вещи для того, чтобы прославиться. Странно, что пока что убийца не оставил им никакой загадочной записки в стиле вашингтонского снайпера⁷ – «Дорогой полицейский, я Бог». Откуда взялось *вещество*? Как он его придумал? Тысячи самых изощренных умов *города*, от пыточного мастера Калигулы до изобретателей атомной бомбы, ничего подобного не смастерили – а ему удалось. Видимо, решение проблемы валялось под ногами – так всегда бывает.

Калашников нехотя открыл глаза, уставившись в низкий потолок. А может, этот парень вовсе никакой не гений злодейства. Не похоже, что он действует в одиночку. И неизвестно, какую роль играет вампир Гензель. Не исключено, что он манипулирует киллером, вложив ему в руки «абсолютное оружие». Ну, а тот и рад стараться.

Еще один большой сегодняшний минус – что-то не так с Шефом. Когда Алексей позвонил ему и сказал, что готов прибыть в офис с обстоятельным докладом о визите в магазин Дракулы, тот отреагировал на новость довольно вяло. Не дослушав объяснения, босс велел ему ехать домой и отсыпаться, сказав, что уже поздно – он встретится с ним утром, примерно в одиннадцать часов. Вывод сделан неутешительный – Шефу УЖЕ известно больше, чем Алексею, но по ка-

⁷ Серийный убийца, в сентябре 2002 года терроризировавший вместе со своим приемным сыном столицу США. На его счету десять смертей.

ким-то загадочным причинам он не хочет поделиться сведениями. Ну что ж... его дело. Возможно, ему удалось узнать имя следующей жертвы или что-то вроде того. Строить догадки тут бесполезно.

...Телефон зазвонил так резко, что Алексей чуть не упал с кровати. И кто это может быть в такое время? Шеф передумал? Ну, наконец-то! Он рывком сдернул трубку.

– Алло. Слушаю вас.

– Здравствуйте! С вами говорит ведущий ночной программы «Адские Вести». Мы хотели бы получить комментарий на тему убийства Мэрилин Монро. Вы в прямом эфире.

Калашников облегченно вздохнул. Нужные слова вежливого отказа, как это всегда случалось с ним в подобных ситуациях, пришли на язык сами собой.

– Иди на хрен.

– Спасибо. Итак, дорогие телезрители, вы слышали эксклюзивный комментарий руководителя спецбригады оперативных расследований. Оставайтесь с нами.

Положив трубку, Алексей неожиданно успокоился. Плотно закрыв голову одеялом, он уже через несколько минут растворился в тяжелом сне – как говорится, поплыл. В зыбких грезах перед ним проплывала Москва, блистающая иллюминацией в честь трехсотлетия династии Романовых, и в стельку пьяный бородатый извозчик Африкан. Он видел жену Алевтину, медленно встающую из постели в просвечивающей на утреннем свете ночной рубашке, стиснутый в руке

браунинг с последним патроном в горячем стволе и запотевшую стопку ледяной водки. Он то улыбался, то хмурился, обнимая руками подушку. Пару раз он даже погладил ее – так, как любовник гладит женщину.

...Он с самого начала напрасно искал Алевтину в *городе*. Она была на втором месяце беременности, когда ее убили: некие **силы** хотели, чтобы Калашников прекратил расследование серии мистических самоубийств московских барышень. Чаще всего беременные попадают в Рай, но Алексей наивно верил в то, что они обязательно встретятся в **другом** мире.

Через год после смерти Алевтины началась революция. Бросив все, он уехал в Сибирь. Малинин бежал на Дон, к генералу Каледину. Оба погибли в один день, что не было редкостью в то сумасшедшее время. Калашникова ждала засада, когда он тайно навестил Москву и могилу Алевтины, уже раскуроченную мародерами, унтер-офицера застрелили в стычке с отрядом красноармейцев. Но на том свете с женой они не встретились. Никто не сказал ему, где она. Даже Шеф.

Депрессия в *городе* прекратилась быстро – человек не курица, ко всему привыкает. Сначала Калашников ничего не хотел делать, но потом понял – ситуация останется прежней. Каждый день его ожидает дежавю. Значит, надо что-то менять. Со временем он втянулся в работу, которую так ненавидел последние годы жизни на Земле. Серьезных дел в *городе* не было, а мелкие, к вящей радости Шефа, он шел-

кал как орехи, неумолимо продвигаясь по служебной лестнице *Учреждения*. Сколько ему отмерил этой работы Главный Суд? Сто тысяч годков. Отлично, осталось отбыть всего-то 99 925 лет, после чего его переведут на новый круг Ада. И кто сказал, что это не повод для оптимизма?

...Поспать ему удалось недолго. Калашникова разбудили через два часа срочным звонком из управления каменоломнями, дабы испуганно сообщить ему, что Сталин исчез.

Глава 24

Подвал

(3 часа 07 минут)

Человек в черном стоял у пластикового стола. На гладкой поверхности громоздилось деревянное корытце, на треть заполненное прозрачной жидкостью. Он наклонился, осмотрев его придирчивым взглядом, и слегка качнул, проверяя на устойчивость. Один раз эта емкость уже свалилась со своего возвышения, и все пришлось начинать сначала – сделанный трудолюбивыми руками китайских крестьян, столик уже через месяц после покупки стал припадать на одну ножку, как раненый боец. За спиной раздался скрип и тихие шаги – так ступает пушистый кот, когда идет прижаться к тапочкам хозяина, дабы выпросить лишний кусочек сочной печенки. Он не обернулся на звуки.

– Я надеюсь, у нас все нормально? Как работает наш

план? – тихо спросил мальчик.

Его голос дрожал от любопытства, жестоко разъедающего мысли изнутри.

– Не нужно волноваться. Все, что тебе требуется знать, – мы делаем благое дело, – бросил он через плечо, расшатывая столик. М-м-да, похоже, без подкладки не обойтись.

Мальчик помялся, нетвердо переступая с ноги на ногу.

– Я не сомневаюсь. Иначе не предложил бы вам это.

– Именно поэтому я очень ценю твой порыв, – сказал человек к черном, подкладывая под ножку стола прессованный картон. – Главное для тебя сейчас – продолжать хранить наши действия в глубокой тайне. В ту самую секунду, когда твой язык произнесет хоть слово относительно выполняемой нами секретной миссии, мы погибли. *Они* этого не простят.

Мальчик нервно моргнул сразу обоими глазами. Его светлые длинные, как у девушки, ресницы дрогнули, он механически убрал со лба прядь волос. Красавчик. Явно вырос на погибель всем окрестным девкам – и, пожалуйста, выбрал *его* путь. Парадокс.

– Вам ни к чему сомневаться во мне. Я нем, как рыба.

«До поры до времени, – подумал человек в черном. – Знаю я вас, молодежь...»

– Превосходно. Так ты принес то, о чем я тебя сегодня просил?

– Да, разумеется. Как обычно, – торопясь, мальчик полез в карман.

– Хорошо. Положи вот сюда и можешь возвращаться наверх. – Человек в черном снова наклонил столик, и на этот раз тот стоял ровно. Отлично, теперь все нормально.

Мальчик подобострастно кивнул, однако не двинулся с места.

– Что-нибудь еще?

– Да, – слова давались ему нелегко. – Я прошу прощения, но... Можно мне тоже заглянуть ТУДА... только один раз? Один-единственный, всего лишь на секундочку?

Он ждал этого вопроса. Оставив столик в покое, человек в черном подошел к мальчику, ласково обнял его за плечи, улыбнувшись доброй, почти отцовской улыбкой.

– Нет. Прости меня, но ты сам знаешь – **пока** еще нельзя. Время не пришло, надо немного подождать. Совсем чуть-чуть. Ты все увидишь, обещаю. Я же дал слово.

Парнишка разочарованно покачал головой. Надежда умирает последней.

– Я буду в вашем кабинете. Позвоните туда, если что-то понадобится.

– Непременно.

Закрыв за мальчиком тяжелую подвальную дверь, человек в черном вернулся к многострадальному столику. Парень начинает проявлять нетерпение. Ничего страшного в этом нет: ему придется замолчать не через неделю, как планировалось, а денька через четыре. Скажем, после того, как разберутся с объектом номер три. Тогда он поймет, что никаких отклю-

нений от плана не происходит и вполне можно расслабиться.

Наклонившись над столом, человек посмотрел в гладкую маслянистую жидкость. На ее прозрачной поверхности колыхалось, слегка подрагивая, умное лицо, обрамленное модной, коротко стриженной бородой с проседью, усталые голубые глаза и лоб, через который пролегали глубокие морщины. Он коснулся рукой корытца, и отражение подернулось рябью. Годы не красят никого. Впрочем, какая разница, у него никогда не было желания становиться фотомodelью. Просто жаль, что он не обнаружил ту самую Книгу, когда ему было лет семнадцать. Тогда он успел бы сделать намного больше. Хотя кто знает? Глядя на мальчика, можно понять, что в семнадцать, к сожалению, в голове не столь много ума, как хотелось бы... Мудрость, словно искушенная развратница, предпочитает ласкать лишь тех, кто получил от жизни достаточный опыт.

Человек коснулся рукой металлического предмета, лежащего на столе, почувствовал, как тот приятно холодит кожу. *Эликсира* в принципе достаточно, но следует заготовить побольше целебного средства, чтобы у **исполнителя** в будущем не случилось нехватки. Просто на всякий случай. О... Он совсем забыл сказать одну вещь мальчику, тот отвлек его мысли своим желанием посмотреть комнату *изнутри*. Должно быть, он уже *наверху*. Надо перезвонить ему и проинформировать, что требуется срочно нанимать нового курьера.

Человек в черном сделал шаг в сторону табурета, на ко-

тором лежал громоздкий мобильный телефон, – на вид ему было лет пять, а то и больше. Он не услышал, скорее почувствовал, как дверь снова отворилась. Однако на этот раз он обернулся.

Завидев серую тень на пороге, хозяин подвала сделал предостерегающий жест.

– Стой на месте. Я же сказал – тебе СЕГОДНЯ нельзя сюда приходить.

Посетитель сдержанно, виновато поклонился.

– Извините. Я просто испугался, – сказал он, машинально оглядывая подвал.

– Чего именно? – усмехнулся бородач.

– Мальчика. Он прошел по лестнице буквально в одном метре от меня, я еле успел спрятаться в тени и закрыть глаза. Еще бы чуть-чуть – и он бы меня заметил.

Человек в черном отрицательно покачал головой.

– Если бы он тебя заметил, поверь – я бы знал об этом в ту же секунду.

Подумав, он не смог удержаться от мальчишеской издевки.

– Знаешь, свидание с тобой довольно трудно сохранить в тайне.

Гость поежился, как будто от холода.

– Прошу прощения. Поймите, меня все здесь пугает. Я ужасно нервничаю.

– Не волнуйся. Я ручаюсь – он тебя не увидит. Позже я по-

стелю тебе здесь матрац в самом отдаленном углу. Но в данный момент в подвале тебе находиться действительно опасно. Если хоть одна-единственная капля попадет на тебя – сам знаешь, что будет.

Посетитель вздрогнул.

– Да. Знаю.

– Сейчас ты можешь ненадолго задержаться здесь, чтобы мальчик и верно не столкнулся с тобой, когда ты будешь возвращаться в кладовку. Но прошу тебя – не двигайся с места.

Посетитель преданно поклонился.

– Не беспокойтесь, я отойду подальше. Я очень давно мечтал посмотреть. У меня идеальное зрение, и даже издалека мне все будет видно как на ладони.

Человек в черном повернулся к корытцу, давая понять, что разговор закончен. В конце концов, по поводу курьера можно будет позвонить мальчику и немного попозже.

Гость так же неслышно, как и вошел, с небывалой плавностью, словно по воздуху, передвинулся на пяточок, находящийся с другой стороны от двери. На его лицо упал свет запыленной лампочки, озарявшей уголки подвала слабым светом. Он недовольно фыркнул, ибо, несмотря на безвредность электричества, в тени всегда чувствовал себя спокойнее. Запустив длинные пальцы в карман, он извлек упаковку томатного сока.

Человек в черном, стоя спиной к нему, глухо произнес:

– Но мы договорились, Гензель. Больше ты не сделаешь и

шагу без моего разрешения.

– Да, господин, – покорно согласился вампир. – Как прикажете.

Глава 25

Классики

(через сутки, 10 часов 12 минут)

Официантка с треском поставила на стол кружки с ледяным пивом. Она сразу узнала гостей, которые приходили два дня назад, предъявив VIP-карточку, а потому немного их побаивалась. Годы, проведенные на Земле, научили ее – начальство следует уважать.

– Вам сменить скатерть? – услужливо осведомилась она.

– Нет, спасибо. Если что-нибудь будет нужно, мы вас позовем.

Малинин, как и в прошлый раз, осушил половину литровой кружки одним глотком. Несмотря на то что унтер-офицер не блистал умом, он отлично понимал, что их временный VIP-статус с холодным пивом в ресторанах обязательно закончится вместе с окончанием расследования. Счастье никогда не бывает вечным.

– Ну что? Так и не звонил? – ради приличия спросил он, сдувая остатки пены.

Калашников смотрел в глубь своей кружки. Минут через пять он расщедрился на ответ.

– Нет.

Малинин глубокомысленно хмыкнул, вложив в этот звук всю глубину своих сомнений. Алексей равнодушно пожал плечами.

– Похоже, босс вообще потерял интерес к расследованию. Когда я позвонил ему от Дракулы, он назначил мне аудиенцию на одиннадцать утра, а потом за полчаса до встречи его секретарша перезвонила и сказала – Шеф сам со мной свяжется, как будет время.

Со стороны Малинина опять донеслось бульканье – он не в силах был оторваться от вожделенного напитка. Опыт говорил – необходимо как можно быстрее выпить одну порцию, потому что обязательно принесут другую. Уж в этом он никогда не ошибался.

Подлетевшая официантка забрала пустую малининскую кружку. Посетители ресторана полными злобы взглядами проводили запотевшее от холода стекло, но промолчали.

– И это есть плохо, – продолжал Алексей. – Потому что когда Шеф неожиданно потребует, чтобы мы предстали перед его янтарные очи, то выяснится – сказать-то нам ему и нечего.

Даже сквозь стекло кружки было видно, что Малинин заметно погрузтел.

– Прошло два дня. Мы не нашли ни Гензеля, ни Сталина, – шаг за шагом добивал его Калашников. – Так что зря я радовался по поводу роз – зацепка ничуть не помогла. С ана-

лизом *вещества* тоже неизвестно что. И у Склифосовского, и у Менделеева мобильники отключены с позавчерашнего дня. Короче, наше дело труба.

Алексей без всякого удовольствия отхлебнул пива. Вкуса он не почувствовал.

Сзади раздались жидкие аплодисменты. На сцену вышел крепкий мужчина со светлой бородой, в расстегнутой на могучей груди рубашке. Поклонившись в зал, он взялся за микрофон. Народ безмолвствовал, углубившись в поглощение жареной картошки.

– Иду я, значит, из бани, – произнес мужчина густым басом. – Морда кррррасная!..

Крутанув руками, он показал, примерно каких размеров должна быть красная морда.

– Кто это? – с интересом спросил Малинин, вытирая рот. – Новенький, что ль?

– Ага, – тускло произнес Калашников. – Говорят, был в России губернатором.

– Какой губернии?

– Не помню. Начинал он с того, что народ очень здорово веселил. Всем так было смешно, что его за это губернатором сделали. А потом как-то раз он ехал по шоссе слишком быстро – и привет. Главный Суд с ним сразу разобрался: постановил, что каждый день он в этом ресторане выходит на сцену и пять раз подряд рассказывает одну и ту же историю.

– ... А навстречу мне, значит, парень с веслом бежит, –

продолжал рокотать басом мужик. – Я и остановился. Ну, думаю, чего бежит? Может, спросить чего хочет?

Он сделал привычную паузу для смеха, но никто из посетителей не засмеялся.

– Что-то у нас для всех деятелей шоу-бизнеса абсолютно одинаковые наказания, – подметил Малинин, принимаясь за вторую кружку. – Похоже, пока ему это даже в кайф.

– Так это пока, – хмыкнул Калашников. – А вот когда он тысячу лет подряд день за днем эту байку со сцены потолкает, так ночью с криком «Мама!» просыпаться начнет. Да и потом, чего тут мозги напрягать насчет наказания? Он же, извини меня, не Ким Ир Сен.

– Неправда ваша, – обиделся Малинин. – Гоголя-то, беднягу, как наказали – эвон ему досталось! На пять тысяч лет запретили есть сало, борщ и галушки. Видел я тут его давеча – не человек, а тень просто. Побледнел, исхудал. Страшное дело – так украинцев наказывать. Не знаю уж, как он сто пятьдесят лет продержался. Лучше бы сразу испепелили.

Калашников сочувственно развел руками.

– Особый случай. Он второй том «Мертвых душ» сдуру сжег, а Шеф очень уж прочитать эту книгу хотел, ему вообще все у Гоголя нравилось. Это только один московский классик писал, что рукописи не горят, а на самом деле еще как горят, за милую душу.

Малинин молниеносно оглянулся по сторонам, после чего склонился над столом – настолько низко, что практически

лег лицом на скатерть.

– Вашбродь, – сказал он еле слышным шепотом, – а вы что, читали этого *классика*?

Калашников тоже перешел на шепот.

– Да. Запретное притягивает, ты же знаешь. Мне всегда было интересно, что с Москвой произошло после моей смерти, – я все книжки на эту тему, что в *город* попадают, старался читать. Шефу, кстати, «Мастер и Маргарита» тоже по вкусу пришлась, я уж не знаю, почему он ее запретил. Может быть, потому, что там у него образ чересчур человеческий, а он предпочитает выглядеть страшнее. Но только запрещай не запрещай – бесполезно. Всегда найдутся фанаты, которые книгу по памяти надиктуют, а китайский «самиздат» выпустит. Но если бы он меня с этой книгой поймал, мне бы не поздоровилось.

– Э-э-эх... – завистливо протянул унтер-офицер. – Везет же вам, вашбродь. Мне вахмистр Козомарченко говорил, что в этой книге дюже много про баб голых пишут. Я с тех пор искал, искал ее на черном рынке – все ноги сбил, но так и не нашел. Боятся человеку из *Учреждения* продавать. Хотя вам-то вон не испугались. А картинки там есть?

– Мне неохота тебя разочаровывать, братец, однако там не только про баб, – доходчиво пояснил Калашников. – В общем, в двух словах не расскажешь.

Официантка подошла к столику с третьей кружкой пива. Малинин прикрыл глаза.

– Хорош, – предупредил Алексей. – Ты, Серег, не увлекайся.

– Да это ж как вода, вашбродь, – забубнил казак. – Если б хоть чарочку «беленькой» налили... А этого-то добра вылакай хучь с полведра – все равно не окосеешь.

Калашников не стал возражать. На Земле Малинин стоял на ногах и после литра водки.

– Ладно, дело хозяйское. У нас сейчас другие проблемы. Все-таки интересно, куда же мог деться Гензель? Полгорода перевернули, по городскому телевидению его портрет показали, в обществе зомби-вампирской дружбы обыск устроили – без толку. Как сквозь землю провалился. Точно тебе скажу – прячет его на квартире какая-то сволочь.

– Разве? Мы всех его знакомых пробили по компьютерной базе, – с сожалением оторвался от пива Малинин. – Никто с ним дружеских отношений не поддерживал. Девки – и той нету. С работы домой, с дома на работу. Скучно вампиры живут, как я погляжу.

– Знаешь, тебе бы такое хлебало – клыки, красные глаза, да руки в когтях, – поглядел бы я, какая девка на тебя бы запала, – ухмыльнулся Калашников. – Но ведь Гензель нашел, где укрыться? Значит, один его контакт мы не проследили. Вообще фигня получается. Вроде мы в *Учреждении* такие мощные, всех под колпаком держим, все контролируем, мышь не чихнет. А тут исчезает пара человек разом, и мы понятия не имеем, куда они делись. Два трупа за сутки,

маньяк с мензурками кислоты бегаёт – ну просто праздник какой-то. Как только этот тип сообразит, что мы о нём ничего и не разнюхали, сразу появится третий покойник. Такие, как он, трудностей не боятся. Интересно, зачем ему вообще Гензель понадобился? Неужели сугубо из-за цветов? Сомнительно, розы он и так мог купить.

Мужик с бородой закончил монолог и ушёл со сцены, однако никто этого не заметил.

Малинин похрустел жареной картошкой, обдумывая слова начальства.

– Вашбродь... А может, этот вампир и есть убийца? На работе-то он аккурат сутки не появлялся. И после того, как мы его прижучили, нападения в *городе* прекратились.

– Ты не одинок в своих мыслях, братец, Краузе тоже так полагает, – щелкнул пальцами Калашников. – Но должен тебе сказать, как родному, – я в этой версии искренне сомневаюсь. Если Гитлера убили ночью, то Монро прикончили в тот момент, когда возле кабаре собралась приличная толпа народу, собирающаяся на шоу. И как ты думаешь – неужели вампир с нестандартной внешностью не привлёк бы к себе их внимание?

– Как пить дать, привлёк бы, – согласился Малинин, с содроганием вспомнив Гензеля.

– То-то и оно. Нет, это не он. Да и на маньяка не похож, скучный тип – сидит себе у Дракулы, сто лет подряд все цветы заворачивает. Не стыкуется. И вот ещё... – Калашни-

ков снова перешел на шепот. – Скажу тебе честно, у меня вот здесь, – он показал на область левого нагрудного кармана, – нехорошее предчувствие имеется. Совсем нехорошее. Сегодня вечером, максимум завтра с раннего утра, у нас на руках опять будет свежий труп.

Малинин быстро вытер рукавом мундира засаленный рот. Салфетками он не пользовался принципиально, считая их ненужным дворянским изяществом.

– И кого на этот раз убьют, вашбродь?

– В том-то и проблема, братец, что диапазон довольно широк, – еще тише прошептал Калашников. – От Клеопатры до Брежнева. Точнее сказать не получится.

Оба непроизвольно вздрогнули, когда у стола неожиданно нарисовалась официантка с подобострастной, будто заранее наклеенной улыбкой.

– Еще пива?

Глава 26

Подготовка

(10 часов 44 минуты)

Сидя в старомодном кресле, убийца смотрел телевизор. По экрану то и дело бежали помехи, а из динамиков слышалось жужжание. «Рекламу» Гензелю сделали что надо... Каждые пять минут все каналы транслировали мертвенно-бледное лицо с потухшими глазами: «Если вы видели это-

го человека, срочно позвоните по номеру 666 666 666, звонок бесплатный для всех районов *города*».

К счастью, вампира удалось отправить в такое место, где его будут искать очень и очень долго. Жаль, что так получилось, но он сам виноват в своей забывчивости. Из цепи выпало нужное звено – теперь с человеком, организующим доставку курьеров, придется встречаться лично. Он переждал пару дней в своей берлоге, *псы* не вышли на его след – все по плану, можно снова выходить на охоту.

Да, объект номер три – не пожилой шизофреник и не истеричная актриска, может так закатать в лоб, что мало не покажется. Придется проявить ловкость, прежде чем парень рассыплется в пепел. Что ж, так даже интереснее. Сложность состоит в другом. Объект номер три – последний, обозначенный в прошлом *послании*, а новые изображения жертв еще не поступили – курьер привез с собой только *эликсир*. Вампира больше нет в его распоряжении, и чтобы узнать свежие новости, требуется напрямую пообщаться со связным. К счастью, все продумано, связной – надежный человек. Гензель предупредил, что в случае крайней необходимости он может обратиться к нему лично, – для этой цели они установили особый пароль.

...Быстро пробежавшись пальцами по светящимся резиновым кнопкам новенького мобильного, киллер набрал номер, неделю назад названный ему вампиром.

– Але... – ответил голос из динамика. Абонента было не

очень хорошо слышно на фоне довольно сильного шума. Чувствовалось, что он зажал другое ухо рукой.

– *Носферату*... – произнес оговоренный пароль убийца.

– *Эль сангре*⁸... – откликнулся абонент. – Чем могу быть вам полезен?

– Прошу прощения за беспокойство, – откашлялся киллер. – Я всего лишь хочу спросить – у вас не ожидается в самое ближайшее время ничего... ДЛЯ МЕНЯ?

Из трубки продолжали доноситься треск и шипение. Мобильная связь в Аду работает отвратительно, но, откровенно говоря, было бы странно, если бы она была другой.

Голос, пробивавшийся сквозь помехи, звучал глухо, словно абонент говорил из бочки.

– К сожалению, пока ничего не поступало. Попробуйте позвонить завтра.

– Спасибо. Всего вам хорошего.

– Благодарю за любезность. И вам того же.

Он опустил руку с выключенным телефоном. Трудно, имея одностороннюю связь, угадывать желание заказчика – особенно теперь, когда вампира пришлось вывести из игры. Главное условие заказа – все должно быть выполнено предельно быстро, в сжатые сроки. Очевидно, теперь правила изменились. Да впрочем, стоит ли волноваться? Список новых объектов наверняка попадет в его руки буквально на днях. Возможно, уже завтра. Главное – не забыть вовремя

⁸ Кровь (*исп.*).

ПОВЗВОНИТЬ.

Лицо Гензеля на телеэкране поблекло, сменившись другим роликом.

– Я Элен Мерил, визажист нового фильма «Казанова», – ослабилась пластмассовой улыбкой блондинка средних лет. – Три дня назад на меня упал башенный кран и размазал по асфальту. А теперь, благодаря косметике «Факс Мактор», я выгляжу как новенькая! И все потому, что только «Факс Мактор» остается на вашей коже дольше, заставляя ее держаться на щеках. Косметика «Факс Мактор» – ваша жизнь после смерти!

Убийце ужасно захотелось запустить в блондинку телефоном, но он сдержался. Переключать бесполезно – реклама всегда идет на всех каналах одновременно.

Хорошо, что сейчас есть возможность отвлечься. Но это кончится, и что же будет потом? Что случится после того, как он отработает все семь объектов и получит честно заработанный гонорар? Неужели ему придется на этом остановиться и продолжать убогое, скучное существование, которое обещает длиться десятками, а то и сотнями тысяч лет?

Вряд ли. Он заслужил лучшее. Возможно, он потребует *эликсира* про запас, объяснив, что использовал больше, чем ожидал. И когда через пару лет все затихнет, он снова выйдет на охоту, превратив это место в то, чего оно заслуживает, – в настоящий Ад. Все досадившие ему свиньи будут наконец-то умирать по-настоящему, отправляясь туда, откуда

не существует возврата. Очень хорошо, что заказчик доверяет ему. Ведь, по сути, у него нет никаких возможностей проконтролировать его работу.

Киллер открыл дверь стильного платяного шкафа со множеством полок, вытащив оттуда плечики с висящим на них непромокаемым резиновым плащом – такие им когда-то выдавали на работе. Так, удавка уже в кармане. Нунчаки тоже. Учитывая уникальную физическую силу объекта, не помешало бы взять нож, но это привлечет лишнее внимание. Может быть, заpastись перцовым аэрозолем? Отличная идея! Баллончик переключал во внутренний карман. Ладно, не стоит обвешиваться оружием, как Шварценеггер в фильме «Коммандо». Хватит и этого. При нападении надо использовать основное преимущество – внезапность, а эликсиром можно и стадо слонов завалить.

...Последний раз «сфотографировав» взглядом снимок, он закрыл глаза, четко запоминая лицо объекта. Щелкнула зажигалка, и бумага съежилась, корчась в пламени.

Скоро точно так же начнет корчиться и сам объект, злобно усмехнулся он, разминая рукой обжигающие комочки пепла. У него есть еще чуть-чуть времени, прежде чем приступить к *делу*. Возможно, в телевыпуске скажут, что новенького предпринимают *псы*. На экране крутилась мрачная заставка «Адских Вестей».

– К сожалению, власти отказываются от комментариев относительно итогов расследования, – яростно сверкая стек-

лами очков, тараторил Влад Кистьев. – Прошлой ночью мы попытались дозвониться Алексею Калашникову, руководителю спецбригады *Учреждения*, чтобы получить официальную информацию об убийстве Мэрилин. Повторяем запись его интервью по многочисленным просьбам телезрителей.

Из динамика слышались звонки, после чего раздался известный киллеру голос.

– Алло. Слушаю вас.

– Здравствуйте! С вами говорит ведущий программы «Адские Вести». Мы хотели бы получить комментарий на тему убийства Мэрилин Монро. Вы в прямом эфире.

– Иди на хер.

Звук положенной на рычаг трубки и серия коротких гудков завершили репортаж. Киллер откинулся назад в кресле, его тело сотрясали пароксизмы беззвучного смеха. Да уж, он точно довел *исов* до белого каления, если те уже не могут сдерживать себя, отсылая репортера матом в прямом эфире! На глазах убийцы выступили слезы.

– Оставайтесь с нами, реклама пройдет быстро! – пообещал Кистьев и мгновенно исчез.

На экране красовалась симпатичная парочка – девушка в голубой полицейской форме рядом с юношей в рубашке и джинсах. «Ты что молчишь? – грозно спрашивала девушка. – Может быть, ты будешь разговорчивее в наручниках?» В ответ молодой человек резким движением ударил девицу под дых. После того как та свалилась, он начал бить ее нога-

ми. «В наручники? – орал юноша. – Да я тебя трахну до потери пульса и на ленточки порежу, ментовская тварь!» Медоточивый голос за кадром сладостно произнес: «Антон – будущий сексуальный маньяк. А кто ты? Жажда подскажет!».

Настроение было безнадежно испорчено. Мобильник треснулся об экран телевизора и, мигнув напоследок умирающим огоньком, отлетел в угол. На этот раз убийца не смог сдержаться.

Глава 27

Голубая кнопка

(12 часов 00 минут)

Двое суток прошло с такой же скоростью, как на Земле протекают сто лет, но игра стоила свеч. Опасения оправдались – Менделеев оказался прав относительно того, чем может являться *вещество* на самом деле. Это еще больше усугубляло ситуацию, ибо объяснений тому, как **оно** до сих пор не разнесло все в *городе*, не было никаких.

Хочется ему или нет, но придется нажимать на голубую кнопку. Без крайней необходимости он никогда старался этого не делать, беседы не приносили ему удовольствия – лишь разочарование и злость. Но сейчас именно крайняя необходимость – есть шанс, что голубая кнопка выдаст информацию, которая может оказаться весьма полезной.

Шеф еще раз посмотрел на телефон, и ему стало не по се-

бе. Когда-то он почти не звонил по нему. Очень редко – может быть, один раз в пятьсот или триста лет. Но за последнее время – все чаще и чаще. Что же будет дальше? Впрочем, не время об этом думать. Он решительным движением придвинул к себе телефон и, помедлив секунду, нажал кнопку.

В динамике щелкнуло, и оттуда полилась музыка, которую можно было охарактеризовать как сладчайшую. Кажется, играли на струнных арфах. Шеф с трудом удержался от плевка.

– Алло? Небесная Канцелярия слушает! – даже эта короткая фраза на арамейском была произнесена с небывалой учтивостью – к телефону подошел кто-то из ангелов.

– Э-э-э... Добрый вечер. Это из Ада говорят, – сквозь зубы произнес Шеф, медленно вспоминая подзабытый им древний язык Палестины. – Я понимаю, что не вовремя, но у меня **ОЧЕНЬ** срочный разговор. Немедленно соедините с Главным.

Ангел заметно напрягся, но в тоне его продолжала сохраняться учтивость.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии. Я посмотрю, что мы сможем сделать для вас.

Снова раздалась музыка – профессиональный девичий хор исполнял «Аве Марию».

Прошло несколько томительных секунд, прежде чем трубку наконец сняли.

– Говоришь, что-то очень срочное? – произнес хорошо

знакомый ему Голос. – Я так и думал, что в самое ближайшее время ты можешь мне позвонить.

– Это почему ты так думал? – не удержавшись, спросил Шеф.

– Потому, что ты давно уже не появлялся, – спокойно ответил Голос. – Так что там у тебя? Говори, я весь внимание. Но, пожалуйста, будь краток – дел невпроворот.

– Что у меня? А то ты не знаешь! – Шеф подавил приступ ярости. – Если у тебя нет возражений, то мне было бы очень интересно узнать следующее – откуда у нас в Аду взялась СВЯТАЯ ВОДА?

На другом конце провода возникло гробовое молчание, длившееся примерно одну минуту. Она показалась обоим собеседникам настоящей вечностью.

– Святая вода? – по растерянной интонации Голоса было видно, что он испытывает неподдельное удивление. – Ты шутишь? Как она вообще могла появиться в *городе*?

– Вот как раз об этом я и желаю тебя спросить, – холодно заметил Шеф.

– Извини... но мне абсолютно нечего сказать.

Шеф в бешенстве сломал сандаловый карандаш.

– Нечего? Тогда вот что я тебе скажу – ее наверняка при-тащили твои туристы. Больше эту гадость в Ад пронести было некому – никто из моих грешников не может к ней даже прикоснуться без того, чтобы не стать в лучшем случае инвалидом. С сегодняшнего дня я официально закрываю грани-

цы с Раем, и пусть твои ангелы сами разбираются с турфирмами. Тебе больше не удастся радовать свое благочестивое население пугающими картинами пылающих котлов Ада, которых им удалось избежать!

– Ты в своем репертуаре – не приводишь никаких аргументов, а только лишь психуешь, – ответил Голос. – Давай оставим эмоции и будем рассуждать трезво. Откуда у тебя столь замечательные сведения относительно попадания в Ад... э-э-э... святой воды?

– У меня на службе имеется знаменитый химик Менделеев. Ты его помнишь?

– Да. Искренне жалею, что не забрал его себе.

– Уже поздно. В общем, пару дней назад у меня в *gorode* за одни сутки произошло два убийства – прикончили Гитлера и Мэрилин Монро. Помнишь их?

– Гитлера и правда трудно забыть. Но это ведь была твоя креатура, не так ли? Ты все хвалился, что создал палача, по сравнению с которым Нерон – девочка в бантиках.

Шеф поморщился, как будто целиком проглотил лимонное дерево.

– Давай сейчас не будем упрекать друг друга в чем-то, о'кей? Я тоже могу кое-что вспомнить, и устроим чудный вечер взаимных обвинений. Короче, тела обоих сожгли какой-то жидкостью, по сравнению с которой серная кислота – клубничный сироп. От трупов осталось по три грамма пепла. Менделеев по моей просьбе сделал подробный анализ. Пер-

вому результату я не поверил и попросил его проверить еще раз. Анализ подтвердился – в останках погибших, то есть в этом самом пепле, содержатся микроскопические частицы серебра девятьсот восемьдесят пятой пробы. Менделеев не поленился подсчитать примерное количество молекул серебра – он полагает, что в небольшом резервуаре с водой в течение примерно трех часов настаивалось серебряное украшение весом где-то в двести граммов. Надеюсь, ты понимаешь, о каком именно **украшении** я говорю? Его надевают на грудь твои добрые слуги, перед тем как по воскресеньям начать петь хвалебные песни в твою же честь. Короче, вывод Менделеева однозначен: жидкость, с помощью которой были сожжены Гитлер и Монро, – на сто процентов СВЯТАЯ ВОДА.

На этот раз взаимное молчание продлилось немного дольше.

– Мне хотелось бы знать – насколько у Менделеева сейчас свободный доступ к спирту? – задумчиво спросил Голос. – Я не хочу его обидеть, просто интересуюсь...

– Он непьющий, – отрезал Шеф. – Если честно, то я вообще не понимаю, как он в *городе* оказался. Не человек, а ангел. Ну так и какие у тебя по этому поводу мысли?

– У меня полный сумбур в голове, – откровенно признался Голос. – Но в первую очередь нам следует начать рассуждать логически. Тебе Библию приходилось читать?

– Сам знаешь, – поскрипел зубами Шеф. – Ты же мне ее

и присылал.

– Я думал – вдруг ты ее проигнорировал? Семь тысяч лет хотел тебя спросить, но как-то стеснялся. Что ж, приятно слышать, потому что эта книга с легкостью уничтожает так тщательно выстроенную тобой теорию заговора. Если ты действительно читал ее, то должен быть в курсе: Ад обязан рухнуть в ту же секунду, как только туда попадет хоть ОДНА-ЕДИНСТВЕННАЯ КАПЛЯ святой воды. Однако ты доказываешь, что кто-то умудрился пронести в *город* не только эту самую воду, но и средства для ее изготовления! Просто гениально. Скажи мне тогда, пожалуйста, почему ты все еще существуешь?

Шеф собрался возразить, но язык ему не повиновался. Он потянулся за хрустальным стаканом, заблаговременно извлеченным из бара перед началом беседы.

– Но это еще не все, – неумолимо продолжал Голос. – Ни одна собака не сможет пронести в *город* ни единой молекулы серебра, ни миллиграмма святой воды – эти вещества автоматически блокируют силовое поле на Вратах Ада. Это тоже я должен тебе объяснять? Даже если сойти с ума и предположить, что райские туристы возжелали тайно доставить святую воду в *город*, каким-то чудесным образом миновав погранконтроль и таможду, то на входе в Адские Врата они в любом случае потерпели бы неудачу.

– Однако, как видишь, у них это получилось, – отхлебнув виски, обрел дар речи Шеф. – Поэтому давай договоримся –

с сегодняшнего дня турагентства Рая полностью прекращают экскурсии в *город*. По крайней мере, до выяснения обстоятельств.

– Если тебя это успокоит – пожалуйста, – кротко заметил Голос. – Но вот увидишь – дело окажется вовсе не в них. Мой совет – отдай пепел Менделееву на повторный анализ. Может быть, он содержит что-то, о чем ты не догадываешься. Еще раз повторяю, настоящая святая вода давно бы уже разрушила Ад вместе с тобой самим. Разве нет?

– О'кей. Ты можешь просто, без своих обычных намеков и загадок, сказать мне: зачем кто-то убивает жителей *города*? Та же Библия свидетельствует – тебе ведомо ВСЕ.

– Пусть даже и так, – устало произнес Голос. – Но, знаешь, я абсолютно не хочу в это вникать. Иначе мне придется заниматься сразу столькими вещами, что даже двух секунд свободного времени не останется. Я должен удержать крестоносцев от резни в Иерусалиме, американцев от бомбардировки Хиросимы, хакеров в Индии от создания вирусов и карманников в Москве от кражи кошельков. Сейчас я ломаю голову над тем, чтобы предотвратить Третью мировую войну, потому что, если нападут на Иран, – начнется полный привет. Между прочим, это опять твоя работа! Как видишь, у меня существуют более глобальные дела, нежели выяснять, зачем сожгли какого-то Гитлера. Почему я вообще должен решать твои проблемы? Разве не ты сам создал Ад таким?

– Да, – мгновенно вскипел Шеф. – Да! Я его таким и со-

здал. Тебе не нравится? Мне наплевать. Я считаю его идеальным. Тебе известны данные социологических опросов? Семьдесят пять процентов людей считают, что жизнь на Земле – это уже Ад, и надеются на перемены в том, **другом мире**. От этого, милый мой, и происходят такие вещи, как самоубийства, – человечки уверены, что ТАМ такой жизни нет. А, оказывается, она есть... И они будут жить той самой опостылевшей жизнью, от которой пытались убежать, еще сто, двести, триста тысяч лет. Испытывать боль, тошноту, голод, жару, сонливость, потребность побриться, все то самое худшее, что раздражало их при жизни, отныне станет **вечным**. Уже через пятьсот лет они взвоят, будут каяться в грехах, рвать на себе волосы, у кого они есть, и сожалеть о том, что они натворили на Земле. Им-то казалось, что на том свете они начнут летать бесплотными духами в прозрачном божественном пространстве, а выяснится, что они просто-напросто переехали на съемную халупу в район трущоб!.. Ты бы видел, как они катаются по полу в позднем раскаянии, захлебываясь в собственных соплях!.. Да у меня Чаушеску и Малюта Скуратов рыдали, как трехлетние дети.

– О да, – саркастически усмехнулся Голос. – Кто же спорит? Конечно, ты гений.

– Можешь прикалываться, но это вне сомнений, – откашлялся Шеф. – Когда был убит Гитлер, у меня появилось первое подозрение, которое потом укрепилось. Мою идеальную систему кто-то пытается разрушить. И это мне не нравит-

ся. А если убийства примут характер всеобщей эпидемии и грешники начнут мочить друг друга миллионами, как на Земле? Кто тогда вообще останется в *gorode*? Я обязан это остановить.

– Ты бы лучше остановил такой массированный приток жителей в *город*, а то там и не то еще начнется, – констатировал Голос. – Они уже друг у друга на головах сидят, а тебе все мало. Зачем было изобретать вирус птичьего гриппа? Столько лет без него жили спокойно, и пожалуйста. Тебе что, делать нечего? Черную оспу ты за пять минут придумал, а я столько времени с ней мучался – только двести лет назад окончательно задавил.

– Птичий грипп – это, так сказать, проба сил, – немного смутился Шеф. – Если ты заметил, то я лишь развлекаюсь новыми эпидемиями: они скорее пугают, чем убивают. Подумаешь – лихорадка САРС – семьсот трупов, вирус эбола – двести... Согласись, даже смешно. Мне и самому хватило вспышки чумы в Европе четырнадцатого века – не знал, куда покойников распихивать, по сорок человек в комнате селил. Так что не волнуйся, все под контролем.

– Я от тебя уже столько лет это слышу, а результат всегда один, – разочарованно заявил Голос. – Так что с убийствами в *gorode* разбирайся сам. Свое мнение я высказал.

– Кто бы сомневался, что ты захочешь умыть руки! – разозлился Шеф. – Я забыл, с кем разговариваю. От тебя в критических ситуациях никогда не было помощи.

– Потому что я и не должен тебе помогать.

– Отлично. Тогда знай – мне тоже это надоело. Больше я не буду тебе звонить.

– Ты всякий раз это говоришь, – безразлично произнес Голос. – Да куда ты денешься...

Из динамика снова донеслась нежная музыка – можно было представить, как тонкие пальцы арфисток перебирают струны. Шеф нажал на голубую кнопку, чтобы также дать отбой.

...Некоторое время он сидел молча, переваривая содержимое разговора и отхлебывая виски. Звонок не сработал. Нужно срочно устраивать совещание спецбригады во главе с Калашниковым – возможно, им удалось что-то раскопать. Следует признать, что Голос прав. Эта жидкость, похоже, **не совсем** святая вода – иначе от *города* остались бы рожки да ножки. Придется дать Менделееву столько времени, сколько он захочет, чтобы подробно разложил все по полочкам. А Калашников с компанией пусть землю роют, но найдут средство перекрыть **источник** этой воды. В конце концов, это их работа.

...В одном из районов *города* офицер в зеленом мундире отключился от кабеля, дрожащей рукой снимая с головы наушники. Он вытер пот, выступивший на лбу, и полез в карман за куревом. Синеватый огонек воспламенил сигарету с черным табаком «житан», обдиравшим горло, как наждачная бумага.

К кабелю подключились давно, еще в конце восьмидесятих годов, после чего расшифровки разговоров Шефа и Голоса периодически выкладывались на анонимных сайтах «Хеллнета». «Жучков» снимали, но появлялись новые – еще лучше, еще изощреннее. Главная проблема состояла в том, что такие беседы происходили до чрезвычайности редко, поэтому «жучки» были оснащены биперами – они давали сигнал владельцу прослушки, что нужный разговор начался.

В последние три дня офицер постоянно носил с собой бипер, ибо был уверен – с минуты на минуту Шеф обязательно позвонит Голосу. Так оно и случилось. Новости не были хорошими.

Они недооценили тех, кто состоит у Шефа на службе. Это глупо – учесть Калашникова, просчитать приглашение Склифосовского, но совершенно не подумать о Менделееве. Как всегда – кажется, что ты все продумал до мельчайших деталей, а потом в самый последний момент выясняется, что не приметил слона. Не хочется думать, что произойдет, если Менделеев раньше времени узнает, **каким образом** делается эликсир. Придется принимать меры...

Он набрал номер, с которого ему звонили примерно час назад.

– Алло, – произнес офицер, тяжело дыша в трубку.

Ответивший на звонок убийца сразу понял, **кто** хочет с ним пообщаться. Голос абонента звучал глухо, как будто звонивший говорил откуда-то из бочки.

Глава 28

Объект номер три (18 часов 11 минут)

Прогноз погоды на этот раз оправдался – на улице шел противный, еле заметный дождь, опять просочились грунтовые воды. По идее, следовало бы поехать домой на машине, но так уж случилось, что карбюратор опять забарахлил. Два часа ушло на то, чтобы попытаться привести его в чувство и понять – работать эта штука больше не будет.

Звонок в автосервис, как всегда, ничего не дал. Номер «бабббв» означает, что его очередь подойдет через три месяца, а до этого времени с работы домой придется ходить пешком. На всякий случай он дважды назвал свое имя, но оно не произвело ровно никакого впечатления на хамоватую приемщицу заказов.

– Подумаешь, тоже мне! – взвизгивала она возмущенно. – Да у нас шесть римских пап очереди дожидаются, и ничего – никто не рыпается. Скромнее надо быть, гражданин!

Да куда уж скромнее. Уже тридцать три года он изучает бабочек на кафедре энтомологии, измеряет окружность крыльев, записывает особенности окраски, подсчитывает количество ножек, растирает пыльцу. Досчитался – за десятилетия пользования микроскопом зрение себе так посадил, что пришлось очки выписать. Даже родной сын Брэндон посме-

ивается, не говоря уж об остальных!..

Еще не так давно всех этих «остальных» он шутя вырубил бы одной левой. Никто из этих храбрецов при жизни не осмелился бы не то что смеяться ему в лицо, а просто отпустить невинную шутку за спиной.

Нет, он не как другие – всегда верил, что жизнь после смерти есть. Но кто же предполагал, что именно в таком качестве? Приговор Главного Суда поверг его в шок – операция на мозге удаляла все особенности мастерства, которым он столь искусно владел. Мало того – ближайшие сто тысяч лет ему предстояло отработать профессором-энтомологом вплоть до нового судебного заседания. И если он уже умирал от скуки, желая разнести вдребезги застекленные рамки с насекомыми, то что же будет дальше?

Человек закрыл глаза. В радужных всполохах перед ним, до дрожи реально, предстал его родной город – небоскребы в разноцветной неоновой рекламе, отражающиеся в волнах спокойного океана. Поверженные, сияющие встать соперники, размазывающие по лицу кровь пополам со слезами досады, репортеры, жаждущие запечатлеть его коронный удар, новая вилла, фарфоровый сервиз, подаренный арабским диктатором – горячим поклонником его профессионализма.

Он не бил, а жалил, словно оса, приводя врагов в трепет. Э-эх-х... А как он врезал негру по «чайнику»? Тот и улетел на фиг, пятнадцать швов потом накладывали. Всю жизнь

прожил без телохранителей: когда выходил на улицу, она пуста. Разбегались все, от продавца мороженого до главаря мафии. А женщины? По три раза в неделю менял домашний номер, не помогало – они доставали его везде, готовые на все. Теперь же девушки в мини-юбках пробегают мимо, не достаивая его и мимолетным взглядом, – еще бы, очкастый профессор-энтомолог даже в самой извращенной фантазии не может превратиться в секс-символ.

Из глаз посыпались искры. Боль была жесточайшей – он закричал от неожиданности. Ох, ну вашу же мать! Да, идти с закрытыми глазами, вспоминая прелести земного бытия, не лучший способ путешествия по *городу* – как всегда, он ударился лбом о телеграфный столб. Дрожащей рукой нащупав шишку, человек прислонился к соседнему телефону-автомату, чтобы холодный металл унял боль, – будка оказалась теплой.

Потирая ушибленный лоб, он свернул в узкий переулок, дабы срезать дорогу домой. Перешагивая через груды мусора, выброшенного жильцами из окон, он близоруко смотрел под ноги, чтобы на чем-нибудь не поскользнуться: потемневший асфальт устилала разломанные ящики, пивные банки и сгнившая банановая кожура.

Отвратительный вечер. Он даже не удивился, когда перед ним, будто отклеившись от стены, встала фигура в темном плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Опять какой-то опустившийся вампир, выпрашивающий лишнюю мелочь на

дозу сушеной крови.

– Отвали, братан, – бабло закончилось... – заученно сказал он, но фигура в плаще не сделала и попытки подвинуться. – Ты что, совсем себе мозги высосал? Пусти!

Реакция на эти слова превзошла все его ожидания. Фигура отпрыгнула, выдернув из кармана две палки, скрепленные друг с другом цепью. Издав яростный визг, темный плащ рассек нунчаками воздух, после чего встал в загадочную позицию: развел руки в стороны и приподнялся на правой ноге, словно профессиональная балерина.

– Это «полет журавля»! – угрожающе сказала фигура. – Тебе не справиться со мной! Меня обучал сам великий мастер Фын Бяо из древнего Шаолиня! Трепещи или умри!

Убийца ужасно нервничал. Никакого Шаолиня он, разумеется, в глаза не видел, а потому всерьез опасался, что ему переломают ноги раньше, нежели он успеет вылить *эликсир*. Просто плеснуть его жертве в лицо он не рискнул – у этого человека потрясающая реакция, он даже в дождь проскочит между каплями. Лучше сделать вид, что хочешь вступить с ним в бой, – он сосредоточится на нунчаках и не испугается какой-то пробирки.

То, что случилось дальше, никак не входило в его планы. Человек сел прямо в кучу гнилой банановой кожуры и навзрыд заплакал. Из узких глаз рекой потекли слезы, в широко открытом рту горестно дрожал язык. У убийцы внезапно ослабли ноги. Не в силах выдержать этого трагического зре-

лица, он плюхнулся на асфальт рядом с жертвой.

– Что... что такое с вами? – голос не слушался его, звуча вороньим карканьем.

– Надо же, еще спрашивает, – содрогаясь от всхлипов, произнес человек, смачно утирая хлюпающий нос рукавом. – Я тут иду себе спокойно с работы домой, а он тут как выскочит в переулке, как нунчаками замахает! Хулиган! Не смейте меня бить, ничтожный негодяй, я сейчас милицию позову! Мамочка-а-а... ы-ы-ы... ы-ы-ы...

Киллер хлопал глазами, беззвучно открывая рот. С минуту он просто тупо смотрел на подвывавшего, сучившего ногами на банановой кожуре человека. Внезапно его лицо перекосила судорога смеха – он прикусил губу, чтобы не заржать во весь голос. И этого **монстра** он боялся, методично готовился к убийству, отрабатывал удары и учился, как увернуться от «когтя тигра»?

Никак он не может привыкнуть – это ж все-таки Ад, а не Земля. По прихоти Главного Суда даже Шварценеггер превратится в чахлого дистрофика – он не сомневался, что после прибытия Арнольда в *город* именно так оно и будет.

Не вставая, он придвинулся к плачущему, сунув руку за пазуху. Тот отшатнулся.

– Извините, извините... Это всего лишь шутка. Честное слово, я не думал, что вы так испугаетесь. Я не причиню вам никакого зла и не собираюсь вас бить.

– Правда? – пролепетал человек, с шумом сморкаясь в

платок.

– Ну конечно! Пожалуйста, перестаньте наконец плакать! Вот выпейте, это вас успокоит.

Человек послушно взял из протянутой руки мензурку и, стуча зубами, глотнул...

В его голове взорвался огненный шар. Словно миллион игл вонзились в тело, раздирая его на части. Он закричал, но из почерневшего рта лишь вылетел сноп искр. В долю секунды он успел заметить, как обуглились пальцы рук. Его глаза погасли, обратившись в тлеющие частички пепла, а зубы рассыпались по тротуару, как догорающие бусы. Прах разлетелся, влипнув во влажный тротуар. Пустая пробирка упала, разлетевшись вдребезги.

Поднявшись на ноги, убийца по уже сложившейся привычке растер пепел каблуком и оглянулся по сторонам. Никого. Просто идеальный переулок – темный и глухой, прямо как по заказу. Хорошо, что он догадался испортить карбюратор. Если бы жертве удалось уехать на машине, справиться с ней было б не так легко: этот парень, как и все сволочные ученые, жил в элитном районе с охраной. Впрочем, после тревожного звонка на мобильный сегодня ночью ему в любом случае придется наведаться в этот район.

Завернувшись в плащ, киллер зашагал по переулку в сторону выхода. Говорят, что человек инстинктивно чувствует взгляд спиной. Однако он ничего не почувствовал.

Глава 29

Желание Чикатило (19 часов 46 минут)

По рубашкам оперативной бригады бегали искры. Легкие разряды электричества чувствовались повсюду. Сотрудники боялись притронуться к чему-либо, сразу же раздавался характерный треск. У Шефа было настолько кошмарное настроение, что он сломал уже третью хрустальную указку.

Сейчас, стоя у карты *города*, босс лишь монотонно покачивался из стороны в сторону, как китайский болванчик. В стороне сидели на стульях приглашенные консультанты, которые пока не осмеливались высказать мнение. Вечер, как и предчувствовал Калашников в ресторане, кончился плохо.

– Итак, все уже знают, – скрипучим голосом говорил Шеф, накренившись влево, – час назад в итальянском квартале по дороге домой был убит выдающийся мастер восточных единоборств, основатель школы кунг-фу Брюс Ли. Когда-то этому человеку не было равных в рукопашной схватке, он один мог уложить троих амбалов за секунду. Обратите ваше внимание – несмотря на это, киллер расправился с ним, как со школьником. Из чего следует, коллеги, что мы имеем дело с машиной для убийства – настоящим монстром.

Калашников кашлянул. Шеф недовольно посмотрел на него.

– Э-э-э... я прошу простить меня за наглость, но вы слегка подзабыли... – сказал Алексей, одарив Шефа шелковым взглядом. – По условиям наказания Брюс Ли уже тридцать три года как работает профессором-энтомологом, изучая бабочек. Ему хирургически удалена часть мозга, отвечающая за профессионализм в области боевых искусств. В жизни Брюс теперь не опаснее, чем трехлетний ребенок, – если его обидеть, то он заплачет. При желании этого «чемпиона кунг-фу» побьет даже пенсионерка.

По выражению глаз Шефа было видно, что он и вправду забыл условия наказания каратиста.

– Да, перегнули мы здесь палку, – нехотя сообщил он, почмокав губами. – Пожалуй, *Управлению* следует быть аккуратней в предоставлении вариантов кары Главному Суду. Если бы бедняга Брюс Ли сохранил хотя бы часть своих способностей, то, глядишь, наше расследование сегодня же и закончилось – он притащил бы к нам киллера с переломанными ногами. В результате своей непродуманной политики в сфере наказаний мы теперь имеем третий труп. Что там у нас происходит с Гензелем и Сталиным?

Поднявшийся из-за стола Ван Ли разочарованно моргнул узкими глазами.

– Сожалею, босс, – но оба как в воду канули. Гензеля мы понятия не имеем где искать. По поводу Иосифа Виссарионовича – произвели тщательный обыск у Молотова и Кагановича, даже к сыну Сталина, Василию, вчера вечером на-

грязнули – нигде его нет.

– А как же насчет той самой анонимки, которую бросили в почтовый ящик *Учреждения*: «Сталин прячется в платяном шкафу на квартире у Микояна»? – вскинул брови Шеф.

Ван Ли попытался улыбнуться, однако, оценив ситуацию, делать этого не стал.

– Выяснилось, что ее писал Каганович, причем левой рукой – пытался навредить давнему сопернику. Ясное дело, у Микояна Сталина мы тоже не нашли. Даже под кроватью.

– Мало этому дураку Кагановичу по условиям наказания копию храма Христа Спасителя каждый год в одиночку строить, – разозлился Шеф. – Следует его еще и метро отправить копать. Интересно, а допрос ведущих маньяков *города* нам хоть что-нибудь дал?

На этот раз из-за стола поднялся Краузе.

– Эти ребята сами в шоке, – сказал он с легким гамбургским акцентом. – Для них появление подобного серийного убийцы – нечто из ряда вон выходящее. Джек Потрошитель уверяет, что ему в голову не приходило пойти кромсать королеву, а Чикатило клянется мамой, что не имел желания убить ту же Пугачеву. Разве что один раз, после первого исполнения по телевидению песни «Горная лаванда».

– «Горную лаванду» вовсе не Пугачева поет, – подал с другого конца стола голос старательно обкусывающий ногти Малинин. – Это София Ротару и Яак Йоала.

– Слушай, ну он же маньяк – ему пофиг, – поморщился

Краузе. – Песню поет Ротару, а убить захотелось Пугачеву – что с него взять. Короче, дело в том, что они, как классические серийные убийцы, резали сугубо женщин и детей, желая воткнуть нож в знаменитость у них не возникало. Такие маньяки вообще большая редкость. Как правило, те, кто преследует популярного актера или певца, одержимы конкретно этой персоной – как убийца Джона Леннона Марк Чэпмен или, скажем, Чарльз Мэнсон, разрезавший на кусочки беременную жену Романа Поланского. Кстати, очень жаль, что этих типов пока нет в *городе*, – они бы нам очень помогли в расследовании.

– Я искренне надеюсь, что в самое ближайшее время будут, – кивнул Шеф. – Продолжай.

– Спасибо, – раболепно поклонился в сторону начальства Краузе. – Что происходит потом? Фанат-психопат стреляет или втыкает нож в предмет своего обожания и на этом останавливается – едет сдаваться в полицию. Чэпмен, например, не отправился добивать Маккартни или Харрисона. Кстати, Джона Леннона мы на всякий случай взяли под усиленную охрану. Если его убьют второй раз, он этого явно не переживет.

– Харрисон мне тоже звонил, – вспомнил Шеф. – Очень переживает за Леннона. Говорит, что они только-только новый диск заканчивают записывать, как бы работа не сорвалась. Уже и название придумали – «Восставший из Ада».

Неоригинально, конечно, но Клайва Баркера⁹ здесь сейчас нет, чтобы за бренд судиться. Зато потом он им устроит.

– Короче, за Леннона нам пока волноваться нечего, – перехватил инициативу Краузе. – Таким образом, Шеф, я хочу представить вам совершенно новый тип киллера, который из личного удовольствия сжигает известных людей, – диктатора, секс-бомбу и каратиста. Возможно, он даже испытывает от каждого убийства сексуальное удовлетворение. Диапазон вероятных действий убийцы чрезвычайно широк – предположим, завтра он сожжет Цезаря, послезавтра – Грету Гарбо, а через неделю – Ивана Поддубного. К счастью для нас, пока непонятно, каким именно оружием он пользуется. Я не ошибся в этом определении – да, именно к счастью. Потому что если это станет понятно, в *городе* у него немедленно появится куча подражателей. Вы уже знаете, как его окрестила пресса?

– Еще бы, – кисло ответил Шеф. – «Ангел Смерти». У журналистов никакой фантазии. Еще бы «Адский Сатана» назвали. И, пожалуйста, полегче со словом «окрестила».

– Извините, – сконфузился Краузе, однако сразу пришел в себя. – Людям свойственно популяризировать отрицательных героев, тем более в *городе*, где таковых большинство. По нашим данным, в китайском квартале уже вовсю торгуют майками с изображением обугленной Мэрилин Монро на

⁹ Автор романа ужасов «Восставший из Ада» и сценарист одноименного кино-сериала.

фоне пробирки. Нам остается лишь признать, что мы пока не знаем, как нам бороться с убийцей, используя опыт предыдущих поколений. Доселе аналогичных маньяков-одиночек в истории криминалистики не встречалось.

– А он вовсе и не одиночка, – спокойно возразил Калашников. – Этот человек работает по заказу. Он убивает тех, кого надо. Скорее всего, сам не знает имен будущих жертв.

Сцену, последовавшую за его словами, Алексей уже наблюдал в гримерке Монро после того, как взял в руки розы, – все замолчали и скопом уставились на него. Он облизнул губы, попытавшись продолжить мысль, но сразу это сделать не удалось.

– То, что говорит этот юноша, не лишено смысла, – заметил один из консультантов *Учреждения*, горбоносый старик в фетровой шляпе. – Мы пропустили мимо ушей такую версию, что это может быть обычный заказ. Когда однажды весной у нас в Нью-Йорке убийцы в масках за пару дней перестреляли всех глав семейств, их тоже можно было причислить к маньякам, страдающим сезонным обострением. Однако молодые люди выполняли конкретное задание, а не действовали по зову сердца. Маньяки обычно жаждут всемирной славы – они оставляют на месте преступления свои фирменные примочки, звонят в газеты, отрезают ухо у жертвы на память. Здесь же исполнение быстрое и профессиональное. Так действуют люди, которые убивают за деньги.

Старик говорил медленно, как будто тщательно переже-

вывал пшеничную кашу, однако присутствующие прислушивались к невнятным словам с заметным почтением.

– Что ж, ваше мнение весьма логично, дон Корлеоне, – произнес Шеф. – Если вы и Калашников правы, то у нас имеется целая цепочка – заказчик убийств, исполнитель, и как минимум один человек, который им помогает. Я допускаю, что даже и не один. Нет только одного – **мотива** самого преступления. С Гитлером-то все понятно. Но чтобы один и тот же человек заказал Мэрилин Монро и Брюса Ли одновременно – уму непостижимо. Откуда он вообще взялся, каким образом они с убийцей нашли друг друга?

Шефу жутко хотелось добавить к сказанному много чего еще. Что он не понимает, какой умник умудрился наладить в Аду безопасное производство святой воды. Что бесполезная беседа с Голосом его ужасно разозлила. И, наконец, то, что до сих пор этими болванами не было высказано ни одной удачной идеи – как именно можно поймать убийцу.

Однако вслух он не сказал ничего, а лишь продолжил раскачиваться.

– С вашего позволения, я хотел бы провести проверку известных профессиональных киллеров, – завладел его вниманием Калашников. – Может быть, нам не повезет сразу, но мы вряд ли приблизимся к разгадке, если будем пытаться Чикатило на предмет Пугачевой.

Взгляд, который метнул в его сторону блондин Краузе, был далек от дружелюбного.

– Это мысль, – вскинулся Ван Ли. – Стоит послать людей к Александру Солонику?

– Увы, я уже навел справки, – огорченно сообщил Алексей. – Тут, к сожалению, облом. По условиям наказания Солонику не только стерли личность, но даже изменили пол.

– Ох ты мать моя... – непроизвольно отшатнулся Ван Ли. – И кто же он у нас теперь?

– Нянечка в детском саду, – объяснил Калашников. – Надеюсь, теперь подозрения отпали? Не нужно зря шуметь. Следует аккуратно подъехать к жилищу бывших киллеров, выяснить у соседей, был ли объект дома поздним вечером, как ведет себя в последнее время, что говорит, с кем общается. Глядишь, и разузнаем что-нибудь новенькое.

Он сел на место, утирая пот со лба. Хоть Калашников и обожал театральные эффекты, публичные выступления всегда давались ему с некоторым трудом. Краузе не смотрел на конкурента – «ветчинное рыло» заметно побагровело, он прошептал короткое слово по-немецки. «Ублюдок», догадался по губам Алексей, и ему стало весело.

– Точно, – похвалил Шеф. – Давай так и сделаем. Ладно, а теперь у меня для вас – настоящий сюрприз. Менделеев работал в лаборатории два дня подряд, и ему удалось выяснить, из чего состоит *вещество*, с помощью которого были убиты все три жертвы. Попрошу крепче держаться на стульях – новость сенсационная. Калашников, у тебя все?

– Да, – кротко сказал Алексей, устраиваясь поудобнее в

кресле.

– Чудесно. Итак, приступим...

Калашников поблагодарил Высшие силы, что Шеф, вопреки многим мистическим романам и фильмам ужасов, не старается читать мысли. Со времен своей работы в полиции он знал, что начальству врать хоть и нехорошо, но иногда необходимо.

– Вашбродь, – неожиданно подвинулся к нему Малинин. – А что, неужели дон Корлеоне существует? Я-то думал, он сугубо это... типа литературный персонаж.

– Ты прав, дон Вито Корлеоне является фантазией Марио Пьюзо, который накатал «Крестного отца», – еле слышно, дабы не привлечь внимание Шефа, прошептал Калашников. – Но дело в том, что его образ создал актер Марлон Брандо. И он настолько вжился в этот образ, что разубеждать его бесполезно, – думает, как Корлеоне, говорит, как Корлеоне, водку и ту пьет, если на этикетке есть надпись – «Сделано в Сицилии». Короче, он перевоплотился полностью – не актер, а самый настоящий босс итальянской мафии. В *город* он попал уже в этом состоянии, и переделывать не стали. Поэтому Шеф его и позвал в консультанты – лучшего специалиста по заказным убийствам вряд ли найдешь.

– А-а-а... – протянул Малинин, явно намереваясь задать следующий вопрос, однако Алексей пресек это намерение в не совсем вежливой форме.

– Братец, ты все-таки на совещании находишься. Закончи

болтать и послушай, что Шеф говорит, а то потом опять будешь жаловаться, что ни хрена из его слов не понял.

Малинин обиженно замолчал. Ему было очень интересно, что начнется в *городе*, когда сюда, подобно дону Корлеоне, вломится Фредди Крюгер в лице сыгравшего его актера Роберта Инглунда – сверкая длинными ножами на обгоревших пальцах. Но от начальства, как всегда, в критический момент нужной информации не дождешься.

Калашников отвернулся от сопевшего унтер-офицера и начал невнимательно слушать Шефа. Прозвучавшая чуть позже новость о святой воде встряхнула его, но не сбила с обволакивающей голову мысли. Незаметным жестом он скользнул рукой за пазуху, чувствуя жгущий пальцы лист бумаги во внутреннем кармане пиджака. Это короткое послание он прочитал уже два десятка раз. Содержание привело его в смятение.

Второпях набросанную карандашом корявую записку Сталина ему передали уже на следующее утро после того, как вождь народов неожиданно сбежал из тюрьмы.

Глава 30

Плоская коробочка

(20 часов 03 минуты)

Мальчик позвонил в условленное время – его голос срывался от волнения.

– Все в порядке... Курьер найден... Сейчас буду договариваться.

– Отлично, – одобрил его успех человек в черном. – Как только обо всем условишься, сразу звони мне. Без звонка не заходи – дверь все равно закрыта.

– Понял. Буду на связи.

Отключив трубку, человек посмотрел на Гензеля, оседлавшего шаткий табурет.

– Все идет по плану. Он обнаружил следующего курьера. Думаю, что к утру мы переправим с его помощью имена новых кандидатур для *жертвоприношения* и еще немного *эликсира*. Время как раз подошло, а то **исполнитель** явно волнуется.

– Он нервный и склонен к резким движениям, – поежился от воспоминаний Гензель. – Но в целом я согласен с вами, господин, – он идеально подходит для этой работы.

Вампир за довольно короткий срок успел свыкнуться с новым обиталищем. Конечно, его не оставляло желание выглянуть на улицу, но Гензель понимал, что прохожие тут же сообщат о нем в местное отделение *Управления наказаниями*.

Безвылазно находясь под сводами подвала, вампир не скучал. В конце концов, сбылась его мечта: ему посчастливилось лично присутствовать при приготовлении *эликсира*. Того самого, который передавал в его руки связной в зеленом мундире. Зрелище потрясло, пробрав до дрожи в позвоночнике, – он никак не ожидал, что состав *эликсира* окажется

настолько простым и таким же сложным одновременно. Поистине у того, кто его придумал, золотая голова. *Носферату* вновь почувствовал, что испытывает к человеку в черном безграничное уважение. Он поколебался перед тем, как задать важный для него вопрос:

– Господин, а почему бы не передать с курьером имена сразу **ВСЕХ кандидатур**?

Человек в черном искривил углы губ, что можно было принять за подобие улыбки.

– Мы сильно рискуем, Гензель. Если **они** сумеют раскусить наши планы, то мы сразу полетим в тартарары. Допустим, **они** перехватят полный список имен и сумеют сохранить это в тайне. Тогда *псы* просто выставят охрану возле очередной *кандидатуры* и сцапают нашего **исполнителя**, как удав кролика. Лучше указывать цели постепенно.

Согнувшись в поклоне, Гензель промолчал, про себя еще раз восхитившись необычайной мудростью господина. Сначала его как громом поразило, когда он узнал, *кто* стоит во главе всего заговора. При жизни он не питал особой любви к представителям его профессии, но тут откровенно следует признать – во всем бывают исключения. Ему ужасно хотелось спросить, каким образом господин додумался до технологии приготовления *эликсира*, однако вампир чувствовал – такое поведение покажется назойливым. Достаточно и того, что человек в черном серьезно рискует, предоставив ему убежище. Вместо этого он задал вопрос на другую тему, ко-

торая также беспокоила его.

– Вы позволите мне присутствовать при вашем... общении с курьером, господин?

И вновь по губам хозяина подвала пробежала еле заметная усмешка.

– Думаю, курьер не станет против этого протестовать.

– Вы очень добры. Благодарю вас.

– Не за что. Но когда мальчик привезет его, тебе лучше опять посидеть в укромном месте.

Гензель не возражал. Он сам с нетерпением ждал результата, когда все семь *кандидатур* будут принесены в жертву и круг замкнется. Конечно, трудно стопроцентно предсказать, что последует за этим. Однако вампир был абсолютно уверен – хуже ему не будет.

...Человек в черном еще раз повертел в руках плоскую коробочку с фото и капсулами, в которых, поблескивая, переливался тягучий *эликсир*. **Исполнитель** расходовал его быстрее, чем он ожидал, однако недостатка в смертоносной жидкости не предвиделось. Как проинформировал Гензель, у киллера в тайнике оставалось еще как минимум две ампулы. Это был не совсем обычный *эликсир*, а **особый**, его «синяя» версия, обладающая колоссальным разрушительным эффектом. Он специально приготовил его на всякий случай, чтобы иметь возможность разделаться с важными персонажами в *городе*, но не имел уверенности, что состав подействует как надо. Ладно, даже если допустить, что **исполни-**

тель использует эти ампулы не по назначению, у него всегда есть такой вариант, как пересмотреть список *кандидатур*.

Плохо, что пришлось вывести из игры Гензеля. Теперь следует быть намного осторожнее. Если они вычислят и связного, отвечающего за встречу курьеров, канал доставки **исполнителю эликсира** накроется медным тазом. Он, конечно, тоже хорош – так глупо попасться на каких-то несчастных розах! Зачем вообще их надо было брать с собой? Человек в черном доложил в коробочку еще три капсулы – на всякий случай. Он нажал на кнопку, и крышка закрылась с пластмассовым щелчком.

Гензель в углу нашел себе занятие – отвернувшись, вампир выжимал только что пойманную крысу в граненый стакан. К его огромному удовольствию, крыс в подвале водилось великое множество. Закончив, он поднес стакан к ноздрям, с наслаждением втягивая свежий кровавый аромат – по его дряблему бледному телу пробежала сильнейшая дрожь, похожая на конвульсию.

Человек в черном, не обращая на вампира внимания, взял снова зазвонивший телефон.

– Слушаю.

– Мы уже тут, – услышал он голос мальчика. – Нам с курьером сразу спуститься в подвал, как обычно, или подождать вас в прихожей дома?

– Одну минутку, – ласково ответил человек. – Я сейчас подойду к вам.

Положив трубку, он двинулся к двери, шаря в кармане в поисках ключа.

Глава 31

Воздух ночи

(2 часа 47 минут)

Знаменитый изобретатель таблицы химических элементов чувствовал себя смертельно уставшим. Старческие глаза слезились, он протирал их раз за разом смятым шелковым платком. Определенно, не в его возрасте заниматься вещами подобной сложности – вот уже третий день он не вылезает из лаборатории. А так как работа секретная, по настоятельной просьбе Шефа ему пришлось отказаться от помощи лаборантов: в результате даже несчастную пробирку подать стало некому. Менделеев снова перелил жидкость из одной мензурки в другую и посмотрел на просвет. Состав зашипел, злобно пенясь.

Все-таки Шеф – ужасно мнительное существо. Зачем постоянно возиться с одним и тем же анализом, если и так **почти** все ясно? Сначала в воде вымачивают серебряное изделие, затем добавляют азотную кислоту, растворяющую частицы серебра и превращающую их в бесцветные кристаллы, вот и весь сказ. Правда, в *молекулах* вещества, содержавшегося в прахе сожженных людей, присутствует еще один загадочный, непонятный элемент, консистенцию которого ему

никак не удавалось расколоть.

Впрочем, дело за малым – он не новичок в своем деле, поэтому рано или поздно он докопается до истины. Минимум два часа, максимум день. Даже обидно, что анализ *вещества* поручили ему – в конце концов, в *городе* хватает химиков самого различного уровня, дабы разобраться в ситуации. Конечно, Шеф открыто не подгоняет его, но в частных разговорах за закрытой дверью, нервно щелкая хвостом, делает массу тонких намеков – мол, хорошо бы сделать все побыстрее, потому что каждый день промедления стоит им человеческой жизни. Скажите, пожалуйста, вот уж не думал, что в Аду есть жизнь, – ее и на Земле-то нет. Исследование столь необычной жидкости, применяемой к тому же в ритуальных целях, логичнее было бы поручить алхимику.

Дмитрий Иванович, возмущенно тряся бородой, осторожно взялся за следующую мензурку. А что, если плеснуть в состав немного щелочи? Опять не то... Да, алхимику на его месте было бы куда легче.

Он ведь так и сказал Шефу – давайте привлечем к работе графа Калиостро, ведь это как раз по его специфике. Надо было видеть, как Шефа перекосило. Этот граф, говорит, только и делал в своей карьере, что разводил лохов, не создал ничего мало-мальски серьезного – стоит только вспомнить изобретенный им фальшивый «эликсир вечной жизни»! В результате все, кто пробовал это сомнительное пойло, оказались в Аду, в том числе и сам Калиостро. А знаменитое

превращение свинца в золото? Дешевая, любительская халтура, которую сейчас покажет даже начинающий фокусник в цирке Нижнего Тагила. О других алхимиках Шеф и слышать не захотел. Поэтому он, старый дурак, сидит, портит свои глаза – работает ночью, как проклятый, и попробуй возрази. Кто-то мудрый правильно сказал: «Нет правды на земле, но нет ее и выше». Одно в эту поговорку забыли добавить – под землей правды тоже нет.

Он снова заглянул в японский микроскоп покрасневшим от напряжения глазом. Молекулы гонялись друг за другом, словно футболисты, мельтеша и множась на глазах. Похоже, очень похоже. Он не стал говорить Шефу, что у него имеется ясное предположение относительно **добавки**, ибо про себя Менделеев продолжал сомневаться. Слишком уж странно: зачем в принципе добавлять **такую** штуку в *вещество*?

Мысль неожиданно прервалась из-за громкой музыки – автоматически включился телевизор. Благодаря встроенному чипу такое случалось во время выпуска новостей, но он не настроен их слушать. Экран померк после щелчка пульта: все-таки хорошо, что он на особом положении и может себе позволить не слушать эти глупости. Менделеев сел за массивный рабочий стол, набросав на листках раскрытого блокнота пару строчек – просто так, для памяти. Делать записи в процессе работы он привык еще при жизни, а своих земных привычек Дмитрий Иванович не намерен менять даже в Аду.

Рассеянно держа блокнот в руке, профессор вернулся к

полке с прозрачными колбочками. Опять все сначала. Кто бы ему раньше рассказал, что и после смерти не отдохнешь... А ведь когда хоронят, шепчут – «покойся в мире». Какой уж тут мир, круглые сутки пашешь, как папа Карло. Щелочь не помогла, что там у нас еще есть в наличии? Ага, аммиак...

Стеклышко микроскопа чуть запотело, затуманившись, – Менделеев ловко привычным движением протер его: какая духота тут ночью, просто ужас. Надо же, какой-то умник додумался, как приготовить в Аду самодельную святую воду из подручных средств. Правда, не вполне понятно, как ему удалось протащить через защитное поле Адских Врат ювелирное изделие из чистого серебра, – мистика какая-то. Впрочем, это абсолютно не его дело – он на ничьей стороне. Как, чего, где, когда – он в такие дебри не залезал и не собирается. Его задание – лишь разложить на мельчайшие частицы состав *вещества*. И не более того.

...Удивительно, но на подведение итогов у него ушло меньше времени, чем он рассчитывал изначально. Всего через час Менделеева озарило – он понял, что окончательный состав элемента для него практически ясен. Никто и не сомневался – есть еще порох в пороховницах! Если бы Шеф не был столь мнителен и не заставил его бесконечно перепроверять *вещество*, словно сопливого абитуриента, он установил бы истину куда быстрее.

Краем глаза наблюдая молекулы, которые продолжали ме-

таться под стеклом, профессор признался себе, что его мучает любопытство, вызывающее непонятную, смутную тревогу. На кой черт именно этот элемент добавили в жидкость? Получился настоящий адский коктейль, как бы забавно это ни звучало при данных обстоятельствах.

Химик нахмурился, подперев подбородок кулаком. В столь сумрачном состоянии он пребывал недолго – чертыхнулся, махнул равнодушно рукой. Его просили выяснить – он все выяснил. Что делать дальше? И так понятно. Шеф сказал, чтобы он не стеснялся беспокоить его в любое время – он-то все равно никогда не спит. Что ж, сейчас он ему позвонит, а потом со спокойной душой ляжет спать. Отмучился – ну прямо гора с плеч.

Внезапная мысль пронзила его, словно молния. Отбросив стул, профессор быстро наклонился к микроскопу. Не может быть! Схватив кружевной платок, Менделеев опять протер стекло круговым движением. Нет, он не ошибся – так оно и есть. Невероятно! Но как это могло случиться? Бред. Получается, кто-то нашел способ, чтобы... Стоп-стоп-стоп.

Профессор ухватился за край стола, схватившись рукой за сердце. Рука скользила по поверхности, он почувствовал, что сейчас вот-вот без сил упадет на пол.

Ну и новость. Настоящая сенсация, шок. Так, только не нужно этого мальчишества – обойдемся без резких движений. Сейчас он сядет, успокоится... Возможно, выпьет стаканчик чаю с коньяком, коньячные талоны у него еще не кон-

чилишь, а после этого не спеша повторит анализ, чтобы окончательно убедиться.

Блокнот! Где блокнот? Куда он его положил? Надо срочно законспектировать хотя бы в двух словах это сенсационное открытие. Ах, вот... Оказывается, он уже давно держит брошюрку в руках. Склеротик.

Лихим почерком профессор торопливо набросал несколько строчек. Небывалое волнение переполняло его, не в силах продолжать, он отбросил перо в сторону, ослабил узел галстука. Неожиданно ему захотелось ощутить дуновение пусть затхлого, но все же свежего подземного воздуха. Химик подошел к окну, раздвинул шторы и открыл оконную задвижку – в комнату ворвался шум теплого дождя.

С наслаждением втянув ноздрями запах пропитанного влагой асфальта, Менделеев оперся обеими руками на подоконник, стоя в ореоле яркого света. Мертвая ночь вокруг – хоть глаз выколи, хотя, по его представлениям, часа через полтора зажгут огни. Правда, с наступлением рассвета птицы в *городе* не пели – солнца-то все равно не существовало.

...Киллер, пристально рассматривавший лицо с окладистой бородой в оптический прицел, понял, что дальше тянуть незачем, – профессор сейчас уйдет обратно в глубь комнаты. Все в порядке – с такого короткого расстояния промахнуться физически невозможно. Не до утра же ему здесь на ветке сидеть, ноги давно затекли.

Он коротко выдохнул и плавно, как в замедленной съем-

ке, нажал на пружинящий курок винтовки. Раздался резкий хлопок, который прозвучал в ушах раскатом грома. Профессор Дмитрий Иванович Менделеев, впрочем, его не услышал. А в следующий момент он не слышал уже вообще ничего.

Глава 32

Записка

(5 часов 14 минут)

В одних трусах валяясь на измятой продавленной постели, Калашников лечил головную боль надоевшим эрзац-кофе и размышлял, что скоро привыкнет не спать ночами, – если подсчитать часы его сна за последние трое суток, получается негусто. Прихлопнув пару комаров, Алексей встал и стряхнул раздавленные тельца в окно – эти твари умудрились оживать всего за десять минут, после чего опять принимались за дело.

Кровать снова застонала пружинами под весом его торса, и стоявшая с краю чашка с кофе подло опрокинулась на простыню, чуть не обдав его горячей черной жидкостью с ужасным запахом. Калашников собрался расстроиться, но передумал – закрыв пятно одеялом, он лег сверху. Сущая ерунда по сравнению с тем, что творится в его голове. Побриться бы, что ли, – щетина шею колет. Хотя побреешься тут, когда бритва – ржавая «Нева», других в *городе* нет.

Трудно искать преступника в *городе*, где население каждый день пополняется сотнями тысяч новых граждан. Надо будет подробно расспросить Ван Ли, какие методы применяла полиция в Китае: чтобы прошерстить столько народу, нужно вкалывать двадцать четыре часа в сутки. Впрочем, в России-матушке полицейским тоже легко не работалось – зарежет кого-нибудь грабитель в Иркутске, а потом ищи его – то ли он в Варшаве со шмарой в обнимку, то ли в Самарканд кутить укатил. Немудрено, что Шеф предпочитает не брать на работу в *Учреждение* жителей малонаселенных стран, особенно европейских. Посади в их контору гражданина Люксембурга, так он через неделю записхует и в окно выбросится.

Приподнявшись на локте, Алексей вновь поднял на уровень глаз изрядно порванный кусок плотной оберточной бумаги. Буквы расплывались, подрагивая, – кофе уже не действует, надо пойти умыться, что ли. Прищурившись, в сотый раз он уставился на почерк с завитушками – все диктаторы обожают пошлые завитушки.

«Ты ошибаешься. Ищи **тринадцатого**. Говори с ним о Книге. То, что ты хочешь найти **здесь**, находится **там**».

...**Тринадцатый**. Раньше он много раз задумывался, почему никогда не видит в *городе* этого человека, имя которого ему было знакомо чуть ли не с рождения. Только год назад Алексею удалось узнать правду относительно места его постоянного пребывания. Эта новость существенно удиви-

ла Калашникова: ведь после смерти **тринадцатого** ни одна живая душа не сомневалась, что он отправился напрямиком в Ад. Где ж такой сволочи еще быть, как не тут?

Но оказалось, этот тип сыграл чересчур большую роль в формировании человеческой истории, чтобы мирно существовать вместе с остальными грешниками. Калашникову рассказывали, что Главный Суд, прозаседав целых пять лет и подробно изучив многочисленные предложения *Учреждения* – видимо, в то время там тоже существовали проблемы с креативом, – так и не выбрал для **тринадцатого** подходящего наказания. Решили так – заключить под домашний арест до Страшного Суда, когда так или иначе придется раздавать всем сестрам по серьгам.

Но самое смешное, что будущее этого финального события по-прежнему находится в тумане: последний раз Страшный Суд ожидали в двухтысячном году, до этого – в тысячном. Сейчас вообще никто не берется предсказать точную дату. И у Небесной Канцелярии, и у *города* гигантское количество дел, все попросту тонут в бумагах, доводах и согласованиях. После серии споров между Голосом и Шефом ориентировочной датой конца света постановили считать трехтысячный год. Вполне возможно, его опять перенесут.

Тринадцатый, чью судьбу не смог определить Главный Суд, был помещен в особое заключение – ему выделили отдельную территорию между Раем и Адом, которую охраняли как слуги Шефа, так и ангелы. Многие с таким решением

были не согласны. Кто-то полагал, что это слишком суровое наказание: люди, убившие миллионы, спокойно обслуживали *городские* столовые или работали в качестве сантехников. А он, погубивший лишь **ОДНОГО** человека, на протяжении тысяч лет считался главным преступником на Земле! Другие считали – за то, что совершил **тринадцатый**, нет прощения, равно как и не существует такого жестокого наказания, которому его следовало подвергнуть.

Алексей опустил затекшую руку с посланием, ощущая неприятные покалывания в пальцах. Тревога сменилась раздражением. С какой стати он так разволновался? Ведь Сталин не является новой инкарнацией прорицательницы Ванги – откуда ему известно про **тринадцатого**? Сначала дед отказывается отвечать на вопросы, а потом под покровом ночи бежит из камеры – и вдруг оставляет адресованную ему записку? Подозрительно. Однако, как любили повторять наводнившие в 1937-м *город* советские бюрократы, «сигнал поступил, и его следует проверить». Да и приятель из отдела графологических экспертиз, изучив по его просьбе кусок оберточной бумаги, подтвердил – это действительно почерк Сталина.

...Имя Иуды Искарюта, несостоявшегося апостола, который навсегда сделал число **тринадцать** таким, что, к примеру, в испанских гостиницах не существует комнат с этим номером, а есть «12А» или сразу «14», стало нарицательным символом предателя. Он пребывал в одиночной камере – ес-

ли таковой можно было назвать фешенебельный гостиничный номер. Общение с ним посторонних людей было максимально ограничено, на личную встречу требовалось получить обязательное согласие двух сторон – Ада и Небесной Канцелярии. Только имея на руках пергамент с двумя печатями, можно было смело стучать ногами в дверь здания, где содержался Иуда.

Калашников предчувствовал, что Шефу его идея не понравится, – хотя бы потому, что за согласием придется позвонить в Небесную Канцелярию. Но выбора у него все равно не было.

И это еще не все. В ожидании письменного разрешения на встречу с **тринадцатым** – если, конечно, Шеф не пошлет с этой идеей сразу – Калашников планировал снова посетить вампирский квартал, дабы попытаться найти хоть какие-то следы Гензеля. Вряд ли убийца поддерживал контакт с *носферату* исключительно с целью того, чтобы иметь возможность по блату покупать свежие розы. Возможно, вампир являлся связующим звеном между заказчиком и киллером, доставляя последнему *вещество* и сообщая имена следующих жертв.

Смяв бумагу, он переключился на мысли о Сталине. Когда навещал вождя народов в камере, он, к сожалению, забыл один интересный факт из его биографии... Все знают, что рябой дед отправил полстраны убирать снег в Сибирь, но мало кому известно, что в юные годы он протирал скамью в се-

минарии, мечтая стать священником. Хорошо бы выяснить, есть ли в *городе* те, кто посещал эту самую семинарию вместе со Сталиным. Вот с ними он и потолкует: не вел ли Иосиф Виссарионович в семинарских коридорах загадочные разговоры об Иуде или *веществе*. Пока же сотрудники *Учреждения*, согласно приказу Шефа, выборочно допрашивали бывших священников на предмет того, мог ли кто-то из них на досуге приготовить *особую* святую воду, а также проверяли профессиональных киллеров на новейшем детекторе лжи.

Калашникову даже стало стыдно, что он не догадался об этом простейшем решении, хотя разгадка буквально валялась под ногами, совсем из ума выжил. Ну что же еще может сжигать грешников в Аду, как будто на них обрушивается лавой вулкан Везувий? Конечно же *вещество* – это натуральная святая вода! И Сталин, судя по его реакции, сообразил об этом в первую же секунду. Да уж – хоть в этом вопросе семинария явно пошла ему на пользу. Врет дед или нет, но надо обязательно выйти на контакт с Иудой, если он придумает, как подать эту идею Шефу, чтобы у того не случился приступ бешенства. Как только он закончит дела в архиве и вампирском квартале, так сразу заглянет к руководству и...

...Дверь содрогнулась, наполнив комнату грохотом. По настойчивости ударов, которые сотрясали панель, без труда можно было догадаться, что ранний гость чрезвычайно нетерпелив. Вскочив с кровати, Калашников с криками «иду, иду» заметался по комнате, второпях надевая штаны.

Скомканный лист бумаги он засунул было в ящик стола, но сейчас же снова выгреб обратно, опасаясь оставлять столь ценную вещь без присмотра. Сея вокруг хаос и разрушения, Алексей добрался до двери, которая, казалось, сейчас должна слететь с петель, и натужно проскрипел массивной задвижкой проржавевшего замка.

В дверной проем немедленно заглянул Малинин, искривив рот в похабной ухмылке.

– А иде ж девка? Я думал, вашбродь, что ежели вы так долго не открываете, так вас кто-то всю в постельке греет, гы-гы-гы... Или вы ее каким макарон у же в шкаф запихнули?

Уставший за ночь Калашников не смог скрыть крайнего раздражения.

– Какого хрена ты ломишься в такую рань? Ты пьян, что ли, скотина? Дыхни!

Оценив ситуацию, Малинин мгновенно встал по стойке смирно, поедая глазами осерчавшее с недосыпа начальство. Лыбиться, впрочем, он при этом ничуть не перестал.

– Никак нет, вашбродь! Меня за вами отправили, срочное дело.

Калашников замер, ожидая неприятного сюрприза.

– Что-то случилось? – задал он идиотский вопрос.

Дрогнув, ухмылка сползла прочь с упитанного малининского лица.

– Мягко говоря, да. Менделеев убит.

...Воскресшие комары тщетно бились в стекло с обратной стороны, наблюдая, как носитель аппетитной крови надевает пиджак и устремляется к выходу. Завтрак сорвался.

Глава 33

Новый способ

(5 часов 19 минут)

Поначалу убийца собирался заехать в тайник за последней порцией эликсира – взамен только что израсходованной, но понял, что не успеет. Иногда фрау Браунштайнер просыпалась достаточно рано и могла застать его открывающим дверь. Когда он добрался до дома, и так уже светлело. Часть уличных фонарей зажгли, но, к счастью, его улица еще пребывала в полумраке. Сердце киллера переполняла гордость. Что ни говори, а котелок у него варит. Операция прошла просто виртуозно – сам Джеймс Бонд позавидовал бы.

Ему сразу пришла в голову эта потрясающая идея. Дом профессора считался одним из лучших, в таких селили особых **любимчиков** Шефа. Эти здания строили настоящие французские строители, а не какие-нибудь таджикские гастарбайтеры, в авральном режиме возводившие пятисотэтажные халупы из подручных материалов. В привилегированном профессорском доме имелся домофон, а также привередливая консьержка из Лондона: о том, чтобы заявиться к нему в гости со стороны пожарной лестницы, как в случае с

Гитлером, нечего было и мечтать. Ему здорово повезло, что старик не терпел всех этих современных достижений, а по-сему вытребовал квартиру на нижнем этаже. Достанься ему среда обитания хотя бы на двухсотом – и об идее прикончить его в домашних условиях пришлось бы забыть навсегда.

Киллер отчетливо вспомнил недавний звонок. Глухой голос нервно прохрипел: «*Они* почти вычислили формулу эликсира. Еще чуть-чуть, и *псы* поймут, откуда он взялся. Нам нужно задержать их – хотя бы дня на два. Срочно ликвидировать Менделеева... В вашем тайнике – СПЕЦИАЛЬНЫЕ капсулы для такого случая... Его адрес...».

Ему не было интересно, что это за СПЕЦИАЛЬНЫЕ капсулы и в чем их особенность. Наплевать. Выглядят они, кстати, так же, как и предыдущие, только зачем-то помечены синей полосой вместо красной. Хотят, чтобы он убрал Менделеева? Пожалуйста. Отношения с заказчиком предельно просты: он платит, киллер выполняет работу – ничего лишнего. Однако прикинув, в каком районе живет старик, он понял, что тут потребуются изобрести что-то оригинальное. Если бы профессор не открыл окно в эту ночь, он пришел бы завтра. «Срочно»? Да что такое один лишний день?

Австрийская духовая винтовка, купленная им давно, чтобы стрелять по пустым пивным бутылкам, и лет двадцать валявшаяся в шкафу, пригодилась совершенно неожиданно. Права была его бабушка, никогда не выбрасывавшая старые вещи. Соорудить новое смертоносное оружие оказалось

нелегко. Лишь на то, чтобы запаять заполненную *эликсиром* крохотную пулю в оболочке из тончайшего целлофана, ушло не меньше трех часов. Если бы он промахнулся, на следующую ночь пришлось бы начинать все сначала – времени изготовить сразу две пули у него уже не осталось. Конструкция предельно проста – при ударе сжатым воздухом пулька обязана разорваться, с силой вытолкнув из ствола струю смертоносной жидкости, которая должна пролететь примерно десять метров.

Как оказалось, больше и не надо. Прямо напротив окна Менделеева очень кстати расположено гигантское высохшее дерево, на которое он забрался без особого труда, ступая по большим веткам, как по ступенькам. И пусть оно, как и все деревья в Аду, не имело листвы, ему удалось удачно притаться за толстыми сучьями, выжидая нужного момента. Пожалуй, никогда он не был в такой опасности: его задаче могли помешать не только патрули охраны элитного квартала, но и обычные прохожие, прогуливавшие ближе к утру своих умерших собачек. К счастью, на «точке» никто не появился, и он успел привести свой замысел в исполнение. Убийца снова мысленно поблагодарил бабушку – неизвестно, как бы ему пришлось выкручиваться, не окажись в наличии старого пневматического ружья.

...Связной до сих пор не позвонил, хотя телефон, даже с риском для дела, был включен все это время. Ладно, он сам пообщается с ним чуть позже – скажем, ближе к полудню.

Нет, ну как же здорово он все-таки придумал! Несмотря на то что киллер поставил себе задачу не ходить по кругу, ужасно хотелось повторить сегодняшний эксперимент, пусть даже только один раз. Да, пулю для духовушки мастерить долго и сложно, однако это избавляет от необходимости сталкиваться с жертвой лицом к лицу, а также от опасности в пылу борьбы самому заработать каплю *эликсира* в глаз.

Возможно, скоро *псы* поймут, из чего был убит Менделеев, и начнут искать пневматическую винтовку этой марки. Но *город* огромен – пускай себе ищут очередную иголку в стоге сена. Исключительно жаль, что все, кого ему требуется прикончить, сосредоточились вокруг Центрального квартала. И почему заказчик не выбрал кого-нибудь, кто живет подальше? Ведь если б он нанес пару ударов на окраинах, *псы* бы совсем сбились с ног, замучившись бегать туда-сюда по огромному *городу*.

Ничего. Через неделю, когда он выполнит весь заказ полностью, у него появится время сконцентрироваться на собственных увлечениях. Тогда он и начнет жечь тех, кого давно собирался.

...Он уже подъезжал к своему подъезду – шины древнего велосипеда с визгом крутились по мокрому асфальту. Рекламный экран, установленный на стене одного из домов, вспыхнул неоновой рекламой газеты «Смерть». «Мы таблоид номер один, следите за нами! – мигнули метровые буквы. – Только у нас – последний эксклюзив о новых ударах

Ангела Смерти и сенсационные версии гибели Мэрилин Монро!»

Скажите на милость. А вот Гитлера и Брюса Ли, получается, спустя три дня уже никто не вспоминает. Немудрено, что все маньяки обожают убивать именно женщин: нужный общественный резонанс будет обеспечен. Впрочем, не стоит огорчаться – осталось еще четыре *кандидатуры*, наверняка хотя бы одна из них снова окажется женского пола.

Плакат вспыхнул красным и желтым, являя обложку свежего выпуска «Смерти», и киллер невольно притормозил – рядом с огромным снимком Монро красовалась старая черно-белая фотография офицера в царской полицейской форме. Аршинный заголовок гласил: «В убийцу Мэрилин прицелились из Калашникова». Неплохой повод искренне порадоваться – они с этим *исом* на разных позициях. Он знает его в лицо, а тупой пес понятия не имеет, кто такой Ангел Смерти.

Убийца окончательно остановил велосипед, задумчиво почесав в затылке. В принципе зачем он ждет у моря погоды? А не прикончить ли ему разом двух зайцев – только что он удачно разобрался с Менделеевым, так не решить ли ему заодно назревшую проблему с Калашниковым? Ведь в тайнике как раз лежит еще одна СПЕЦИАЛЬНАЯ капсула – она и послужит для того, чтобы размазать в горячий пепел ненавистную морду «начальничка».

Реклама потухла. Похоже, он слишком размечтался. Име-

ет ли он право на подобную самодеятельность? Все-таки никаких инструкций насчет Калашникова не поступало – его заказчик серьезный человек, и как знать, понравится ли ему самовольное отступление от списка *кандидатур*? Наверняка не понравится. Хорошо, он в любом случае сохранит эту СПЕЦИАЛЬНУЮ капсулу, не станет доставать ее из тайника. Все равно новые цели еще не названы. А вот после он и решит, что делать с этим не в меру любопытным *псом*...

Тронув педаль велосипеда, он мечтательно улыбнулся, вызывая в памяти очертания лица Калашникова.

Глава 34

Дневной бар

(12 часов 00 минут)

Вопреки утренним планам, Алексей с Малининым приехали в вампирский квартал лишь к полудню. Время, как Калашников сообразил уже по прибытии, они выбрали весьма неудачное. Улицы были пустынные, ветер гнал по тротуарам обрывки газет. Днем все вампиры спят без задних ног – работают только дневные бары, где уставшие от тяжелой рабочей ночи богатые вурдалаки глушат стресс коктейлями из сушеной крови.

– Жалко, но как бы нам не пришлось кое-кого разбудить, – заметил Малинин, прикурив сигарету, и тут же закашлялся от раздражающего горло забористого черного табака.

– Надо же, какой ты добрый сделался, – злобно ответил ему Калашников, протирая кулаками упорно склеивающиеся ресницы. – Меня-то сегодня утром будить не пожалел!

– Так вы ж, вашбродь, все равно не спали! – удивился Калинин. – Почему б и не встать?

На квартире Менделеева они пробыли приличное время, но скорее для порядка, нежели для пользы. Ничего нового: на столе – опрокинутые колбочки и разбитые мензурки, на блестящем от мастики полу – пепел и обгоревшие частички ногтей, видимые только под увеличительными стеклами экспертов. Всего час ушел на то, чтобы установить, что великого химика, скорее всего, прикончили в тот момент, когда он подошел к раскрытому окну. В его жилище не было обнаружено никаких следов взлома, отпечатков пальцев и всего остального, что могло бы свидетельствовать о тайном проникновении в квартиру постороннего человека.

Каким образом киллеру удалось организовать убийство – здесь мнения существенно расходились. Краузе высказался в пользу водяного пистолета. Не выдержав, Калашников при всех поднял немца на смех. Надо же такое сказать – водяной пистолет! Кто-нибудь в жизни своей видел водяные пистолеты, которые не протекают? А пролейся из его пластмассового ствола хоть капля, убийца немедленно отправился бы вслед за своими жертвами.

Однако самое поганое в ночном убийстве – то, что Шеф явно начал подозревать кого-то из них. И уж совсем хрено-

во – он не так уж и не прав. Дело тут не в очередном убийстве маньяком *городской* знаменитости. Безусловно, никто не оспаривает того факта, что химик Менделеев – всемирно известный человек. Но все же не до такой степени! Каким-нибудь зулусам его имя – темный лес, в отличие от той же Мэрилин Монро, видеокассеты с грудастыми блондинками даже в Африке смотрят. В результате Шефу мощно стукнуло в голову, что киллер ликвидировал Дмитрия Ивановича после того, как его предупредил «крот» из *Управления*, – мол, ученый был как никогда близок к тому, чтобы окончательно разгадать состав *вещества*. Предположение о «кроте» Алексея ничуть не шокировало – это Ад, а сюда, как общеизвестно, попадают люди с весьма специфическими моральными принципами. А вот то, что теперь Шеф начнет посвящать их в свои мысли весьма скупно, ему не понравилось. Хотя в чем-то он прав. Ведь «кротом», будем откровенны, может оказаться кто угодно. Например, Калинин. А почему бы и нет?

...Настороженно взглянув в сторону Калинина, Калашников мгновенно отказался от взбудоражившей его мысли. Высунув язык, унтер-офицер с детским любопытством уставился на медленно выползающий из-за поворота сверкающий желтый лимузин с вращающейся на крыше фигурой мужика из чистого золота, в пиджаке и с воздетой вверх рукой. В таких стильных тачках, обычно сделанных на заказ, по *городу* возили новоприбывших VIP-персон. На персональ-

ном номерном знаке автомобиля зеленели буквы – «Сапармурат Ниязов». Пассажир автомобиля, черноволосый человек с опухшим лицом, в рубашке с короткими рукавами и наспех повязанным галстуком, удивленными глазами смотрел в окно на улицы вампирского квартала, будто не веря тому, что с ним случилось. Периодически он доставал из-за уха засохшие цветочные лепестки.

– Вашбродь, это кто еще такой? – поинтересовался Малинин, провожая взглядом лимузин.

– Судя по фамилии, какой-то татарин, – безразлично ответил Калашников. – У тебя все? У нас и так дел по горло, чтобы еще стоять и по сторонам пялиться.

– А почему от него мусора-то столько? – не унимался Малинин, растирая сапогом упавший лепесток. Роза размазалась по асфальту легко, словно сливочное масло.

– Цветов потому что на похоронах было много. Слушай, не зли меня, а? – завелся Калашников. – Тебе делать больше нечего? Спроси еще, почему трава зеленая!

– О, и верно! – широко раскрыл глаза Малинин. – А действительно, почему?

Алексей мечтательно решил, что прямо сейчас, на улице, со всей силы даст ему в ухо. Свидетелей вокруг нет, престиж *Учреждения* не упадет. Это желание настолько явно отразилось на его лице, что, прочувствовав опасность момента, Малинин благоразумно замолчал.

Подождав с минуту, Калашников нехотя разжал кулак.

– Наконец-то. Продолжай держать рот закрытым. Итак, мне удалось узнать, что в основном сотрудники Дракулы коротали время в популярном здешнем баре – «Одиночество крови». Но сейчас, братец, мы с тобой отправимся вовсе не туда...

Малинину ужасно хотелось спросить – куда, но с закрытым ртом это было затруднительно. При его полном молчании Калашников с громким хрустом развернул заранее припасенную подробную туристическую карту района.

– ... Вот здесь, в соседнем пешеходном переулке, – ткнул он пальцем в обведенный красными чернилами кружок, – находится уютный дневной барчик «Грустные клыки». Там тоже хватает завсегдатаев – но таких, у кого в кармане не деньги, а слезы. Так вот, Гензель стабильно посещал его три раза в неделю. Машину мы пока оставим здесь.

Карта не соврала – они оказались перед дверями «Грустных клыков» ровно через две минуты. Впрочем, вход был заперт, а поверх замка красовалась табличка: «Мест нет».

– Забыл, где находишься? Обычная *городская* фишка, – успокоил собравшегося выламывать дверь унтера Калашников. – Подумаешь, нет! Для нас сейчас будут.

Он постучал. Раздался непонятный скрежет, потом звук отодвигаемой задвижки, и в верхней части двери открылась импровизированная форточка. Оттуда выглянуло унылое лицо с желтыми глазами и серой кожей – ну просто живая картинка к названию бара.

– Вы читать не умеете, блин? – отчетливо и злобно произнесло лицо. – Заколебали уже. Вечер авторской песни у нас, билеты еще неделю назад все продали. Высоцкий, Галич, Тальков сегодня выступают – нам эту дверь три раза за последний час пытались ломать, пришлось дубовым столом подпереть. Валите отсюда, пока я полицию не вызвал.

– Мужик, мы и есть полиция, – перед желтыми глазами оказалась черная пластиковая карточка, – и находимся в очень плохом настроении от того, как тут встречают гостей.

Через пять минут они сидели на кожаном диване в углу бара, а перед ними полукругом навтыжку стояли официанты. Запыхавшийся метрдотель поставил на стол два высоких бокала с красной жидкостью, изогнувшись в подобострастном поклоне:

– Прошу вас, уважаемые господа... От заведения, наш фирменный напиток.

Калашникова передернуло.

– Мы не пьем сушеную кровь. Убери свою гадость к чертовой матери.

Брови метрдотеля поползли вверх.

– Вы не вампиры?! Пожалуйста, извините. Просто другие существа сюда э-э-э... не ходят. То-то я и смотрю, почему ваше лицо такого здорового розового цвета...

– Если мы и будем сейчас пить кровь, то только вашу, – холодно улыбнулся Алексей. – Присядьте. Нам нужно серьезно поговорить относительно одного вашего клиента.

Метрдотель угодливо кивнул, присаживаясь на краешек соседнего стула. Он заметно нервничал – его клыки, торчащие из полуоткрытого рта, мелко дрожали.

– Итак, – сказал Калашников, доставая из кармана пиджака четверо свернутую копию фоторобота *носферату*. – Разумеется, вам хорошо знакомо это симпатичное лицо?

– Конечно, – с готовностью признал метрдотель. – Это кладовщик Гензель, работает у Дракулы, наш завсегдатай. Но с тех пор, как вы обклеили этими изображениями весь квартал, он к нам не приходил. Мы сразу известили бы вас о его появлении.

Малинин вертел в руках бокал, вглядываясь в отливающую темно-алым жидкость. Было видно, что ему интересно попробовать, но он никак на это не решится.

– Дело не в этом, – отмахнулся Калашников. – Понятно, что после того как мы поставили на уши *полгорода*, парень спрятался в какой-то дыре. Нас интересует совсем другое. Гензель всегда приходил в бар только один – или с кем-нибудь еще? Назначал ли он здесь встречи, устраивал романтические свидания или что-нибудь в этом роде?

Метрдотель отрицательно покачал головой – его клыки продолжали дрожать.

– Свидания? Даже по вампирским меркам Гензель красотой не блистал. Нет, он всегда приходил один. Кровь брал самую дешевую, на другую, вероятно, не было денег – да и откуда они у обычного кладовщика? Он даже за столиком

никогда не сидел, постоянно торчал на вертящемся стуле у бара – тем, кто покупает там выпивку, мы даем двадцать процентов скидки. Если он с кем-то и беседовал, то только вон с тем нашим барменом.

– Эй, Вилли! – неожиданно взвизгнул метрдотель, перебивая фальцетом гитарную музыку. – Бросай свои стаканы, срочно беги сюда! С тобой хотят поговорить.

Бармен настолько резво поспешил к столику, что чуть не сшиб по дороге официанта. Глядя с другого конца зала, как начальник *чересчур* любезно разговаривает с двумя странными незнакомцами, он уже сообразил, что посетители – люди отнюдь не простые.

– Вилли, расскажи этим господам все, что знаешь о Гензеле, – строгим тоном приказал метрдотель. – А я попрошу у вас разрешения откланяться. Дела, знаете ли. Высоцкий может обидеться, что я не уделяю ему достаточно внимания. Звезды – они и в Аду звезды.

Калашников феерично взмахнул рукой, и метрдотель в ту же секунду исчез.

– Говорят, вы общались с Гензелем долгое время. – В немигающих глазах вампира вспыхнул слабый огонек. – Нас очень интересует его поведение за последний месяц.

Бармен ощутил, что на его лбу бусинами выступают белые капли ледяного гноя. Дела оказались еще хуже, чем он думал. Эти двое – из *Учреждения*. Заменить твое жестокое наказание на еще более худшее, если что-то пойдет не так,

подобным типам – раз плюнуть.

На ресторанный эстраду, щеря клыки в улыбке, выскользнул франтоватый конферансье.

– А сейчас, уважаемые посетители, перед вами выступит тот, кого вы так долго ждали. Пр-р-рошу любить и жаловать – заслуженный артист *города*, председатель районного Общества трезвости и глава местного кружка борьбы с курением, наш почетный гость – Вл-л-ладимир-р-р... (последовала двухсекундная пауза) В-в-высоцкий!

На разукрашенный шариками помост вспрыгнул человек лет сорока, держа в руках гитару, – волевое лицо казалось вырубленным из камня. Он что-то крикнул хриплым голосом, но слов его никто не услышал – их заглушили бешеные аплодисменты.

Бармен Вилли попытался улыбнуться, всем своим видом демонстрируя дружелюбие.

– Может быть, принести что-нибудь выпить? Вы не волнуйтесь, я в момент обернусь.

– Если бы мы хотели выпить, то явно пошли бы в бар не в вампирском квартале, – Калашников начинал терять терпение. – Так тебе есть что поведать о Гензеле или желаешь проехаться до *Учреждения* и пообщаться там?

*Сон мне снится, вот те раз: гроб среди квартиры,
На мои похорона съехали вампиры...*

Зазвучало хрипло со сцены.

Напрягая голос, Калашников продолжал:

– В вашем баре свободно подают сушеную кровь. Ты в курсе, что это запрещено? У нас в гостях тебе понравится.

Вампир в этом сомневался, о чем можно было догадаться по его задрожавшему подбородку.

– Прошу прощения, я только из чувства гостеприимства... Да, мне есть что вам рассказать. Я сам не пришел в *Учреждение* только потому, что не предполагал, как это важно...

– Или потому, что вампиры называют нас тупорылыми вертухаями, а строгая корпоративная этика не позволяет им закладывать друг друга, – парировал Алексей.

Лицо бармена приняло такой оттенок, что было видно – еще секунда, и он упадет в обморок. Малинин пододвинул ему кровавый коктейль, и вампир осушил его залпом.

– Не... я не... ваше... я не... – хотя речь и вернулась к нему, она все еще была довольно нечленораздельной. Пришлось пустить в ход последний оставшийся коктейль. Проглотив и его, бармен затараторил без умолку, как будто у него внутри нажали кнопку.

– Да-да-да-да. В общем, дело такое, ага. Где-то пару недель назад Гензель, как всегда, зашел сюда после работы. Обычно он вел себя одинаково – надирался в одиночку до поросычьего визга и уползал домой. Однако на этот раз появился неестественно бодрый, веселый – никогда я его та-

ким не видел. Сел не за стойку, а за VIP-столик, хлопнул три самых дорогих коктейля подряд. Я смотрю на него и фигею – откуда у этого парня деньги? Зарплату, что ли, граф Дракула всем в одночасье повысил? Он с этих коктейлей сразу окосел, сидит, покачивается, улыбка – ну прям до ушей. Заметил меня, рукой машет – иди сюда, мол. Ну, я клиентов бросить не могу, показываю жестом – сам иди. Гензель подходит, залезает на стул и еще один коктейль заказывает себе, а другой – мне. Я его спрашиваю – с какого бодуна ты такой радостный? А он, значит, мне и отвечает...

Вампир плавно, почти вплотную переместился к самому уху Калашникова, и его слова затерялись в шуме очередных аплодисментов поющему Высоцкому.

Глава 35

Предпоследний курьер

(23 часа 49 минут)

Как обычно в таких случаях, встреча с новым курьером проходила при полном молчании. Минут через десять, придирчиво всмотревшись в бесстрастное лицо в темных очках, которое не выражало никаких эмоций, человек в черном одобрительно положил курьеру руку на плечо, тихо спросив у мальчика:

- Ты уверен, что и в этот раз у нас все прошло нормально?
- Уверен, – ответил тот без запинки. – Разве хоть раз были

проблемы?

– Не следует так говорить, – строго поправил бородач. – Когда у тебя долгое время все получается отлично, то в итоге притупляется бдительность: ты можешь допустить промашку и даже не заметить этого. А эта промашка будет стоить нам всего плана.

Мальчик почувствовал смятение. Разумеется, не стоит забывать, что человек в черном намного старше, опытнее и мудрее его. Но, кажется, и в этот раз он смог соблюсти **предосторожность**. Он понимал, что их план требует самой строгой конспирации.

– Да, – поклонился он. – Я прошу прощения, вы совершенно правы. Но заверяю вас, все было сделано в соответствии с вашими инструкциями. Я не отступал от них ни на минуту.

– Ты договорился о нем с теми же самыми людьми? – спросил человек в черном.

Курьер, казалось бы, не обращал внимания, что обсуждают именно его личность. Флегматично отвернувшись, он отрешенно смотрел в сторону – лишь однажды у него ошутимо дернулся уголок белесого рта, приоткрыв остатки гнилых зубов.

– Вы каждый раз спрашиваете меня об этом, – усмехнулся мальчик, но тут же спохватился: – Да, с теми же. Как всегда, они просили меня передать вам большое спасибо.

Человек в черном расслабленно полуприкрыл веки.

– Отлично, значит, с этим курьером можно начинать работать, – с предвкушением предстоящей *работы* произнес он, продолжая в упор рассматривать неестественно белое лицо в темных очках. – Тебе, наверное, смешно, но я привык все проверять и перепроверять по нескольку раз. Мой опыт свидетельствует, что так оно как-то спокойнее.

Окно глухо загудело – душный ветер бросил в него тяжелую, размером с хорошую виноградину каплю дождя, потом еще одну. Струйка воды потекла по стеклу, изгибаясь подобно змее.

– К счастью, нам осталось недолго, – успокоил бородача мальчик. – Полагаю, мы отправим максимум еще одного курьера, и все закончится. Не стоит так волноваться.

Человек в черном вздохнул. В столь опасном деле, в котором они замешаны, не следует испытывать подобного радужного оптимизма. Молодежь, что с нее взять.

– Знаешь, у меня к тебе просьба – когда я сегодня закончу, позвони этим людям опять и договорись относительно доставки свежего курьера. Может случиться так, что новая транспортировка *эликсира* и инструкций для **исполнителя** потребуются уже послезавтра, а у нас под рукой не будет нужного человека. Я понимаю, что курьер может и не найтись так быстро. Но, по крайней мере, пусть они имеют в виду нашу просьбу.

– Я могу им позвонить прямо сейчас, – мальчик с готовностью полез в карман.

– Нет-нет. Сделаешь это позже. Сейчас нужно помочь *нам* спуститься в подвал.

Тонкий рот курьера снова дернулся, верхняя губа искривилась, но он не произнес ни звука. Купленный на рынке костюм сидел на нем, словно влитой, однако галстук неряшливо сбился набок. Он пошевелил рукой, словно что-то разыскивая вокруг себя, пальцы с глухим стуком ударились о стол. Человек в черном и мальчик оглянулись, на полуслове прервав беседу. Их тревога оказалась напрасной – лицо курьера, разгладившись, приобрело обычное безмятежное выражение.

– Смотри-ка, этот парень нетерпелив, – улыбнулся человек в черном и посмотрел на часы. – Ладно, мне уже пора приступить к его экипировке. Времени меньше, чем обычно: ранним утром он должен передать свой **груз** связному в условленном пункте. Но ничего, я справлюсь. На улице уже стемнело – мы можем пригласить курьера перейти в подвал.

– Мне помочь вам? – услужливо осведомился мальчик.

– Это было бы неплохо. Но после сразу же возвращайся обратно – тебе надо следить за безопасностью дома и вежливо отвечать на телефонные звонки. Как только я закончу с курьером, ты можешь считать себя свободным и отправляться спать.

...Сидя в оборудованном для него подвальном закутке, Гензель увидел, как все трое медленно, цепляясь за каждую ступеньку, спустились по расшатанной лестнице. Лицо ку-

рьера не вызвало у него особых эмоций – эти типы все как один похожи друг на друга. Как однажды справедливо заметил связной, «их выращивают в лабораторном инкубаторе». Точнее не скажешь. Куда деваются курьеры после того, как доставляют ценный груз, Гензель не знал – их дальнейшая судьба его не особенно волновала. Возможно, они просто больше ни на что не годятся.

С лязгом закрывая подвальную дверь за мальчиком, человек в черном обернулся и вновь осмотрел развязно развалившегося на стуле курьера: тот не пошевелился. Дождавшись, пока затихнет скрип шагов вверх по ступенькам, он поманил пальцем в темноту. Щурясь от света лампочки, Гензель бесшумно выступил из тени.

– Я обещал тебе показать, как курьеру удастся носить эликсир, – сказал хозяин подвала. – Думаю, этот час пришел. У нас мало времени, а одному мне быстро не справиться. Тебе придется помочь, если ты не особенно возражаешь. Возьми капсулы, только осторожно.

Вампир задохнулся от счастья и хрипло закашлялся.

– Кх... кх... тьфу... извините... Я не верю своим ушам, господин. Какая честь для меня.

Человек в черном, присвистнув, недовольно перекошил лицо.

– Давай обойдемся без лести. Меньше слов – больше дела.

Он снял с курьера темные очки и тщательно взгляделся в его мутные глаза. Тот выдержал взгляд, однако через неко-

торое время его веки чуть-чуть дрогнули. Гензель готов был поклясться, что курьер издевательски подмигнул хозяину подвала.

– Все в порядке, – произнес человек в черном. – Мы можем начинать.

Часть вторая

Две печати

Если на Земле хреновая жизнь, то почему в загробном мире она должна быть лучше?

Капитан Дэйви Джонс, «Пираты Карибского моря: Сундук мертвеца»

Глава 1

Связной

(23 часа 52 минуты)

Пожилой офицер в зеленом мундире вертел между пальцами авторучку, постукивая ею по рабочему столу. Лак, покрывавший обшарпанную столешницу, начал трескаться.

Он еще раз привычным жестом поправил очки в тонкой оправе – на переносице осталась бледная вмятина. Подошло время, но курьер так и не появился. Он дважды звонил своему *человечку* в «транзит», но тот сам находился в растерянности. Прежде столь значительных перерывов в транспортировке *эликсира* еще не было. Грешным делом, он начал предполагать про себя, что заказчик передумал. Но если так, то что делать с **исполнителем**?

Все, что киллеру о нем известно, – это телефонный номер.

Поменять? Нет, вряд ли это поможет. При желании **исполнитель** легко найдет на любом рынке ДВД с полной базой *городских* мобильных номеров и выяснит, кому принадлежит этот номер сотового. Если он уже этого не сделал. Впрочем, офицера не сильно волновала вероятность, что киллер узнает его имя. Если убийцу и поймают, то этот человек проглотит капсулу, оставив преследователям тлеющие частички пепла. Сеть, связывающая его, **исполнителя**, Гензеля и заказчика, не должна рассыпаться – это понимал каждый из них, посвященный в *тайну*.

...Хлопнула дверь – офицер вздрогнул, ручка, треснув, сломалась. В кабинет ворвался вихрастый белокурый красавчик с чашкой, до краев наполненной кукурузным кофе. Не сбавляя оборотов, он запнулся о пыльный ковер, часть черной жидкости выплеснулась на пол. Густой аромат заполнил комнату – даже с десяти метров любой определил бы, что это подкрашенный спирт. Офицер широко развел руки в стороны:

– Ба-а-а, Серега! Сто лет тебя не видел – как дела, пропащая душа?

Красавчик пошлепал прокуренными губами, метко сплюнув в угол сгусток жвачки.

– Шутишь, что ли? Как в этом проклятом месте могут идти дела? Вчера опять поместили в психушку двух парней из китайского отдела – нервный срыв. У кого получится контролировать черный рынок, если каждый день эти сволочи

лезут в *город* десятками тысяч? Подобными темпами у нас половина всех жителей будут китайцы! Я тебе так скажу – Шефу надо что-то делать с их рождаемостью на Земле. Если в этом гребаном Китае произойдет гражданская война или случится какая-нибудь эпидемия, нам придется пахать в три смены. А мы еще от позапрошлого года цунами не отошли.

«Еще бы, – злорадно подумал офицер. – Волнуешься, сволочь? Это тебе не стишки пописывать, романтик хренов. Здесь люди ночами вкалывают, а не бумагу марают. Хорошо бы и тебя в психушку с нервным срывом отправить. Тебе не привыкать».

К счастью для пожилого офицера, поэт Сергей Есенин не умел читать чужих мыслей. Впрочем, поэтом его называли скорее по привычке – складывать стихи он давно разучился. Есенину удалось получить сравнительно легкое наказание: попавшие через двенадцать лет после его смерти в *город* сотрудники ГПУ подтвердили, что он был убит, а не повесился в припадке похмельной депрессии, вскрыв перед этим вены. Это был существенный плюс, ибо самоубийцам из века в век *Учреждение* придумывало изощренно жестокую кару – последние три года, например, они задом наперед пели «Лучшие хиты» Верки Пердючки. На протяжении получаса исполнив «Меавипс олесев ым, пог-пог-пог», люди были бы рады тому, чтоб их рвали на части раскаленным железом.

В *городе* Есенин чувствовал себя не так уж плохо. Узнают на улицах, девушки подходят за автографами, лысые му-

жики в ресторанах, заливая слезами и без того разбавленное пиво, надрывно поют «Будто кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож», от журналистов – отбоя нет. Главный Суд не стал включать графу «забвение» в его приговор, а то бы ремонтировал сейчас текущие унитазы на индийских окраинах, как неосмотрительно отравивший Моцарта завистливый композитор Сальери.

«Жаль, что заказчик тобой не интересуется, – кивая в нужные моменты головой, думал офицер, сочувственно улыбаясь Есенину. – Осточертел мне уже, скотина пьяная. И зачем таких держат? Целый день спирт хлещет и на служебных бумагах голубков рисует».

Вслух он ласково сказал, прикрепляя ржавым степлером один бланк к другому:

– Да ладно, братан, расслабься. Какие-нибудь пятьдесят тысяч лет, и ты сможешь подать прошение о смягчении наказания. Не исключено, что тебя переведут из чиновников нашей конторы в корреспонденты той же «Смерти». Поди плохо! Будешь сидеть, худо-бедно стишки ко дню рождения Шефа кропать. А что? Все ж не за китайцами бегать.

– Не знаю, – кисло ответил Есенин, машинально сделав приличный глоток спирта. – Я вот думаю – может, и не подавать ничего? Привык тут за восемьдесят два года. Сидишь, бумажки перекладываешь, тепло, светло и мухи не кусают. Боюсь, сменю шило на мыло – и буду потом, как суслик, по пресс-конференциям без передышку носиться.

Офицер был воспитан на стихах Есенина, считая его божеством. Он никогда не предполагал, что они могут встретиться лицом к лицу, а потому мещанское поведение имени-того поэта его раздражало. Все-таки хлипкий народ эти творческие люди. Легко быть популярным, когда у тебя вокруг никаких конкурентов. А попробуй так, влезешь в автобус – Пушкин билетики продает, зайдешь в забегаловку – Цветаева подносы с пивом разносит, остановился сигарет купить – Лермонтов из киоска «Житан» протягивает. Таким представишься по имени, они, свиньи эдакие, еще и переспросят: «Кто-кто?».

Нет, *gorod* знаменитостей быстро опускает, он на себе это ощутил, хоть не поэт и не поп-звезда. Серега Есенин конкуренции не выдержал, стихи писать бросил – а вот «беленькую» пить не перестал. Смена в конторе только-только началась, а от него несет перегаром так, что, стоя рядом, закусывать можно. Судя по тому, в каких количествах он лакает, в его квартиру спирт подают по водопроводу.

– Ну, как знаешь, – с ухмылкой заметил офицер. – Дело хозяйское. Если тебе тут нравится, так я буду только рад: реально счастлив, что работаю с таким человеком, как ты.

– И я тоже, – обрадовался Есенин. – Ладно, побегу. Заглянул к тебе на минутку поздороваться. Кстати, твоя смена-то кончилась. Чего домой не идешь?

– Так сам видишь – дел выше крыши, – поморщился офицер. – Сегодня опять землетрясение в Иране, сейчас столб-

ко народу будет на контроле в намотанных бинтах – мама не скучай. В общем, я еще три-четыре часа задержусь, поработаю. Это наверняка лучше, чем потом, начиная с обеда, носиться по конторе со взмыленной задницей.

– Как желаешь, дорогой. Ну, все, обнимаю тебя.

– Удачи, старикан.

Улыбка сползла с лица офицера, когда дверь захлопнулась за Есениным. Да, такие мерзавцы везде устроятся так, как им удобно. Видел он, как этот поэтишка выходит из офиса: у проходной толпа девок с цветами, мокнут под дождем. А что он сделал такого? Спас кого-нибудь, помог, позаботился? Нет. А вот к нему, хотя он столько помогал людям, ни одна собака с цветами не подойдет. Однако с другой стороны – кто сказал, что в Раю лучше? Не любоваться же на эти самодовольные морды праведников, важно расхаживающих в сопровождении гидов по кварталу с котлами. Может быть, Рая вообще никакого нет, а все тамошние туристы – изобретение Шефа, чтобы еще больше злить *горожан*? Ладно, что толку ломать голову. Проверить все равно нет и не будет возможности.

Щелчком ногтя он стряхнул перхоть с зеленой ткани на левом плече. Спину ломило от влажной и душной погоды – ревматизм давал о себе знать. Ну почему здесь из времен года всегда только весна и осень, когда обостряются хронические болезни? Заказчик говорит правду: хуже, чем в Аду, быть не может. Ничего, как только прибудет курьер, станет

повеселее. **Исполнитель** прикончит еще парочку *кандидатур*, в *городе* опять начнется небывалый хаос.

Он прячет ехидную улыбку в присутствии коллег, когда в курилке речь заходит об Ангеле Смерти, – о, что бы они отдали за возможность узнать то, что уже давно известно ему! И хотя боль в спине не прекращается, напоминая уколы ножа, он твердо решил оставаться в офисе до конца ночи.

Поднявшись со стула, офицер подошел к жужжащей кофеварке и налил себе чашку отвратительно пахнущего кукурुзного эрзац-кофе. Ждать еще долго, а он не хочет, чтобы его в нужный момент сморил сон.

Старинные часы с кукушкой на обшарпанной стене громко пробили полночь.

Глава 2

Ключ

(ранее, 17 часов 01 минута)

Калашников и Малинин ушли из «Грустных клыков» лишь к вечеру, когда подвергнутый перекрестному допросу бармен окончательно стал напоминать выжатый лимон. Вволю поиграв в доброго и злого следователя, они выцедили из него все, что только было можно. Судя по всему, вампиру завтра придется брать больничный.

На улице стали появляться люди – темнело, а это значит, что в вампирском квартале начинался рабочий день. До ма-

шины оба дошли молча. Плюхнувшись на сиденье, Калашников первым делом включил служебный диктофон, быстро перемотал запись на начало и сделал максимальную громкость.

Аплодисменты поклонников Высоцкого, как он и предполагал, записались на заднем плане – нервный, прерывистый шепот вампира звучал вполне отчетливо, каждое слово было слышно и без наушников.

«А он, значит, мне и отвечает... Бабла у меня теперь будет столько, сколько я захочу... И не только бабла... ты, говорит, в курсе, с какими людьми я познакомился? Дракула – щенок по сравнению с ними... и понесло его прям... я, шипит, на уши тут все поставлю... заплачут еще кровавыми слезами, что столько лет на меня плевали, а поздно будет... терпеть не могу ваш ублюдочный *город*... и кошелек с золотом кидает на стол: тащи, мол, еще коктейли, самые лучшие. Ну, я-то вижу – человек пьяный, несет невесть что... ты как, интересуясь, домой-то пойдешь в таком состоянии, все деньги ведь растеряешь... А он мне на ухо – тс-с-с, не волнуйся, я не такой дурак... с собой лишь малую часть ношу, чемоданчик – в *тайничке*. Я спрашиваю – кто ж тебе такое богатство отсыпал... и самое главное – за что? Кхе-кхе... а он даром что пьяный, но головой мотает: не могу тебе сказать. Но, говорит, я этот долбаный *город* так ненавижу, что мне и денег не надо, даром бы помогал – в общем, хрень какая-то. Никогда я его таким не видел, а тут – ну прямо другой человек

родился. Смотрит на всех свысока, цедит сквозь зубы, толкнули слегка – драться полез... совсем чокнулся. Выпил пятый коктейль – совсем беднягу развезло. Обнял, поцелуями слюнявит. Ты, плачет, Вилли, хороший мужик. И рад бы тебе помочь, но не получится у меня ни фига – прости меня, пожалуйста. Ну, думаю, окончательно уже мозги себе залил – с какого хрена мне-то помогать? Упал он лицом в соленый арахис и заснул. Наша служба VIP-клиентуры его потом на лимузине домой проспаться отвезла – он одних коктейлей на сто золотых выхлебал».

Алексей нажал на кнопку «стоп» – монолог вампира захлебнулся на полуслове. Еще пару минут он просидел, не двигаясь и всматриваясь в черную мглу без звезд, заменявшую *городу* небо. Малинин почтительно молчал.

– Нужно позвонить Краузе, – не отрываясь от мглы, объявил Калашников.

Малинин поспешно выхватил из кармана мобильник и, путаясь в цифрах и матерных словах, набрал двадцатизначный номер. Раздались короткие гудки. После десяти попыток дозвониться унтер-офицер с размаху ударил телефон о руль. Тот издал жалобный писк и непонятное гудение. Связь, впрочем, это действие никоим образом не улучшило.

– У тебя что, Хеллафон? – с усмешкой осведомился Калашников.

Не в силах скрывать разочарование, Малинин нервно кивнул.

– Ну и дурак же ты, братец. Нашел к чему подключаться – у них почти круглые сутки занято. Потом заедем в *Учреждение*, кинь мне по электронной почте служебную записку, тебе выделяют номер спутникового провайдера. На, звони пока с моего.

Однако калашниковская связь тоже не помогла – из трубки слышались все те же короткие гудки. Алексей сложил телефон вдвое – половинки стукнулись друг об друга.

– И кто у него на линии повис? Ладно, может, человек с Шефом разговаривает.

Еще три часа назад, получив зашифрованные sms от Калашникова, Краузе и Ван Ли с опергруппами должны были срочно выехать на задания. Первый – на квартиру Гензеля, второй на его рабочее место – склад с дракуловскими розами. Приказ был следующий: вскрыть в помещениях все, включая пол и стены, дабы найти следы возможного *тайничка*.

Алексей не сомневался, что оперативники *Учреждения* уже всю разносят паркет по досочкам, вспарывают подушки и разрушают панели стен. Волновало лишь то, что от них до сих пор не поступило никаких новостей. Пожалуй, они здорово сгупили, что не раздраконили эту квартиру раньше, ограничившись поверхностным обыском. Вот что значит отвыкли от настоящей работы за столько лет. Да, это не на китайские закусовые облавы устраивать. Алексей посмотрел на своего подчиненного, но впечатленный утренними разборками Малинин тактично не произнес ни слова, он

лишь механически поглаживал руль и ожидал, пока начальство передохнет и разродится ценными мыслями.

– У меня скоро голова лопнет, – скрежеща зубами, простонал Калашников. – Будь я проклят, но я совсем ничего не понимаю. Крутимся, как белки в колесе, спим по три часа в сутки, опросили кучу свидетелей – а мозги спеклись на том же месте. Сталина никак найти не можем – два часа сегодня потратили, чтобы его однокашников из семинарии вытащить, и какой в итоге компромат получили? Как он в уборную тайком бегал курить? Ни о каком Иуде и слова не было, конечно, о чем в семинарии еще разговоры? Исключительно о бабах и выпивке. Неудивительно, что все его сокурсники здесь...

Малинин сочувственно захлопал ресницами – он испытывал схожее чувство относительно спекшихся мозгов. Ему захотелось треснуть начальство по плечу – «Да успокойся, Лех, все будет нормально» – но, еще раз вспомнив утро, делать этого он не стал.

Смачно выматерившись фразой из десяти слов, Калашников нажал на кнопку – стекло с тихим шумом поехало вниз. Ожесточенно сплюнув в приоткрытое окно автомобиля, хотя правила *города* строжайше запрещали плевать в **левую** сторону, Алексей продолжил монолог:

– Итак, в сотый раз... У нас объявился маньяк, который прикончил трех самых известных людей двадцатого века. Промежду делом сжег химика, который исследовал орудие

убийства, – ну просто монстр-людоед, хладнокровный киллер. Впрочем, у нас тут у всех кровь холодная, ну да неважно. Важно другое – ему втихую помогает скромный вампир-кладовщик, который исчезает сразу после прокола с цветами. За неделю до начала серии убийств этот вампир надирается в баре, где швыряет золото в разные стороны и говорит, что у него теперь офигительно богатые спонсоры, он всем сердцем ненавидит *город* и ему ужасно жалко бармена. Знаешь, дорогой мой, что из всего этого выходит?

Разумеется, Малинин не знал. Зато он знал, что начальство обожает эффектные паузы. И сейчас пришло самое время уставиться на него удивленным взглядом – что он и сделал.

– Выходит из этого то, – закончив эффектную паузу и понизив голос до шепота, заявил Калашников, – что тянем мы ниточку, распутывая узелок за узелком, и никак они не кончаются. А вот того, кто эти узелки вяжет, разглядеть не можем. Мне хотелось бы знать, кто из наших стал «кротом». Но не могу сказать, что он интересуется меня в первую очередь. Самый главный в цепочке – заказчик. Серега, ты знаешь – я перед ним начинаю преклоняться. Гениальный парень, продумавший все до мельчайших подробностей, собравший во круг себя **ударную** команду. Сейчас он наверняка смотрит новости и смеется над нами, прихлебывая ледяное пиво. Чего он хочет? Чего ждет?

Малинину на ум неожиданно пришла сцена из молодеж-

ного триллера-ужастика: «Я знаю, что вы сделали прошлым летом». Там девушка, чувствуя, что где-то рядом прячется убийца, раскинув руки, кричит: «Чего ты жде-е-ешь? Чего-о-о ты-ы-ы жде-е-ешь?» – и ему вдруг стало смешно. Отвернувшись от Алексея, он, дергаясь, скривил рот.

Однако Калашников малининские терзания проигнорировал. Оживленно размахивая руками, насколько позволяло пространство машины, он дискутировал с самим собой. Голову Малинина он тоже не замечал – пару раз тому пришлось шустро пригнуться, дабы элементарно не заработать по загревку во время жестикуляции начальника.

– Можно ли предположить, что он испытывает *вещество* на жителях *города*, как на лабораторных кроликах, стараясь познать его силу? Сомнительно. Заказчик специально старается вызвать резонанс, чтобы сюжеты об Ангеле Смерти крутили по ТВ круглые сутки. Если он изобрел способ, чтобы готовить мутировавшую святую воду, зачем ему было посвящать в свой план столько лишних людей? А вообще – посвящены ли они? Я не удивлюсь, если половина его сообщников понятия не имеют, для чего именно их наняли и какую конкретно цель преследует заказчик. Но тогда у него просто уникальный талант. Да, люди в отделах *Учреждения* действительно не ангелы – они берут взятки у китайских торговцев, но им смысла нет рисковать карьерой в случае шокирующего преступления, которое, ко всему прочему, на личном контроле у Шефа. Несмотря на это, заказчик с легко-

стью нашел «крота» среди наших. Интересно, чего такого он мог ему пообещать?

Жаркие рассуждения прервал звонок мобильного. Со словами «О, наконец-то!» Калашников схватил трубку. Но это оказался вовсе не долгожданный Краузе.

– Алексей, послушайте, это просто чудовищно! – услышал он в динамике рыдающий голос доктора Склифосовского. – Ну почему, почему я все узнаю последним? Подумать только, мы с покойным Дмитрием Ивановичем только на прошлой неделе играли в шахматы, а тут – раз, и на тебе... Я с ума схожу, у меня его смерть в голове не укладывается. Знаете, ведь на этот раз мне даже никто не позвонил, чтобы я обследовал место преступления, – какое свинство! Вы не в курсе, голубчик, когда состоятся похороны Менделеева?

– Николай Васильевич, какие похороны, о чем вы говорите? – Калашников пытался как можно деликатнее отвечать хирургу, но корректные словосочетания соболезнавший, как назло, в уме не находились. – Извините, но мы же и так находимся под землей.

– Ах да-да... это вы меня извините, батенька, – стонал Склифосовский, перемежая речь трубными всхлипами. – Я в таком состоянии, что ничего, совершенно ничего не сообщаю... Действительно, где ж его тут хоронить-то... Милейший был человек... Ума не приложу, почему так случилось... Жестока судьба, ведь он и так один раз уже умер! И настолько был предан своей работе, сейчас уже подобных,

знаете ли, не встретишь...

Калашников тактично молчал, изредка кивая, как будто профессор мог его видеть. Прервать разговор первым он не мог, считая это невежливым.

– Такая светлая голова, – изливался Склифосовский. – Фонтанировал идеями, сидеть на одном месте не мог, по десять блокнотов в день изводил – чуть что ему придет в голову, так немедленно записывает. Очень переживал, что тут химия никому не нужна. А тело, голубчик... тела-то не осталось, чтобы я хотя бы проститься с ним мог?

– Нет, Николай Васильевич... Все как в прошлые разы – чуть-чуть угля и пепел.

– Чудовищно, просто чудовищно... До чего мы дожили, если уже и в Аду нам, старикам, никакого покоя? Ох-ох-ох... пойду прилягу, сердце разболелось – сил нет... Алексей, вы уж, батенька, держите меня в курсе, как там и что происходит... обязательно держите.

– Конечно, Николай Васильевич. Пожалуйста, поправляйтесь.

Он выругал себя за то, что не посмотрел определившийся номер на дисплее. Дед явно расстроен – чего доброго, начнет звонить подряд каждую минуту. Взбредет доктору в голову, что следующая жертва киллера – он, так и вовсе такое начнется... Не захлопывая крышку мобильного, Калашников снова набрал номер Краузе. Телефон все так же оказался беспробудно занят. Он что, тоже к «Хеллафону» подклю-

чен? Странно, вроде бы нет. Однако в ту же секунду аппарат замигал красными огоньками.

– Алло.

– Леха? Ты меня слышишь? Это Ван Ли! – с китайским акцентом закричала трубка.

– Слушай, тебя за смертью посылать, – чертыхнулся Калашников. – Интересно, где вы вместе с Краузе пропадаете столько времени?

– Переворачиваем склад. Сломали все, что только было можно. Дракула в бешенстве – сказал, что вышлет Шефу факс с подробным описанием убытков от нашего визита.

– Пускай пишет. Не тяни kota за хвост... вы что-нибудь нашли?

– Естественно – поэтому я тебе и звоню.

В животе у Калашникова сладко заныло от предвкушения.

– Знаешь, тайника как такового обнаружить не удалось, – продолжал Ван Ли. – Однако под одной из половиц на рабочем месте Гензеля мы откопали железный ключик. Никто бы не обратил на него особого внимания, но один из наших совсем недавно был на вокзале – ездил в отпуск в гавайский квартал. Так вот он сразу опознал этот ключ – точь-в-точь, как для ячейки камеры хранения на вокзале, куда он сдавал чемодан с одеждой...

– Какой на этом ключе номер?! – заорал Алексей.

– Да в том-то и проблема, что никакого номера нет, – сухо сказал Ван Ли, недовольный тем, что его прервали на

полуслове. – В районе проживания Гензеля мы насчитали примерно двадцать крупных вокзалов с похожими камерами хранения. Я отдаю этот ключ в мастерскую – пусть сделают сотню копий. Опять не будем спать всю ночь – придется срочно прошерстить ВСЕ вокзалы в округе, причем максимально осторожно, чтобы не вызвать подозрений публики и избежать внимания тележурналистов.

– Вот как? Это отнимет приличное время, – разочарованно протянул Калашников.

– У нас нет выбора, – ответил Ван Ли. – Кстати, откуда тебе удалось узнать про тайник?

– Да какая теперь разница, откуда, – отмахнулся Алексей. – Краузе связывался с тобой?

– Нет, я ему звонил сам – спрашивал, не нашел ли он второй ключ с номером, потому что обычно на вокзалах их выдают клиенту парой. Короче, бедняге Краузе повезло куда меньше: его ребята полностью перерыли вампирское жилище, но удача им не улыбнулась, – в голосе Ван Ли слышались нотки превосходства. – Первым делом, еще до того как изучать камеры, я отправлю по одному человеку на каждый вокзал. Там в Бюро хранения традиционно работают пенсионеры из Средневековья, такие телевизор не смотрят ввиду того, что столетиями не могут к нему привыкнуть. Мы покажем им фоторобот Гензеля, и, может быть, они его вспомнят. Ведь такого клиента трудно забыть.

– Согласен, – улыбнулся Калашников. – Ладно, звони, ес-

ли что.

– Договорились.

Алексей прислонился затылком к теплому подголовнику. Разговор с Шефом по поводу **тринадцатого** больше откладывать нельзя. Даже учитывая то, что он обязательно получит по голове: не доложил о записке Сталина, а попытался разобраться с ней самостоятельно. Однако делать нечего – пора ставить босса в известность. После убийства Менделеева стало ясно, что киллер вовсе не планирует останавливаться, поэтому срочно требуется допросить Иуду. Он проворно повернулся к Малинину, дабы приказать ему гнать на всех парах в *Учреждение*, но безобидная фраза «Вези к Шефу» внезапно застыла у него на кончике языка. Ё-мое... Ну конечно... как же он сразу-то не подумал!

Малинин изумленно наблюдал за начальством, замершим с открытым ртом.

«Беда... нашего пристава точно так же апоплексический удар хватил, когда он блины на Масленицу кушал», – пронеслась тревожная мысль в малининской голове. Впрочем, ему понадобилась еще минута, чтобы сообразить: в том месте, где они сейчас находятся, в принципе не существует апоплексических ударов. Даже какого завалившего микроинсульта – и того нет, все доктора-специалисты сидят без работы.

– Вашбродь... – Малинин потеревил начальство за плечо. – У вас все нормально?

Калашников неожиданно понял, что сидит напротив Малинина с весьма странным видом, выпучив глаза и открыв рот. Он захлопнул его с чемоданным стуком, прикусив себе язык.

– Твою мать! Ой... Да-да. Все чудесно. Заводи тачку, срочно едем в...

Он продиктовал уже знакомый унтер-офицеру адрес.

– Туда? – изумился Малинин. – Мы же там... Шефу это не понравится.

– Так надо, – завершил дискуссию Алексей. – Не рассуждай, быстро поехали.

Пара пожилых украинских вампиров, переходивших дорогу под ручку, шарахнулась, чуть было не попав под колеса внезапно сорвавшегося с места «БМВ».

Глава 3

Пропущенный звонок

(3 часа 11 минут)

Молчание связного могло означать только одно: курьер еще не приехал. Но даже понимая это, киллер не находил себе места. Несколько раз за час он брал телефон в руки, набирал заветный номер, но в последнюю секунду нажимал красную кнопку «отбой». Незачем отрывать человека от дела, успокаивал он себя. Как только будут новости, связной обязательно позвонит – в ту же секунду.

На электронном табло будильника светящиеся минуты сменялись одна за другой, но телефон по-прежнему был мертв. Он честно попытался читать книгу, однако строчки расплывались в глазах – убивая время в ожидании заветного звонка, киллер валялся на диване и с тошнотворным ощущением смотрел телевизор. Выходных дней в *городе* не существует, а отпуска предоставляются только государственным служащим, десять дней раз в сто лет, в дневное время телевидение смотрят лишь домохозяйки. Но телепрограммы составлены так, что любого нормального зрителя доводят до белого каления.

Уставившись тусклым взглядом в экран, киллер искренне сожалел, что ему не поручили убивать телеведущих.

– В прямом эфире реалити-шоу «Стон-2», и с вами я – Кристина Онассис, – визжала в микрофон бывшая брюнетка, перекрашенная в блондинку контрабандной перекисью. – Только у нас вы можете видеть, как влюбленные пары с утра до вечера строят дом своей мечты. Каждую ночь наши рабочие разрушают его до основания, после чего совершенно очумевшие пары принимаются дом строить заново. И так – каждый день! Сердечные приступы, крики «Да сколько можно!», травмы на стройплощадке, угрозы развода и рабский труд, как в Древнем Египте, – все это в шоу «Стон-2»! Не пропустите!

«Просто кошмар какой-то, – с содроганием подумал убийца, переключая канал. – И кто эти идиотские шоу придумы-

вает? Самое странное, что от добровольцев туда отбоя нет».

Следующая программа его тоже вовсе не обрадовала. Из динамиков, заставив вибрировать пол, ударила исполняемая с сиротским надрывом песня: «Посмотри, посмотри ты по сторонам: ты не хочешь кого-то съесть? Закуси хоть сама собой! Целый мир напугали твои глаза, пожалей ты вокруг людей – ешь не мясо, а ешь морковь!» Суперпопулярный в *gorode* сериал шел уже последние лет десять – он давно потерял счет сериям, их было несколько тысяч или что-то около того. Сюжет, похоже, опять придумали придурки из Голливуда или Латинской Америки, пачками заполонившие местное телевидение.

Девушка-вегетарианка по постановлению Главного Суда попадает на стажировку в городскую фирму, где работают кровожадные людоеды. Начинаются ужасные интриги – из ее сумки похищают огурцы и капусту, подкладывают в витаминный салат мясо, насильно заставляют смотреть фильм «Съеденные заживо». В конце концов, как и положено, все становится хорошо: в девушку влюбляется стильный молодой каннибал, директор фирмы, который сам начинает есть пророщенные семена, пропагандируя здоровый образ жизни, в результате чего половину фирмы отвозят в психушку.

Дернувшись, убийца вновь щелкнул пультом. Нет, до чего же все-таки несправедлива местная система наказаний. Вот его дряхлая соседка, унтершарфюрер СС фрау Браунштайнер, с превеликим удовольствием смотрела бы подоб-

ные сериалы, но ей их, разумеется, никто не покажет – за теле-трансляциями в частные квартиры строго следит фильтр *Учреждения*. Исключение составляют лишь выпуски новостей. Они-то как раз выходят для всех, но *городские* журналисты из кожи вон лезут, чтобы новости обязательно были плохими, дабы создать сосущее сердце ощущение депрессии.

Сериал не исчез – похоже, кнопка на пульте не работала. Он надавил снова, но она издала лишь пронзительный писк – на каналах началась реклама, занимавшая половину всего эфирного времени. В такие моменты пульт автоматически блокируется, а ТВ не выключается, даже если выдернуть шнур из розетки: работает автономное питание.

– Всем привет, это операция – «Сайд», или кипячение. Новые алюминиевые котлы «Сайд» – прекрасная посуда для наказания грешников в туристическом квартале, – скороговоркой кричал с экрана молодой человек в щегольском костюмчике. – Вам не нужно доставлять к месту мучений дрова или изнурительно долго ждать, пока вода согреется: котлы «Сайд» кипятят в десять раз быстрее, доставляя грешникам потрясающие страдания.

– Ну, я не уверена, – театрально мялась толстуха в форменной тужурке, которой молодой человек сунул под нос микрофон. – Обычно во время моей смены мы нормально кипятим грешников, и я довольна своим обычным котлом. Не думаю, что «Сайд» мне поможет.

– Ага-а-а! – истерически завопил в ответ молодой человек. – Посмотрим, что вы скажете после того, как мы попробуем «Сайд»! А ну-ка, подключите его.

Из блестящего котла пар пошел буквально через секунду, после чего оттуда донеслись душераздирающие крики грешников. Проходившие мимо туристы из Рая шарахнулись в сторону и защелкали фотоаппаратами, стремясь запечатлеть кипячение на память.

– Ну как, что вы теперь выбираете? – азартно подмигнул ведущий.

– О... только «Сайд»! – нежно улыбнулась толстуха, запихивая обваренных грешников, пытающихся выпрыгнуть наружу, обратно в новенький котел.

Молодой человек лихо повернулся на каблуках навстречу телекамере.

– Вы все еще кипятите? – заорал он. – Тогда мы идем к вам!

Кидать в телевизор пультом, насколько киллер знал по предыдущим попыткам, было бесполезно. Застонав, он зажал уши руками и закрыл глаза. Реклама одинаково донимала всех, и проклятое *Учреждение* пользовалось этим на полную катушку. Он еще сильнее зажмурился, и неожиданно среди радужных точек у него в мозгу отчетливо отпечаталось лицо Калашникова – то самое, с рекламного плаката газеты «Смерть». Мерзавец и тупица. Когда же наконец они встретятся?

Средство против него он уже выбрал. Когда начнет рассветать, надо будет заглянуть в камеру хранения и забрать порцию **СПЕЦИАЛЬНОГО эликсира**. Не отрывая рук от ушей, он открыл глаза и бросил взгляд на шкафчик, где лежали два ключа, – заботливый Гензель сделал ему копию со своих собственных. Связному пока было решено ключей не давать – могло возникнуть подозрение, для чего столько разных людей зачем-то посещают одну и ту же ячейку на вокзале.

До конца рекламного блока оставалось еще минут десять – он сознательно не поворачивал голову в сторону телевизора. Почему же все-таки исчез связной? Может быть, заказчик обиделся на его прокол во время «работы» с Мэрилин Монро, благодаря чему пришлось отказаться от помощи Гензеля, и... решил найти другого **исполнителя**? Его прошибла дрожь. Хреново, если это так. Что же тогда делать, ведь без *эликсира* он абсолютно беспомощен! Киллер сжал пальцы, сухо хрустнув фалангами. Нет-нет. Такого не может случиться. Они нужны друг другу, как звенья одной цепи. Даже если бы заказчик сошел с ума, у него просто нет времени искать нового **исполнителя** – сроки поджимают.

Он задел краем взгляда мобильник и вздрогнул. Телефон! Черт возьми, с этой гребаной рекламой он совсем забыл про телефон! Рывком схватив трубку, он с отчаянием увидел на дисплее мерцающие цифры – пропустил звонок, когда сидел с зажатыми ушами. Черт, черт, черт! Киллер нажал кнопку

так, что от натуги покраснел большой палец, – высветился номер мобильного, принадлежащий связному. Би-и-ип, би-и-ип...

– Почему вы не брали трубку? – при звуках знакомого голоса у убийцы отлегло от сердца и грудь сотрясло натужным хрипом – от отсутствия слюны пересохло в горле.

– Извините, – просипел он, – отошел, не услышал звонка. Как у НАС дела?

Он тревожно замер, вслушиваясь в наступившую тишину.

– Только что приехал курьер, – буднично ответил связной, будто он сам не провел ночь в нервном напряжении, сидя как на иголках. – Пожалуйста, будьте на связи и ждите моего звонка. В течение ближайшего часа я решу, как и где нам лучше встретиться. Этот человек привез исключительно важные сведения для вас. Не расставайтесь с телефоном.

– Да-да, – поспешно сказал убийца. – Разумеется. Поверьте, что я и сейчас...

– Неважно, – констатировал голос в трубке. – Просто ждите. До встречи.

– Я буду ждать. Всего хорошего.

На экране телевизора закончился рекламный блок и снова начался сериал.

Глава 4

Укрыватель

(3 часа 24 минуты)

Они сидели в маленькой кухне, за столиком, накрытым незатейливой бело-голубой скатертью. Лысый старик любезно угощал гостя скромным ужином.

– Спасибо, что спрятал меня, – в который раз повторял Сталин, большими глотками хлебая чай. – Я знаю, чем ты рискуешь, сделав это. У тебя могут быть огромные проблемы.

Собеседник отмахнулся, показав жестом всю незначительность своей услуги. Он говорил по-русски с заметным испанским акцентом, но в то же время довольно грамотно.

– Да о чем ты говоришь, Коба... все это мелочи, честное слово. На самом деле никому здесь не придет в голову искать тебя именно у меня. И не забудь – я сам умею прятаться и маскироваться, как никто другой. Ну да, ты это не хуже меня знаешь.

Сталин кивнул. В свое время он дорого заплатил бы за то, чтобы поговорить с этим человеком, и никогда не представлял, что они мирно будут распивать чай на одной кухне. Тогда он был уверен, что если разговор и состоится, то при совершенно других условиях.

– Я думаю, ты можешь просидеть тут хоть год, если не вы-

ходить из квартиры, – продолжал лысый. – Разумеется, пока соседи не донесут, а это рано или поздно случится.

– Да, слушай, – развеселился Сталин, двинул рукой и расплескал чай. – Тут временами чувствуешь себя совсем как дома. В натуре, в любом веке люди любили стучать.

– О, даже не сомневайся. Это подмечали и фараоны, и римские прокураторы, и святейшая инквизиция, – ехидно улыбался старик. – Такова уж человеческая природа. Кстати, мне до сих пор смешно видеть в *городе инквизиторов*. Назывались «псы Господни», считали себя святее святых, а тут их отправляют работать в лучшем случае в прачечную – еретикам трусы отстирывать, – он залился дребезжащим смешком. – Хотя нет слов, Торквемада со своей шашлычной чудно устроился. Но такие, как он, нигде не пропадут: сообразил же парень в свое время перекреститься из евреев в католики! А я вот сейчас думаю – эх, ну не додумался я в нужный момент заделаться евреем! Теперь жалею, но кто ж знал?..

– И я тоже не додумался, – поддакнул вождь народов, и оба рассмеялись.

– Когда паханом нашей бригады в каменоломне оказался сам Иоанн, Папа Римский, я просто с кровати упал, – продолжил Сталин, с хрустом дробя на зубах твердую баранку. – Век воли не видать! Ну этот-то ладно, он хоть из бывших пиратов, татуировки показывал и сам мне хвастался, как трон за награбленные дублоны покупал. А потом-то я уже столько пап и кардиналов с тележкой и в кандалах повидал, что

совсем перестал удивляться. Они у нас тысячами камни таскают, не успеваем новых принимать.

Старик кивнул в знак согласия. Он пил чай не из глиняной чашки, как вождь народов, а из специального глубокого деревянного сосуда, с видимым удовольствием ловко высасывая горячий напиток через узкую бамбуковую трубочку.

– Ты уверен, что тебе не будет лучше в *Учреждении*, Коба? – сказал он, нехотя отрываясь от трубочки. – Я полагаю, тебе бы там дали хорошую охрану за твои показания.

– Я ни секунды не сомневаюсь, что поступил правильно, – насупился Сталин. – Иначе меня бы уже замочили. Ты же знаешь, что сделали с Менделеевым? Новости видел, да? А ведь его хорошо охраняли, – он поднял указательный палец, – очень хорошо! Нет, за этим киллером стоят слишком серьезные люди. За такое дело они от меня мокрого места не оставят. Никто еще не вернулся из НЕБЫТИЯ. И я не хочу туда попасть.

– Я полагаю, что тоже могу быть в списке, – хлюпнул чаем старик. – Мое имя на Земле было довольно популярно, хоть фамилия – одна из самых распространенных в государстве. Беда в том, что никто не знает, кому **исполнитель** нанесет следующий удар.

– Никто, – пожал плечами Сталин. – Поэтому мой тебе совет – постарайся как можно реже бывать на улице. Вообще я не знаю, что эти *псы* задумали. Я оставил записку с прозрачным намеком, с кем им следует поговорить. Дурак бы

уже догадался. А эти все медлят. Как только киллера поймают – я сразу же сдамся, чтобы тебя не подставлять.

Лысый на мгновение перестал хмурить брови и снова дребезжаще рассмеялся.

– Коба, мне абсолютно нечего терять. Ты не знаешь, каково это – полжизни прятаться, словно крыса. Поживешь лет сорок на нелегальном положении, чувствуя боль в сердце от каждого стука в дверь, поймешь. Ладно, пойду приготовлю тебе постель.

С усилием поднявшись с табуретки, старик заковылял в спальню.

Сталин снова отхлебнул душистого, крепкого чая – его уже немного оставалось в чашке, зеленоватая жидкость плескалась на самом дне. Смешно, но он знает наверняка – этот дед действительно его не выдаст. Как причудлива судьба... Ведь даже в самом страшном сне вождь народов не мог себе представить, что когда-нибудь придется просить этого человека о временном убежище. Но в *gorode* все становится с ног на голову. В сумасшедшем загробном мире, куда попадают после смерти, враги становятся лучшими друзьями, а закадычные друзья ненавидят тебя так, как раньше любили.

«Если ПРОРОЧЕСТВО сбудется, все сгорит в пламени... и там, и здесь, – сотрясал его мысли шепот умирающего брата Ираклия. – Поэтому я и спрятал Книгу... В ней – главная тайна, как ЭТО сделать. Сожги ее, уничтожь».

Он содрогнулся. Сталин никому не рассказывал о пред-

смертной исповеди иерусалимского паломника – даже своему духовному наставнику по семинарии, отцу Дионисию, которому доверял безмерно. Ему снова привиделась монашеская келья, серая и узкая, со стекающими по стенам каплями влаги – зимой всегда было холодно, и это порождало сырость в помещениях. Брат Ираклий с невидящими глазами, дрожащий всем телом, цепко держащий его за руку. И шепот, страшный шепот, приоткрывающий ему, почти ребенку, все ужасы Книги – слово за словом, погружая его сердце в лед.

Впервые в жизни он почувствовал тогда, как перед ним разверзлась бездна, полная пламени. Иосиф ясно увидел миллиарды тел, корчащихся в огне, глаза, лопающиеся фонтанами слизи, и кожу, слезающую подобно коже печеного картофеля. Брат Ираклий трясся, изрыгая чудовищные предсмертные предсказания, пока не затих. Его грудь с прерывистым всхлипом поднялась и опустилась в последний раз... Перепуганный Сосо не сразу высвободил свою ладонь из потной руки мертвеца, осознавая услышанное, – по щеке побежала горячая слеза. Глаза брата Ираклия, открытые, как и его рот, пристально смотрели в потолок. Пересилив страх, он осторожно прикоснулся к еще теплым векам, чтобы провести рукой сверху вниз, – так обычно делал их сельский священник, словно забирая в горсть мертвый взгляд.

Глаза не закрылись – брат Ираклий сел на своем ложе. Сосо не пошевелился, чувствуя странное ощущение в ногах, как будто их залили чем-то липким. Приблизив к нему

мертвое лицо с белыми зрачками, монах вцепился в его плечо костлявой рукой, хрипло повторяя: «Помни, помни, помни!» Он попытался закричать, но ничего не вышло – другой рукой брат Ираклий держал его за язык, выдирая его изо рта...

– Коба, что с тобой? Стоило отойти, как ты уже заснул, – лысый старик с тревогой вглядывался в лицо Сталина, – мычишь, стонешь... Может, тебе водки дать? Nein problem. Что-то приснилось? Ты чертовски плохо выглядишь.

Сталин с трудом отклеил щеку от стола – на коже остался клетчатый отпечаток скатерти. Взяв себя всей пятерней за лицо, сжал пальцы. Хотя сон сморил его всего минут на десять, было такое ощущение, что проспал два часа, – глаза просто не открывались.

– Извини, Генрих. Возраст дает о себе знать, только и всего, – мгновенно устаю. На каменоломне пятьдесят лет вкалываю, засыпаю там, где сажусь. С удовольствием выпил бы еще чего-нибудь, но боюсь, потом всю ночь буду бегать в клозет. Где ты мне постелил?

– В соседней комнате. А я вот, с твоего позволения, налью себе еще немного матэ – привык, знаешь ли, за столько лет у себя на ранчо. Ко мне даже соседи в гости приходили почаевничать, говорили, что умею заваривать как настоящий кабальеро.

Сталин заставил себя растянуть дрожащие углы губ в гримасе, похожей на улыбку.

– Да, ты мастер своего дела. Перевоплощаешься – любой актер позавидует. Ты не как твой босс. Он был просто уродом, больным психопатом. Я отлично понимаю тебя – возможно, ты не любил этого кретина, но на службе надо выполнять приказы вне зависимости от того, нравится тебе начальник или нет. Жаль, что мы с тобой при жизни не познакомились. С удовольствием спрятал бы тебя в Москве – мог бы жить на даче в Горках, с паспортом на имя Петра Сергеевича Козолупо. Никто б не узнал.

– Danke. Я сменил столько паспортов, что устал записывать на бумажку, как меня зовут. Последний документ был на имя Педро Хуареса. Спокойной ночи тебе, Коба.

...Дождавшись, пока Сталин уснет, бывший шеф гестапо, группенфюрер СС Генрих Мюллер, отключил миниатюрный диктофон, прикрепленный скотчем к внутренней стороне столика с бело-голубой баварской скатертью, и вытащил из него микрокасету. Он искренне не собирался выдавать Сталина *Учреждению*, которое ненавидел всеми фибрами души не меньше, чем вождь народов. Однако записывать разговоры его научила долгая практика сначала в криминальной полиции, а потом в гестапо. Никогда не знаешь, в какой момент это может пригодиться, но на всякий случай лучше иметь под рукой.

Высасывая сладкий матэ через трубочку, Мюллер снова раскрыл свой любимый роман, который он перечитывал многократно как при жизни, так и ПОСЛЕ. Кино, снятое по

его мотивам, напротив, ему не особенно понравилось – он не был там похож на себя, какой-то семейный клоун, добренький доктор Айболит из детской сказки. Вытащив бархатную закладку, Мюллер пролистнул страницу, в который раз перечитывая проливающую бальзам на сердце строчку: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться».

Глава 5

Мусор

(чуть раньше, 20 часов 39 минут)

Прошло не меньше двух часов, прежде чем Калашников неохотно признался самому себе – тревога оказалась ложной. Он совершенно напрасно перевернул апартаменты Менделеева вверх дном – потому что так и не нашел того, что искал среди многочисленных профессорских бумаг. Сев на стул, Алексей в который раз за день выматерился до хруста в челюсти. Ужасно хотелось выпить залпом стакан... нет, не водки, а именно спирта – прямо как той осенью, во время германской войны.

Стоявший рядом Малинин смотрел на начальство с недоумением, почтением и страхом. Подозрения об апоплексическом ударе не оправдались, однако создавалось впечатление, что с головой его благородия происходит нечто загадочное. Зачем было врываться в квартиру покойника, чтобы все там разгромить, а потом сидеть и выражаться, как грузчик?

Если бы многоопытный Малинин не знал наверняка, что его благородие не пьет по два литра в день, то определил бы его поведение как натуральную белую горячку.

Калашников поднял голову и поймал на себе страдальческий взгляд.

– Нет-нет, братец, все в порядке...

По выражению лица Малинина было очевидно – он явно так не считает.

– Я искал блокнот, – вяло объяснил Калашников.

Вид у него был не лучший – волосы спутаны, на рубашке выступили пятна пота, глаза покраснели от бессонницы.

– Какой блокнот, вашбродь? – впервые за день нарушил обет молчания Малинин.

– Ты просто не слышал. Когда мы сидели в машине в вампирском квартале, мне позвонил профессор Склифосовский в расстроенных чувствах из-за Менделеева... Я его старческие причитания, признаться, пропустил мимо ушей. И только собрались с тобой ехать, как мне в голову ударило – блокнот! Склифосовский сказал, что Менделеев был жуткий педант – как только что-то ему придет в голову, сию минуту эту самую мысль в блокнот пишет. Судя по тому, что он несколько дней подряд исследовал *вещество* по просьбе Шефа, у него должна быть просто куча этих записей. Я подумал, что профессор по свойственной ему рассеянности куда-то задел блокнот, посему и решил вторично обыскать его квартиру. В общем, какая разница... Следовало сразу ехать к Ше-

фу с докладом о нашей интимной беседе в «Грустных кly-ках», а не терять здесь время. Следов убийцы мы не нашли, но тем не менее тот умудрился забрать блокнот. Если он вообще был.

Выпалив все это на одном дыхании, Калашников налил себе воды из стоящего на столе массивного графина. Вода была затхлая, но длительный монолог высушил небо.

Малинин заморгал, возведя глаза к потолку.

– Да, но ведь наши эксперты определили, что киллер не влезал в окно, – задумчиво сказал унтер-офицер, не отрывая глаз от изящной французской люстры. – Как же тогда он смог забрать блокнот? Удочкой, что ль, с дерева подцепил? Так оттуда и не разглядишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.